

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

James C. Scott

Against the Grain

A Deep History
of the Earliest States

YALE UNIVERSITY PRESS
NEW HAVEN AND LONDON

Джеймс Скотт

Против зерна

Глубинная история
древнейших государств

Перевод с Английского
Ирины Троцук

| Издательский дом ДЕЛО |

Москва | 2020

Скотт, Дж.

С44 Против зерна: глубинная история древнейших государств / Джеймс Скотт ; перевод с английского Ирины Троцук. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. — 328 с. — ISBN 978-5-85006-222-4.

Почему люди отказались от охоты и собирательства ради оседлой жизни в сообществах, которые были основаны на зерновых культурах и животноводстве и управлялись предшественниками нынешних государств? Большинство из нас уверено, что одомашнивание растений и животных позволило людям окончательно перейти к оседлости и основать жившие сельским хозяйством деревни, города и государства, а последние, в свою очередь, создали цивилизацию, закон, общественный порядок и, видимо, обеспечили нам безопасную жизнь. Однако археологические и исторические свидетельства ставят этот традиционный нарратив под сомнение.

Джеймс Скотт считает, что первые аграрные государства — порождение совокупности одомашниваний: сначала огня, затем растений, животных, подданных государств, пленников и, наконец, женщин в патриархальной семье — все эти этапы одомашнивания можно рассматривать как способ обретения контроля над воспроизводством. Скотт ищет ответы на вопросы, почему мы так долго избегали оседлости и плужного земледелия, каковы преимущества мобильных хозяйственных укладов, почему скученность растений, животных и зерновых имела столь непредвиденные эпидемиологические последствия и почему все первые государства основаны на просе, других злаках и несвободном труде. Скотт также рассматривает «варваров», которые очень долго ускользали от государственного контроля, и «варварство» — как инструмент понимания напряженных отношений между государствами и не подчинявшимися им народами.

УДК 930.85+397+63
ББК 63.3(4/8)+63.5+4г

ISBN 978-5-85006-222-4

© 2016 by Yale University
Originally published by Yale University Press
© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2020

Содержание

Предисловие · 9

Введение. Разбитый в пух и прах нарратив,
или Чего я не знал прежде · 19

Глава 1. Приручение огня, растений,
животных и... нас · 57

Глава 2. Благоустройство мира:
мания одомашнивания · 89

Глава 3. Зоонозы: идеальный
эпидемиологический шторм · 115

Глава 4. Агроэкология первых государств · 139

Глава 5. Контроль населения:
неволя и война · 175

Глава 6. Хрупкость первых государств:
разрушение и демонтаж · 209

Глава 7. Золотой век варварства · 245

Примечания · 284

Библиография · 305

*Посвящается моим внукам,
углубившимся в Энтропоцен*

Лилиане Луизе

Грему Оруэллу

Анъе Джульет

Эзре Дэвиду

Уинифрен Дэйзи

Клод Леви-Стросс писал: «Письменность, видимо, необходима централизованному стратифицированному государству, чтобы воспроизводить себя... Письменность — странная вещь... Один феномен, который неизменно ее сопровождает, — формирование городов и империй: интеграция политической системы, т.е. включение значительного числа индивидов в иерархию каст и рабов... Такое впечатление, что письменность способствует скорее эксплуатации, чем просвещению человечества».

Предисловие

Перед вами отчет правонарушителя, решившего разведать обстановку. Сейчас поясню. Мне предложили прочесть две лекции в рамках программы Таннера в Гарвардском университете в 2011 году. Просьба была лестной, но я только что закончил работу над сложной книгой и наслаждался приятным предвкушением «свободного чтения» без какой бы то ни было конкретной цели. Что интересного я мог придумать за четыре месяца? Размышляя о подходящей теме, я вспомнил о тех двух открытых лекциях по аграрным обществам, что обычно читаю в аспирантуре на протяжении двух последних десятилетий. В них я делаю обзор истории одомашнивания и аграрной структуры первых государств. Хотя содержание лекций менялось, я понимал, что они безнадежно устарели. Я решил, что могу сосредоточиться на изучении последних работ об одомашнивании и первых государствах, чтобы подготовить две лекции, содержащие новейшие научные данные и достойные моих проницательных студентов.

Я был удивлен как никогда прежде! В ходе подготовки к лекциям выяснилось, что многое из того, что, как мне казалось, я хорошо знал, теперь оспаривалось. Ознакомившись со множеством дискуссий и новых данных, я осознал, что для должного освещения выбранной проблематики мне нужно серьезно пополнить свой научный арсенал. В результате прочитанные мною лекции служили скорее конста-

тацией моего изумления относительно того, сколь много теоретических положений следует пересмотреть, чем представляли собой попытку подобный пересмотр провести. Пригласивший меня Хоми Баба выбрал трех прекрасных комментаторов — Артура Клейнмана, Партху Чаттерджи и Вину Дас, которые на последовавшем после лекций семинаре убедили меня, что моя аргументация еще не готова для предъявления широкой публике. Лишь пять лет спустя я смог закончить книгу, которую счел достаточно обоснованной и провокационной.

Итак, эта книга отражает мои попытки «копнуть поглубже», и она все еще слишком похожа на работу дилетанта. Хотя я имею полное право называться политологом и антропологом, а также любезно предоставленным мне званием эколога, книга заставила меня работать на стыке предыстории человечества, археологии, древней истории и антропологии. Поскольку я не имею опыта работы ни в одной из названных областей, меня можно справедливо обвинить в гордыне. Меня извиняет, но вряд ли оправдывает, то, что мое вторжение в эти области имеет тройственный характер. Во-первых, посмотрите, каким преимуществом наивности обладает мое вторжение! В отличие от специалиста, погруженного в тесно взаимосвязанные дискуссии в каждой из названных областей, я вторгся в них практически с теми же неисследованными предположениями об одомашнивании растений и животных, оседлом образе жизни, самых ранних формах поселений и первых государствах, что и любой из нас, кто не особенно интересовался новыми данными, полученными за последние двадцать лет, и склонен принимать их как данность. В этом смысле мое невежество и последующее шокирующее открытие, что многое из того, что я, казалось бы, хорошо знал, совершенно неверно, можно считать преимуществом для автора книги, рассчитанной на аудиторию, которая пребывает в плену тех же за-

блуждений. Во-вторых, я добросовестно прилагал усилия, чтобы изучить последние открытия и споры в биологии, эпидемиологии, археологии, древней истории, демографии и экологической истории, которые имеют отношение к интересующим меня вопросам. И, наконец, в-третьих, на протяжении двух десятилетий я пытался понять логику современной государственной власти (в книге «Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни»¹) и жизненные практики безгосударственных народов, особенно в Юго-Восточной Азии, которые до недавнего времени избегали поглощения государством (в книге «Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии»²).

Иными словами, перед вами вторичный проект смущенного автора. Как таковой он не порождает нового знания, его цель, в самом амбициозном ее выражении, — соединить имеющиеся данные таким образом, чтобы прочерченные связующие их линии помогли что-то лучше понять или навели на размышления. Достигнутые в последние десятилетия поразительные успехи в нашем познании позволили радикально пересмотреть или полностью отказаться от того, что мы считали достоверным знанием о первых «цивилизациях» на аллювиальных равнинах Месопотамии и в других регионах. Мы полагали (в той или иной мере, но большинство из нас), что одомашнивание растений и животных прямо вело к оседлому образу жизни и земледелию. Однако оседлый образ жизни возник задолго до первых случаев одомашнивания животных и растений: оседлость и одомашнивание появились по крайней мере за четыре тысячелетия до того, как оформилось нечто похожее на деревни. Оседлый образ жизни и первые государства считались следствием развития систем орошения и появления городов. Однако на самом деле все было на-

оборот: как правило, города и системы орошения были результатом избытка болотистых территорий. Мы считали, что оседлость и земледелие мгновенно положили начало государственному строительству, но оказывается, что города неожиданно появились намного позже оседлого земледелия. Мы полагали, что земледелие было великим шагом к обеспечению благосостояния, пропитания и отдыха, но, оказывается, все было ровно наоборот. Государства и первые цивилизации считались центрами притяжения, привлекавшими людей своей роскошью, культурой и возможностями. В действительности же первые государства были вынуждены захватывать большую часть своего населения и удерживать его с помощью разных форм рабства, а также страдали от эпидемий по причине своей перенаселенности. Первые государства были хрупки и склонны к разрушению, а следовавшие за их распадом «темные века» часто означали реальное улучшение условий жизни людей. И, наконец, появились веские аргументы в пользу того, что жизнь за пределами государств, т.е. «варварство», часто была намного проще, свободнее и полезнее для здоровья, чем жизнь по крайней мере неэлитных групп внутри цивилизаций.

Я не питаю иллюзий, что написанное мною станет последним словом в истории одомашнивания, становления первых государств или их взаимоотношений с населением в центральных районах. Я преследую две цели: первая и более скромная состоит в кратком изложении наиболее достоверных данных по перечисленным вопросам и в оценке того, что это изложение дает нам для понимания становления государств и их влияния на человека и экологию. Это чрезвычайно амбициозная задача, и я пытался следовать тем стандартным принципам этого жанра, что заложили Чарльз Манн («1491»)³ и Элизабет Колберт («Шестое вымирание»)⁴. Моя вторая цель, и здесь мои «местные проводники» должны

сработать безупречно, заключается в том, чтобы сформулировать серьезные и наводящие на размышления выводы, с которыми, как мне хочется верить, «будет здорово согласиться». Иными словами, я полагаю, что максимально широкую трактовку одомашнивания как контроля за воспроизводством можно использовать не только в отношении огня, растений и животных, но также рабов, подданных государства и женщин в патриархальной семье. Я считаю, что злаковые культуры практически повсеместно имеют те уникальные характеристики, что сделали их основным налогооблагаемым товаром, необходимым для раннего государственного строительства. Я убежден, что мы непростительно недооценивали важность (инфекционных) заболеваний, обусловленных скученностью населения в демографически хрупких первых государствах. В отличие от многих историков, я задаюсь вопросом, не были ли массовые исходы из центров первых государств чаще благом для здоровья и безопасности их населения, чем «темными веками», свидетельствующими о крахе цивилизаций. И, наконец, я хочу понять, не объясняется ли выбор населения, которое оставалось за пределами государственных центров (или сбегало сюда) на протяжении тысячелетий после основания первых государств, тем, что условия жизни здесь были лучше. Все эти предположения, сделанные по мотивам прочитанных научных работ, я специально сформулировал как провокационные — они призваны стимулировать дальнейшие рассуждения и исследования. Я старался честно показать, какие вопросы поставили меня в тупик, а по каким данным недостаточно и я выдвигаю лишь гипотезы.

Необходимо кратко обрисовать географию и историческую хронологию книги. Практически все повествование сосредоточено на Месопотамии, особенно на южной аллювиальной равнине — на юге современной Басры. Мой интерес объясня-

ется тем, что эта территория между Тигром и Евфратом (Шумер) была *сердцем первых «древних» государств мира*, но не местом зарождения оседлого образа жизни, не регионом первых попыток одомашнивания растений и даже не родиной первых протогородских поселений. Если не принимать во внимание древнейшую историю одомашнивания, то рассмотренная в книге хронология начинается примерно с 6500 года до н.э., или убейдского периода, проходит через старовавилонский период и заканчивается примерно в 1600 году до н.э. Общепринятое деление этой эпохи на периоды (хотя обсуждаются и иные их хронологические границы) таково: убейдский (6500–3800 годы до н.э.), урукский (4000–3100), джемдет-нарсский (3100–2900), раннединастический (2900–2335), аккадский (2334–2193), период Третьей династии Ура (2112–2004) и старовавилонский (2004–1595). Большинство приведенных в книге данных относятся к периоду с IV по II тысячелетия до н.э., поскольку это одновременно ключевая для государственно-го строительства эпоха и фокус научного интереса.

Время от времени я кратко обращаюсь к истории иных древних государств, таких как китайские династии Цинь и Хань, Раннее царство Древнего Египта, Римская республика и Римская империя и даже цивилизация майя в Новом Свете. Суть таких экскурсов в том, чтобы, когда свидетельств из Месопотамии недостаточно или они неоднозначны, с помощью сопоставительного анализа сделать обоснованные предположения о цивилизационных паттернах. Особенно это касается роли подневольного труда в первых государствах, значения болезней в их крахе, последствий распада государств и их взаимоотношений со своими «варварами».

Пытаясь объяснить сюрпризы, с которыми я столкнулся и которые, как я полагаю, ожидают моих читателей, я опирался на огромное количество дове-

ренных «местных проводников» в тех предметных областях, с которыми не очень хорошо знаком. И вопрос совершенно не в том, вторгнулся или нет я на чужие территории, — я *намеренно* этим занимался! Вопрос, скорее, в том, смог ли я во время своего незаконного вторжения обратиться к самым опытным, внимательным, много повидавшим и достойным доверия местным проводникам. Я назову лишь некоторых из самых важных для меня проводников — я намерен указать их как участников своего путешествия, потому что их мудрость помогла мне найти свой путь. Возглавляют этот список археологи и специалисты по аллювиальным равнинам Месопотамии, не жалевшие на меня своего времени и высказывавшие критические соображения: Дженнифер Пурнелл, Норман Йоффе, Дэвид Венгроу и Сет Ричардсон. Другие авторы, чьи работы вдохновляли меня, перечислены далее в произвольном порядке: Джон Макнилл, Эдвард Меллillo, Мелинда Зеде, Ханс Ниссен, Лес Гроуб, Гильермо Альгазе, Энн Портер, Сьюзан Поллок, Дориан Фуллер, Андреа Сери, Тейт Полетт, Роберт Адамс, Майкл Дитлер, Гордон Хиллман, Карл Джейкоби, Хелен Лич, Питер Пердью, Кристофер Бекуит, Сайприан Брудбэнк, Оуэн Латтимор, Томас Барфилд, Йен Ходдер, Ричард Мэннинг, К. Сиварамакришнан, Эдвард Фридман, Дуглас Сторм, Джеймс Прозек, Аникет Ага, Сара Остерхудт, Падриах Кенни, Гардинер Бовингдон, Тимоти Печора, Стюарт Шварц, Анна Цин, Дэвид Грэбер, Магнус Фишесью, Виктор Либерман, Ван Хайчэн, Хелен Сью, Беннет Бронсон, Алекс Лихтенштейн, Кэти Шуфро, Джеффри Айзаак и Адам Смит. Я выражаю особую благодарность Ричарду Мэннингу, который, как выяснилось, предвосхитил добрую часть моих аргументов про злаки и государства и чья неимоверная интеллектуальная щедрость позволила мне похитить название его работы «Горькая правда»⁵ и сделать началом собственной книги.

Хотя я не был напуган открывавшимися перед мной перспективами, я все же опробовал свои аргументы на археологах и специалистах по древней истории. Я хочу поблагодарить их за снисходительность и полезную критику. Одна из первых аудиторий, которую я травмировал своими соображениями, состояла из моих бывших коллег по Университету Висконсина, где в 2013 году я прочитал лекцию в рамках программы Хеллдейла. Я выражаю благодарность Клиффорду Андо и его коллегам за приглашение меня на конференцию «Инфраструктурная и деспотическая власть в древних государствах» в Чикагском университете в 2014 году, а также Дэвиду Венгроу и Сью Хамилтон за возможность прочесть лекцию по программе Гордона Чайлда в Институте археологии в Лондоне в 2016 году. Разные фрагменты моей концепции были представлены (и препарированы!) в Университете Юты (программа Мередит Уилсон), Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета, Университете Индианы, Университете Коннектикута, Северо-Западном университете, Франкфуртском университете, Свободном университете Берлина, на семинаре по юридической теории в Колумбийском университете, а также в Орхусском университете, который подарил мне роскошь оплачиваемого отпуска для продолжения исследований и написания книги. Я особенно признателен моим датским коллегам Нильсу Бубендту, Микаэлю Граверсу, Кристиану Лунду, Нильсу Бримнесу, Пребену Корлсхольму и Бодилу Фредериксону за их интеллектуальную щедрость и идеи, которые внесли важный вклад в мое обучение.

Я убежден, что ни у кого и никогда не было более ценного и интеллектуально свирепого научного ассистента, чем моя помощница Анникки Херрманн, которая теперь начала карьеру антрополога. Неделю за неделей Анникки составляла интеллек-

туальное «дегустационное меню» — великолепно сбалансированное и с четкими указаниями, как получить самые сочные кусочки. Фаиза Закария раздобыла разрешения на все иллюстрации, использованные в книге, а Билл Нельсон искусно составил карты, графики и «гистограммы», призванные помочь читателю сориентироваться. И, наконец, редактор Джин Томас Блэк — причина моей и многих других авторов преданности издательству Йельского университета: она образец высокого качества работы, внимательности и эффективности, которых нам всем так не хватает. Когда дело дошло до того, чтобы максимально очистить окончательную версию рукописи от ошибок, стилистических погрешностей и противоречий, исполнителем приговора был Дэн Хитон. Его настойчивое стремление к совершенству оказалось даже приятным благодаря его добродушию и чувству юмора. Читателям следует знать, что все эти люди сделали все возможное, и оставшиеся в тексте ошибки — непоправимо и исключительно только мои.

ВВЕДЕНИЕ

Разбитый в пух и прах нарратив, или Чего я не знал прежде

ПОЧЕМУ *Homo sapiens sapiens* (человек разумный разумный) относительно недавно для истории своего рода начал жить в тех многолюдных оседлых сообществах, имеющих домашний скот, выращивающих лишь несколько видов зерновых и управляемых предшественниками того, что мы сегодня называем государствами? Этот новый социально-экологический комплекс стал моделью для практически всей письменной истории человечества. Значительно укрепившись и расширившись благодаря росту численности населения, использованию энергии воды и воздуха, парусных судов и торговли на дальние расстояния, эта модель доминировала на протяжении более чем шести тысячелетий до начала применения ископаемого топлива. Все, что вы прочитаете далее, — результат моего любопытства — желания узнать, каковы истоки, структура и последствия существования этого аграрно-экологического комплекса.

Как правило, описание его развития сводится к истории прогресса, цивилизации, социального порядка и улучшения здоровья и досуга. С учетом имеющихся сегодня данных следует признать, что этот нарратив ошибочен и приводит к серьезным заблуждениям. Цель книги — поставить этот исторический нарратив под сомнение на основе почерпнутых мною из книг новых археологических и исторических данных двух последних десятилетий.

Самые ранние аграрные общества и государства Месопотамии были основаны в период, который составляет последние 5% истории человечества на планете. По этим меркам эпоха ископаемого топлива, начавшаяся в конце XVIII века, составляет лишь 0,25% человеческой истории. По тревожно очевидным причинам мы все больше озабочены своим воздействием на экологию планеты в эту эпоху. О том, сколь значительно это воздействие, свидетельствуют бурные дискуссии по поводу термина «антропоцен», который был придуман для обозначения новой геологической эпохи, когда деятельность человека стала принципиально важна для выживания мировых экосистем и сохранения атмосферы¹.

Хотя сегодня никто не сомневается в решающем воздействии человеческой деятельности на экосферу, все еще не решен вопрос о том, *когда* эта деятельность обрела такой характер. Одни авторы датируют его первыми ядерными испытаниями, которые породили постоянный и легко обнаруживаемый слой радиоактивности по всему миру. Другие предлагают начать отсчет антропоцена с промышленной революции и массового использования ископаемого топлива. Третьи отсчитывают его с того момента, когда промышленная революция обрела инструменты для радикального изменения ландшафта, — например, динамит, бульдозеры и железобетон (особенно для строительства плотин). Из трех приведенных вариантов лишь промышленная революция произошла относительно давно (два столетия назад), а два других все еще живы в нашей памяти. По меркам двухсоттысячелетней истории человеческого рода, антропоцен начался несколько минут назад.

Я предлагаю иную точку отсчета — намного более удаленную в истории. Признавая трактовку антропоцена как резкого качественно-количественного изменения нашего воздействия на экологию,

я датирую его начало использованием огня — первого великого инструмента гоминидов для преобразования ландшафта — или даже строительством жилищ. Первые свидетельства использования огня относятся к периоду 400 тысяч лет назад и, возможно, даже намного раньше, задолго до появления *Homo sapiens*². Постоянные жилища, земледелие и скотоводство появились примерно 12 тысяч лет назад, обозначив следующий скачок в преобразовании природного ландшафта. Если нас интересует исторический след гоминидов, то можно выделить «тонкий» антропоцен, случившийся задолго до недавнего и более бурного «плотного» антропоцена: «тонкость» первого антропоцена объясняется, прежде всего, малым числом гоминидов, использовавших инструменты изменения ландшафта. Наша общемировая численность в X тысячелетии до н.э. составляла ничтожные 2 или 4 миллиона — намного меньше тысячной доли нынешнего населения планеты. Другое решающее досовременное изобретение человечества носило институциональный характер: государство. Первые государства на аллювиальных равнинах Месопотамии возникли не ранее чем 6 тысяч лет назад — через несколько тысячелетий после появления первых форм земледелия и оседлого образа жизни в регионе. Никакой иной институт, помимо государства, не затратил столько же усилий на мобилизацию технологий изменения ландшафта в собственных интересах.

Для понимания того, как мы стали вести оседлый образ жизни, занимаясь выращиванием зерновых и животноводством и подчиняясь новому институту, который сегодня называем государством, необходимо совершить экскурс в древнюю историю. По моему мнению, в лучших своих проявлениях история — самая подрывная из дисциплин, поскольку способна рассказать, как именно появились те вещи, которые мы считаем само собой разумеющимися. Очарование древней исто-

ПРОТИВ ЗЕРНА

РИС. 1. Хронология: от огня до клинописи

рии обусловлено тем, что, обнаруживая многочисленные непредвиденные обстоятельства, которые в совокупности породили, например, промышленную революцию, максимум последнего оледенения или династию Цинь, она отвечает на призыв первого поколения французских историков из школы Анналов писать историю процессов «большой длительности» (*la longue durée*) вместо составления хроники публичных событий. Однако современный призыв «углубиться в историю» еще больше соответствует идеям школы Анналов, поскольку речь идет об истории человеческого рода. Я ощущаю этот дух времени, прекрасно иллюстрирующий изречение «сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек»³.

Парадоксы государственных и цивилизационных нарративов

Основной вопрос государственного строительства состоит в том, как именно мы (*Homo sapiens sapiens*) начали жить посреди тех беспрецедентных скоплений одомашненных растений, животных и людей, которые характерны для государств. С этой широкоугольной перспективы государство как форма жизни — это что угодно, но не что-то естественное или данное. *Homo sapiens* появился как вид рода *Homo* примерно 200 тысяч лет назад, останки его представителей за пределами Африки и Леванта датируются не позднее чем 60 тысячелетиями назад. Первые свидетельства существования культурных растений и оседлых сообществ относятся примерно к 12 тысячелетиям назад. До этого момента, т.е. на протяжении 95% истории человечества на планете, мы жили в небольших, мобильных, рассеянных, относительно эгалитарных группах охотников и собирателей. Еще более примечателен для тех, кто интересуется становлением государств,

ПРОТИВ ЗЕРНА

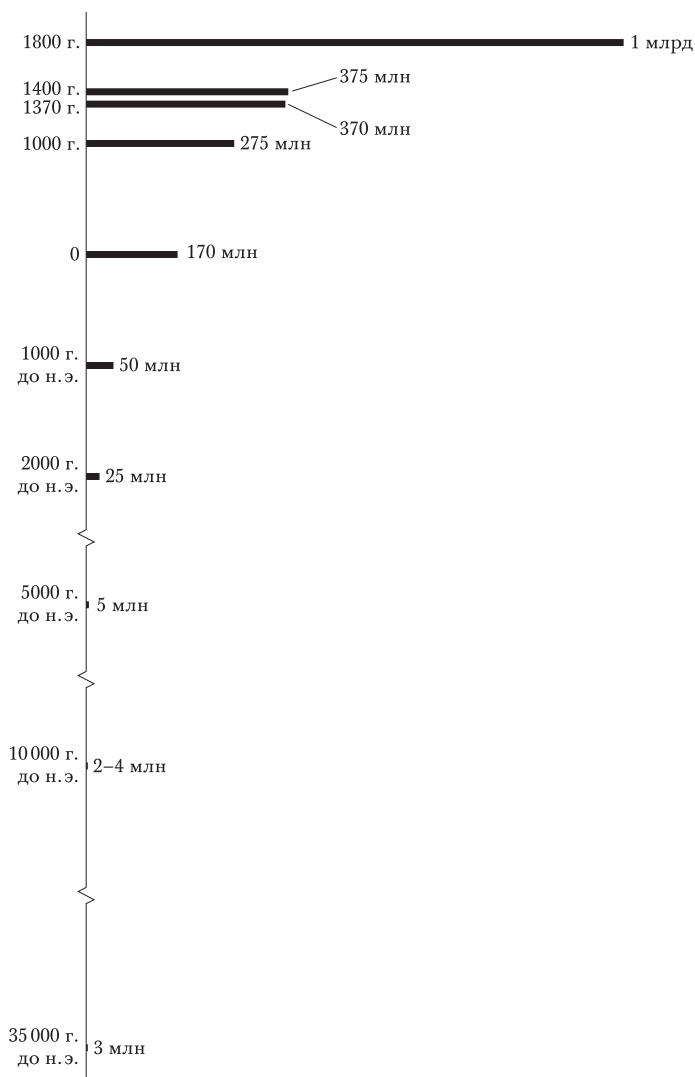

РИС. 2. Примерная численность населения в древнем мире

тот факт, что первые небольшие социально дифференцированные, собирающие налоги и окруженные стенами государства неожиданно возникли в долине Тигра и Евфрата лишь примерно в 3100 году до н.э., спустя более четырех тысячелетий *после* первых одомашненных зерновых и элементов оседлости. Это невероятное отставание является проблемой для тех ученых, кто считает государство естественной для человека формой жизни и убежден, что как только появляются сельскохозяйственные культуры и оседлость, т.е. технологические и демографические условия государства, то, как логичные и самые эффективные элементы политического порядка, тут же возникают государства/империи⁴.

Эти голые факты неудобны для той версии человеческой предыстории, которую бездумно наследует большинство из нас (включая меня). С исторической точки зрения человечество оказалось зачаровано нарративом прогресса и цивилизации, созданным первыми великими аграрными царствами. Как новые и мощные типы общества они были полны решимости жестко дистанцироваться от породивших их сообществ, которые все еще манили их и угрожали на границах. По сути, этот нарратив был историей «восхождения человека». Согласно ему сельское хозяйство вытеснило первобытный, дикий, примитивный, незаконный и жестокий мир охотников-собирателей и кочевников. Оседлое земледелие стало основой и гарантией оседлого образа жизни, официальной религии, формирования государства и управления посредством законов. Те, кто отказывался заниматься земледелием, считались либо невежественными, либо не способными адаптироваться. Практически во всех первых аграрных центрах приоритет земледелия подкреплялся развитой мифологией, в которой рассказывалось, как некий могущественный бог или богиня даровали священное зерно избранному народу.

Как только мы ставим под сомнение базовое предположение о превосходстве и привлекательности оседлого земледелия по сравнению с предшествовавшими способами обретения средств к существованию, становится очевидно, что это предположение покоится на более глубоком убеждении, которое почти никогда не ставится под сомнение. Оно состоит в том, что оседлый образ жизни превосходит кочевые формы жизни и более привлекателен, чем они. Понятия дома и постоянного местожительства столь глубоко встроены в цивилизационный нарратив, что практически невидимы: рыба же не рассуждает о воде! Фактически предполагается, что уставший донельзя *Homo sapiens* просто не мог дожидаться того момента, когда сможет где-то осесть навсегда, не мог дожидаться окончания сотен тысячелетий кочевой жизни и сезонных миграций. В то же время существует множество свидетельств повсеместного и решительного сопротивления кочевых сообществ переходу к оседлому образу жизни даже в относительно благоприятных условиях. Сообщества скотоводов и охотников-собирателей боролись против постоянных поселений, нередко справедливо связывая их с болезнями и государственным контролем. Многие коренные народы Америки были заперты в резервациях только после военного поражения. Другие использовали исторический шанс, предоставленный контактами с европейцами, чтобы увеличить свою мобильность, например сиу и команчи стали конными охотниками, торговцами и налетчиками, а навахо — скотоводами, преимущественно овцеводами. Большинство народов, предпочитавших мобильные формы выживания (пастушеское скотоводство, собирательство на суше и на море, охота и даже подсечно-огневое земледелие), с готовностью адаптировались к торговле, но ожесточенно боролись против оседлости. У нас нет никаких оснований утверждать, что оседлые «данности» со-

временной жизни с исторической точки зрения были универсальной целью⁵.

Базовый нарратив об оседлом образе жизни и земледелии давно пережил ту мифологию, которая изначально его обосновывала. От Томаса Гоббса к Джону Локку, затем к Джамбаттисте Вико, Льюису Генри Моргану, Фридриху Энгельсу, Герберту Спенсеру, Освальду Шпенглеру и социал-дарвинистским концепциям социальной эволюции доктрина прогресса как последовательного движения от охоты и собирательства через кочевой образ жизни к сельскому хозяйству (и от сообществ к деревням и через городские поселения к большим городам) не менялась. Подобные взгляды, по сути, воспроизводили эволюционную модель Юлия Цезаря — от домохозяйств через кланы, племена и народы к государству (к жизни под властью законов), где Рим был вершиной развития, а кельты, а позже германцы, отставали от него в развитии. Несмотря на различия в деталях, подобные версии истории фиксируют поступь цивилизации, отраженную в большинстве педагогических программ и запечатленную в сознании школьников по всему миру. Переход от одного способа существования к другому считается резким и окончательным: никто, однажды увидев сельскохозяйственные методы, не пожелал бы остаться кочевником или собирателем. Считается, что каждый следующий шаг эволюции знаменует эпохальный рывок с точки зрения благополучия: больше свободного времени, лучше питание, больше ожидаемая продолжительность жизни и, наконец, оседлость, способствовавшая развитию домоводства и цивилизации. Выкорчевывать этот нарратив из воображения человечества практически невозможно: трудно даже представить себе ту восстановительную программу из двенадцати шагов, которая потребуется для решения этой задачи. Тем не менее я положу ей начало.

От значительной части того, что мы называем общепринятым нарративом, придется отказаться,

как только мы противопоставим ему накопленные археологические свидетельства. Вопреки прежним утверждениям, охотники и собиратели — даже сегодня в приграничных убежищах, где они проживают, — не похожи на свои фольклорные изображения отчаявшихся, обездоленных людей на пороге неминуемой голодной смерти. На самом деле охотники и собиратели никогда прежде не выглядели так хорошо с точки зрения своего рациона, здоровья и свободного времени, тогда как земледельцы, напротив, никогда прежде не выглядели так плохо с точки зрения *их* рациона, здоровья и свободного времени⁶. Нынешняя мода на «палеолитические» диеты отражает проникновение археологических знаний в популярную культуру. Поворот от охоты и собирательства к земледелию — медленный, неровный, обратимый и иногда неполный — нес в себе по крайней мере столько же потерь, сколько и обретений. Так, хотя в общепринятом нарративе посадка сельскохозяйственных культур представлена как решающий шаг к утопическому настоящему, она не могла восприниматься именно так теми, кто впервые ею занимался: ряд ученых считают, что этот факт отражен в библейской истории об изгнании Адама и Евы из райского сада.

Те ранения, что были нанесены общепринятому нарративу последними исследованиями, представляются мне опасными для его жизни. Например, прежде считалось, что постоянное местожительство, или оседлость, — результат полевого земледелия: сельскохозяйственные культуры позволили создавать густонаселенные поселения, став необходимым условием формирования городов. К сожалению для нарратива, оседлый образ жизни оказался распространен в экологически богатых и многообразных досельскохозяйственных условиях, особенно на заболоченных землях вдоль маршрутов сезонных миграций рыб, птиц и крупных животных. На юге древней Месопотамии (по-гре-

чески — «междуречья») можно обнаружить оседлые поселения, даже города с населением до пяти тысяч человек с незначительным сельским хозяйством или вообще без него. Встречается и противоположная аномалия — выращивание сельскохозяйственных культур в сочетании с мобильностью и территориальным рассеянием (кроме короткого периода сбора урожая). Этот парадокс вновь подтверждает, что имплицитная посылка общепринятого нарратива — будто бы люди просто не могли дожидаться, когда окончательно откажутся от кочевого образа жизни и «осядут», — может быть ошибочна.

Вероятно, самым тревожным обстоятельством для общепринятого нарратива является то, что лежащий в его основе цивилизационный акт — *одомашнивание* — упорно от него ускользает. Как бы то ни было, но гоминиды изменяли растительный мир, преимущественно с помощью огня, еще до *Homo sapiens*. Когда же был перейден Рубикон одомашнивания? Следует ли считать таковым уход за дикорастущими растениями, их прополку, пересаживание на новое место, разбрасывание горсти семян по богатому илу, помещение одного или двух семян в ямку, выкопанную двумя колышками, или вспашку? Это не тот случай, когда можно закричать «Эврика!» Даже сегодня в Анатолии есть огромные поля дикой пшеницы, где, как прекрасно показал Джек Харлан, за три недели любой человек с помощью кремневого серпа может собрать достаточно зерна, чтобы прокормить семью в течение года. Задолго до специальных посадок семян в распаханное поле собиратели создали все инструменты для сбора урожая, плетеные веялки, точильные камни, ступы с пестиками для переработки дикорастущих зерновых и бобовых⁷. Для неспециалиста посадка семян в подготовленную борозду или ямку кажется важнейшим шагом. А считается ли таковым, если я брошу косточки съедобных фруктов в кучу растительного компоста недалеко от заго-

родного дома, зная, что многие из них прорастут и разрастутся?

Для археоботаников свидетельства одомашнивания зерновых — это находки нехрупких колосков (им намеренно или случайно отдавали предпочтение первые земледельцы, потому что колоски не осыпались, а «ждали» сборщика урожая) и крупных семян. Сегодня выясняется, что такие морфологические изменения, видимо, случились несколько *после* того, как стали возделываться зерновые культуры. То, что прежде считалось однозначным и непоколебимым доказательством полного одомашнивания овец и коз, сегодня также ставится под сомнение. Подобные противоречия имеют два следствия. Во-первых, они отрицают выделение одного-единственного события одомашнивания — как произвольное и бессмысленное. Во-вторых, они растягивают одомашнивание на очень-очень длительный срок, который некоторые называют «производством продуктов питания низкого уровня»: растения были уже не вполне дикорастущими, но еще не вполне одомашненными. Оптимальные трактовки одомашнивания растений отказываются от единственного события одомашнивания и заменяют его, опираясь на убедительные генетические и археологические свидетельства, процессами окультуривания диких видов в разных регионах, которые длились до трех тысячелетий и обусловили множественные и рассеянные в пространстве и времени одомашнивания основных культур (пшеница, ячмень, рис, нут, чечевица)⁸.

Хотя подобные археологические находки в пух и прах разбивают общепризнанный цивилизационный нарратив, можно считать этот ранний период истории частью длительного и все еще продолжающегося процесса, в ходе которого человечество вмешивается в природу, чтобы контролировать репродуктивные функции интересующих его растений и животных. Мы избирательно разводим, за-

щищаем и эксплуатируем их. Вероятно, можно расширить эту аргументацию до первых аграрных государств с их системами патриархального контроля репродуктивных функций женщин, пленных и рабов. Гильермо Альгазе высказался еще смелее: «Первые ближневосточные деревни одомашнили растения и животных. В свою очередь, городские институты Урука одомашнили людей»⁹.

Поставим государство на место

Любое исследование становления государства, подобное предпринятому мною, по определению рискует отвести государству гораздо большую роль, чем оно заслуживает при условии более взвешенной оценки положения дел. Я хотел избежать этого риска. Исторические факты, по крайней мере как я их понимаю, говорят, что в беспристрастно изложенной истории человечества государство сыграло куда более скромную роль, чем ему обычно приписывают.

Нет никакой тайны в том, что государства доминируют в археологических находках и исторических хрониках. Для нас, *Homo sapiens*, привыкших думать в категориях одного или нескольких сроков человеческой жизни, постоянство государства и управляемых им пространств кажется неизбежной константой нашего существования. Помимо абсолютной гегемонии государства как формы жизни, значительная часть археологических и исторических исследований по всему миру финансируется государством и нередко сводится к его нарциссическим упражнениям в самолюбовании. До относительно недавнего времени эта институциональная пристрастность усугублялась самой археологической традицией с характерным для нее подходом к раскопкам и анализу главных руин: если вы занимались монументальным строитель-

ством в камне и оставили свои развалины удобно размещенными в одном месте, то ваши шансы быть «обнаруженным» и доминировать на страницах учебников древней истории были высоки. А если вы были из охотников-собирателей или кочевников, пусть даже многочисленных, и разбросали ваш био-разлагаемый мусор тонким слоем по всему ландшафту, то, скорее всего, вы не были бы замечены археологией.

Как только в исторических записях упоминаются письменные документы (иероглифы или клинопись), смещение исторической перспективы становится еще более очевидным. Мы имеем дело исключительно с текстами, ориентированными на государственные нужды: налоги, рабочие единицы, сбор дани, царские генеалогии, мифы об основании государства и законах. Нет никаких конкурирующих дискурсов, и попытки неортодоксального чтения подобных текстов исключительно сложны и требуют героической смелости¹⁰. В целом чем больше оставленные государством архивы, тем больше страниц в них посвящено истории царства и его автопортрету.

И все же первые государства, появившиеся на аллювиальных и наносных равнинах юга Месопотамии, Египта и Желтой реки, были просто крохотными с демографической и географической точек зрения. Они были лишь маленьким пятнышком на карте древнего мира и статистической погрешностью в общей численности мирового населения, составлявшей в 2000 году до н.э. примерно 25 миллионов человек. Это были крошечные сосредоточия власти, окруженные обширными пространствами, заселенными безгосударственными народами, или «варварами». Невзирая на существование Шумера, Аккада, Микен, империй ольмеков/маяя, Хараппы и китайской империи Цинь, большая часть населения мира на протяжении очень долгого времени жила за пределами государ-

ственного контроля и налогообложения. Сложно сказать точно и обоснованно, когда именно политический ландшафт стал состоять исключительно из государств. Если принять во внимание огромный массив накопленных данных, то до начала последних четырех столетий треть земного шара была занята охотниками-собираателями, подсечно-огневыми земледельцами, скотоводами и независимыми садоводами, а государства, будучи аграрными, ограничивались той небольшой частью планеты, что пригодна для сельского хозяйства. Значительная часть мирового населения могла никогда не встретить основного представителя государства — сборщика налогов. Многие, возможно даже большинство, могли пересекать государственные границы в обе стороны и менять свои хозяйственные уклады, обеспечивая себе неплохие шансы уворачиваться от тяжелой поступи государства. Соответственно, если мы датируем начало эпохи окончательной гегемонии государства примерно 1600 годом, то получается, что оно доминировало лишь на протяжении последних 0,2% времени политической истории человечества.

Фокусируясь лишь на тех особенных регионах, где появились первые государства, мы рискуем упустить из виду тот ключевой исторический факт, что до относительно недавнего времени в большей части мира государств не существовало. Классические государства Юго-Восточной Азии — практически современники эпохи Карла Великого, но возникли они лишь через шесть веков после «изобретения» земледелия. Государства Нового Света, за исключением империи майя, — еще более поздние творения. И они тоже были очень небольшими по территории. За пределами их досягаемости жили многочисленные «неуправляемые» народы, объединенные в сообщества, которых историки предпочитают называть племенами, вождествами или просто группами. Они населяли территории,

не имея верховной власти или располагая ускользающе слабой, номинальной властью.

Древние государства редко и на очень краткий срок становились теми грозными левиафанами, какими их обычно описывают в периоды могущества. В большинстве государств междоусобицы, раздробленность и «темные века» случались чаще, чем эпохи консолидированного эффективного правления. И здесь мы опять (историки тоже) оказываемся зачарованы историями основания династий или классических эпох, поскольку периоды дезинтеграции и беспорядков оставляют в хрониках незначительный след или вообще не упоминаются. Четыре «темных века» в истории Греции, когда письменность была утрачена, представляют собой практически пустой лист по сравнению с огромным массивом литературы, посвященной пьесам и философии классического периода. Это совершенно предсказуемо, если цель истории — изучать почитаемые нами культурные достижения, но тогда она упускает из виду уязвимость и хрупкость государственных форм. В значительной части мира государство, даже в самых прочных институциональных формах, было сезонным явлением. До недавнего прошлого с наступлением ежегодного периода муссонных дождей в Юго-Восточной Азии способность государства навязывать свою волю сокращалась практически до территории, окруженной дворцовыми стенами. Несмотря на воображаемый образ государства и его центральную роль в исторических нарративах, необходимо признать тот факт, что на протяжении тысячелетий после появления первых государств они были не константой, а переменной, и очень неустойчивой в жизни большей части человечества.

Безгосударственная история важна и по другой причине. Она обращает наше внимание на те аспекты создания и распада государств, которые либо отсутствуют в хрониках, либо оставляют слабые ис-

торические следы. Несмотря на феноменальный прогресс в документировании климатических и демографических изменений, качества почвы и пищевых привычек, многие аспекты жизни первых государств вряд ли можно обнаружить в археологических находках или древних текстах, поскольку это были незаметные медленные процессы, видимо, воспринимавшиеся как символические угрозы или как недостойные упоминаний. Например, похоже, что бегство из центральных районов первых государств на периферию было весьма распространено, однако поскольку оно противоречило нарративной самопрезентации государства как цивилизующего благодетеля поданных, то упоминалось лишь в формате непонятных юридических норм. Как и другие ученые, я практически уверен, что болезни были важнейшим фактором хрупкости первых государств. Но их последствия было сложно задокументировать, потому что они были внезапными и малопонятными, и многие эпидемические заболевания сложно установить по костным останкам. Аналогичным образом сложно зафиксировать масштабы рабства, закабаления и вынужденных переселений: если в захоронении отсутствуют кандалы, различить останки раба и свободного человека невозможно. Все государства были окружены безгосударственными народами, но по причине их территориального рассеяния мы знаем крайне мало об их перемещениях, изменчивых взаимоотношениях с государствами и политической структуре. Когда город сожжен дотла, сложно сказать, был ли это случайный пожар из тех, от которых страдали все древние города, выстроенные из горючих материалов, гражданская война, бунт или нападение извне.

В той мере, в какой это в принципе возможно, я постарался отвести свой взгляд от завораживающего великолепия государственной самопрезентации и исследовать те исторические силы,

что систематически игнорируются династической и письменной историей и ускользают от стандартных археологических методов.

Краткое описание маршрута

Первая глава посвящена одомашниванию огня, растений и животных, а также той концентрации продовольствия и населения, которую одомашнивание сделало возможной. Прежде чем превратить нас в объект государственного строительства, необходимо, чтобы мы собрались — или *были* собраны — в значительном количестве и с разумным ожиданием не умереть с голоду. Каждый тип одомашнивания реорганизовывал природный мир таким образом, чтобы уменьшить радиус поисков пропитания. Огонь, обретением которого мы обязаны нашему старшему родственнику *Homo erectus* (человеку прямоходящему), стал нашим козырем, позволив изменить ландшафт в интересах плодоносящих растений (ореховых и фруктовых деревьев, ягодных кустарников) и создать молодую поросль, которая привлекла интересную нам добычу. В приготовлении пищи огонь сделал прежде плохо перевариваемые растения одновременно вкусными и более питательными. Считается, что мы обязаны нашим относительно большим мозгом и небольшим желудком (по сравнению с другими млекопитающими, включая приматов) внешней допищеварительной помощи (приготовлению пищи).

Одомашнивание зерновых, особенно пшеницы и ячменя, и бобовых способствовало дальнейшей концентрации населения. Эволюционируя вместе с людьми, культурные сорта отбирались по критерию больших плодов (семян), определенного времени созревания и обмолачиваемости (способности не осыпаться). Такие сорта можно ежегодно высаживать вокруг дома (усадебный и окружающий

ее построек), обеспечивая себе надежный источник калорий и белка — как запас на случай неурожайного года или как основное пропитание. Одомашненные животные, особенно овцы и козы, играют ту же роль: они — наши преданные четвероногие (если речь идет о курах, утках и гусах, то двуногие) слуги-собиратели. Благодаря бактериям в желудке они способны переваривать те растения, которые мы не можем обнаружить и/или расщепить, и приносят их нам в «приготовленном» виде жиров и белков, в которых мы нуждаемся и можем переварить. Мы избирательно разводим домашних животных, ориентируясь на интересующие нас качества: быстрое воспроизводство, содержание в закрытых помещениях, покорность, производство молока, мяса и шерсти.

Как я уже отмечал, одомашнивание растений и животных не требовалось для оседлого образа жизни, но оно действительно создало условия для беспрецедентного уровня концентрации продовольствия и населения, особенно в наиболее благоприятных агроэкологических условиях: в поймах рек, на лёссовых почвах и у постоянных источников воды. Вот почему я называю подобные районы «многовидовыми переселенческими лагерями позднего неолита». Хотя такой лагерь представлял собой идеальные условия для формирования государства, он требовал более тяжелой работы, чем охота и собирательство, и был не полезен для здоровья. Вряд ли кто-то, не вынуждаемый голодом, опасностями или насилием, сам по своей воле отказался бы от охоты-собираательства или скотоводства ради земледелия, требующего круглосуточной работы.

Слово «одомашнивать» обычно трактуется как глагол активного действия, направленного на объект, например «*Homo sapiens* одомашнил рис, одомашнил овцу» и т. д. Это определение упускает из виду активное участие одомашненных: скажем, не вполне понятно, в какой степени мы одомашни-

ли собаку, а в какой собака одомашнила нас. А наших комменсалов — воробьев, мышей, долгоносиков, клещей и клопов — вообще никто не приглашал в переселенческий лагерь. Они проникли в него безбилетниками, поскольку нашли себе компанию и подходящую пищу. Нельзя забывать и о главном одомашнивателе самого *Homo sapiens*'а: разве он, в свою очередь, не был одомашнен, когда оказался встроен в цикл сельскохозяйственных работ? Он пашет, сеет, пропалывает, собирает урожай, молотит свои любимые злаки и ежедневно заботится о своей скотине. Это почти метафизический вопрос — кто кому служит, по крайней мере до того момента, когда наступает время обеда.

Значение одомашнивания для растений, человека и зверей рассматривается во второй главе. Как и многие другие, я считаю, что одомашнивание следует трактовать в широком смысле — как продолжающиеся попытки *Homo sapiens* изменить природную среду по своему усмотрению. Учитывая наши недостаточные знания об устройстве природы, можно утверждать, что эти попытки породили больше *непредвиденных* последствий, чем запланированных результатов. Хотя начало *плотного* антропоцена ряд ученых связывает со всемирным накоплением радиоактивности после сброса первой атомной бомбы, существует и то, что я называю «тонким» антропоценом: он начался с использования огня *Homo erectus* около полумиллиона лет назад и расширяется за счет расчистки все новых территорий под земледелие и пастбища, что приводит к вырубке лесов и заиливанию почв. Воздействие и темпы антропоцена возрастали по мере того, как мировое население увеличивалось, достигнув около 25 миллионов человек в 2000 году до н. э. Нет никаких особых причин настаивать на использовании термина «антропоцен», который я считаю и модным, и спорным, но есть масса причин настаивать на глобальном экологическом воздей-

ствии процессов одомашнивания огня, растений и пасущихся животных.

«Одомашнивание» изменило генетическую структуру и морфологию растений и животных вокруг человеческого жилища. Скопление растений, животных и людей в аграрных поселениях создало новый и в значительной степени искусственный ландшафт, где дарвиновский естественный отбор способствовал новым формам адаптации. Новые сельскохозяйственные культуры оказались столь «немоощными», что не могли выжить без нашего постоянного внимания и защиты. То же самое относится и к домашним овцам и козам, которые уменьшились в размерах, стали спокойнее, хуже ориентируются в окружающей обстановке и менее диморфны. Соответственно, возникает вопрос, а не повлияло ли одомашнивание на нас? Как мы были одомашнены постоянным жилищем, ограничением свободы передвижения, скученностью, новыми паттернами физической активности и социальной организации? И, наконец, сравнивая жизненный мир земледельца, настроенный по метроному основной злаковой культуры, и жизненный мир охотника-собирателя, я утверждаю, что жизнь первого была значительно более ограниченной с точки зрения жизненных практик и намного более бедной в культурном и ритуальном отношениях.

Тяготы жизни неэлит первых государств — тема третьей главы — были значительны. Во-первых, как уже было отмечено, речь идет о тяжелой работе. Несомненно, за исключением земледелия на пойменных почвах, сельское хозяйство было куда более тягостным занятием, чем охота и собирательство. Как отмечает Эстер Бозеруп и другие авторы, не существует причин, по которым собиратель в большинстве природных условий решил бы перейти к земледелию, если его не вынуждает демографическое давление или некие формы насилия. Вто-

рое великое и непредвиденное бедствие сельского хозяйства — эпидемиологические последствия концентрации не только людей, но также домашнего скота, зерновых и огромного числа паразитов, которые последовали за своими носителями в жилые постройки или завелись уже там. Привычные нам сегодня болезни — корь, эпидемический паротит, дифтерия и другие внебольничные/домашние инфекции — впервые появились в древних государствах. Почти наверняка многие первые государства были разрушены эпидемиями типа чумы Антонина и чумы Юстиниана в I тысячелетии или черной смерти (чумы) в Европе XIV века. Но в государстве появилась и иная чума — налоговые сборы зерном и трудом, а также воинская повинность, и это помимо тяжелейшей работы. Как же в таких условиях первые государства умудрялись собирать, удерживать и увеличивать свое население? Некоторые авторы утверждают, что становление государств было возможно *только* там, где население было со всех сторон окружено пустынями, горами или враждебной периферией¹¹.

Четвертая глава посвящена тому, что можно назвать «зерновой гипотезой». Просто поразительно, что практически все классические государства основаны на зерновых, включая просо. История не знает государств, выращивавших маниоку, саго, ямс, подорожник, хлебное дерево или сладкий картофель («банановые республики» не считаются!). Я полагаю, что только злаки подходят для концентрации производства, налоговых расчетов, присвоения, кадастровой оценки, хранения и нормирования. На подходящих почвах пшеница обеспечивает агроэкологические условия для высокой плотности населения. И, напротив, клубнеплодная кассава (или маниока) растет под землей, не нуждается в особом уходе, ее легко спрятать, вызревает она через год, но, самое главное, ее можно оставить в земле и она будет съедобной в течение двух лет. Если

государство хочет забрать вашу кассаву, ему придется выкопать все клубни, и для транспортировки оно получит тяжелейший груз малой ценности. Если бы мы оценивали сельскохозяйственные культуры с точки зрения досовременного «сборщика налогов», то он бы точно предпочел основные зерновые культуры (прежде всего, орошаемый рис), а не корнеплодные и клубнеплодные культуры.

По моему мнению, из этого следует, что возникновение государства возможно, только если практически нет альтернатив пропитанию на основе одомашненных зерновых. Если же выживание обеспечивается несколькими пищевыми сетями, как у охотников-собирателей, подсечно-огневых земледельцев, морских собирателей и пр., то государство вряд ли возникнет, поскольку отсутствует легко оцениваемый и доступный продукт питания, который оно может присвоить. Можно было бы предположить, что древние одомашненные бобовые, скажем, горох, соя, арахис и чечевица, которые обладают высокими питательными свойствами и долго хранятся в высушенном виде, также могли стать основой налогообложения. Однако этому препятствует тот факт, что большинство бобовых не вызревает одновременно — их можно собирать по мере роста, т. е. нет четкого времени сбора урожая, что необходимо сборщику налогов.

Некоторые агроэкологические условия «изначально подготовлены» для концентрации производства зерновых и населения благодаря плодородному илу и избытку воды, а потому допускают становление государств. Вероятно, подобные условия необходимы для возникновения государств, но недостаточны, т. е. государство обладает по отношению к ним избирательным сродством. Вопреки прежним гипотезам, государство не изобрело орошение как способ концентрации населения, не говоря уже об одомашнивании зерновых — это два достижения догосударственных наро-

дов. Что государство действительно часто делало, как только возникало, так это поддерживало, укрепляло и расширяло агроэкологические условия, лежавшие в основе его власти, посредством того, что мы бы назвали проектированием ландшафта: ремонт заиленных каналов, строительство новых обводнительных каналов, расселение военнопленных на пахотных землях, наказание подданных, не занимавшихся сельским хозяйством, расчистка новых полей, запрет не облагаемых налогами способов хозяйствования (подсечно-огневого земледелия и собирательства), а также попытки предотвратить бегство своего населения.

Я полагаю, что определенный агроэкономический модуль характерен для большинства первых государств. Независимо от типа зерновых — пшеница, ячмень, рис или кукуруза (даже сегодня эти четыре культуры обеспечивают более половины мирового потребления калорий) — поведение государств демонстрирует просто семейное сходство. Древние государства стремились создать четкий, размеренный и достаточно однообразный пейзаж из налогооблагаемых зерновых культур и удерживать на нем большое население — для барщинного труда, воинской повинности и, конечно, производства зерна. По множеству причин — экологических, эпидемиологических и политических — государству это часто не удавалось, но, как бы то ни было, лихорадочный блеск в его глазах не угасал.

Здесь внимательный читатель может спросить, а что же тогда государство? Например, я считаю первые государственные формы древней Месопотамии становящимися государствами. Иными словами, государственность — это институциональный континуум, скорее суждение в формате «более или менее», чем утверждение «или/или». Политическое устройство с царем, специализированным административным аппаратом, социальной иерархией, монументальным центром, городски-

ми стенами, системой сбора и распределения налогов — безусловно, государство в строгом смысле слова. Подобные государства возникали в последние столетия IV тысячелетия до н.э., прекрасным подтверждением чему является мощнейшее территориально-политическое образование Третьей династии Ура на юге Месопотамии примерно в 2100 году до н.э. До этого существовали политические формы с большим населением, торговлей, ремесленниками и, видимо, даже городскими собраниями, но сложно сказать, насколько эти признаки достаточны для строгого определения государственности.

Как уже стало понятно, аллювиальные равнины южной Месопотамии — центр моего географического интереса по той простой причине, что здесь возникли первые небольшие государства. Обычно для их описания используется эпитет «первоначальные». Хотя оседлые поселения и одомашненные зерновые были распространены повсеместно и ранее (например, в Иерихоне, Леванте и на «холмистых флангах» востока аллювиальных равнин), они не породили государств. В свою очередь, государственные формы Месопотамии повлияли на последующие практики государственного строительства в Египте, на севере Месопотамии и даже в долине Инда. По этой причине, а также благодаря сохранившимся глиняным клинописным табличкам и прекрасным исследованиям региона я сосредоточил внимание на первых государствах Месопотамии. Если параллели или противопоставления поразительны и уместны, я упоминаю ранние государственные формы севера Китая, Крита, Греции, Рима и майя.

Конечно, есть соблазн сказать, что государства возникали в экологически богатых регионах, но это не так. Совершенно необходимым было иное богатство — доминирующая злаковая культура, урожай которой легко измерить и присвоить, а также население, выращивающее эту культуру, которым

РИС. 3. Месопотамия: область Тигра—Евфрата

можно легко управлять и которое просто мобилизовать. Районы значительного, но разнообразного агроэкологического богатства, как, например, заболоченные территории, предоставляли мобильному населению десятки способов добыть пропитание, и вследствие своего многообразия и возможностей бегства не стали районами успешного государственного строительства. Логика наличия легко подсчитываемого и доступного населения и злаков применима и к менее масштабным попыткам контроля и упорядочивания, которые можно обнаружить, например, в испанских колониях в Новом Свете (множество миссионерских поселений и образец четкой организации — плантации монокультур с бараками для рабочих).

Тема, которую я рассматриваю в пятой главе, важна потому, что речь идет о роли насилия в создании

РИС. 4. Хронология: Древняя Месопотамия

рис. 5. Хронология: Древний Египет на реке Нил

и сохранении древних государств. Хотя эта роль стала предметом бурных споров, она затрагивает самую суть традиционного нарратива о прогрессе цивилизации. Если становление первых государств было в значительной мере связано с насилием, то нам придется пересмотреть образ государства, столь дорогой сердцу теоретиков общественного договора и представляющий государство как средоточие гражданского мира, социального порядка и свободы от страха, как магнит, притягивающий людей своей харизмой.

На самом деле, как мы увидим далее, первым государствам часто не удавалось удержать население: они были исключительно хрупки с эпидемиологической, экологической и политической точек зрения и подвержены разрушению и распаду. Причиной частой гибели государств не было отсутствие тех сил принуждения, которыми они в принципе могли обладать. Имеются бесчисленные свидетельства широкого использования подневольного труда — военнопленные, долговая кабала, храмовые рабы, невольничьи рынки, принудительное переселение в трудовые колонии, заключенные и общины рабов (например, илоты в Спарте). Подневольный труд был особенно важен для строительства городских стен, дорог и каналов, в горном деле и разработке карьеров, лесозаготовке, монументальном строительстве, производстве шерстяных тканей и, конечно, сельском хозяйстве. Отсюда — «бережливость» по отношению к подданным, включая женщин, отношение к ним как форме богатства, аналогичной домашней скотине, когда хозяина интересует плодовитость и высокие темпы воспроизводства. Древний мир четко следовал утверждению Аристотеля, что раб, как и тягловое животное, — это «орудие труда». До того, как появились разные обозначения рабов в первых письменных текстах, многое нам рассказали археологические находки, где на барельефах изображены одетые в лохмотья пленники, которых победители увозят с поля битвы, а в Месопотамии тысячи одинаковых конических чаш, видимо, применявшихся, как меры порций ячменя и пива для рабочих.

Формальное рабство в древнем мире достигло апофеоза в классической Греции и на заре Римской империи — обе были рабовладельческими государствами в том полном смысле слова, что мы применяем к Югу Соединенных Штатов до Гражданской войны. Система ординариев (иерархия рабов) подобного типа существовала в Месопотамии

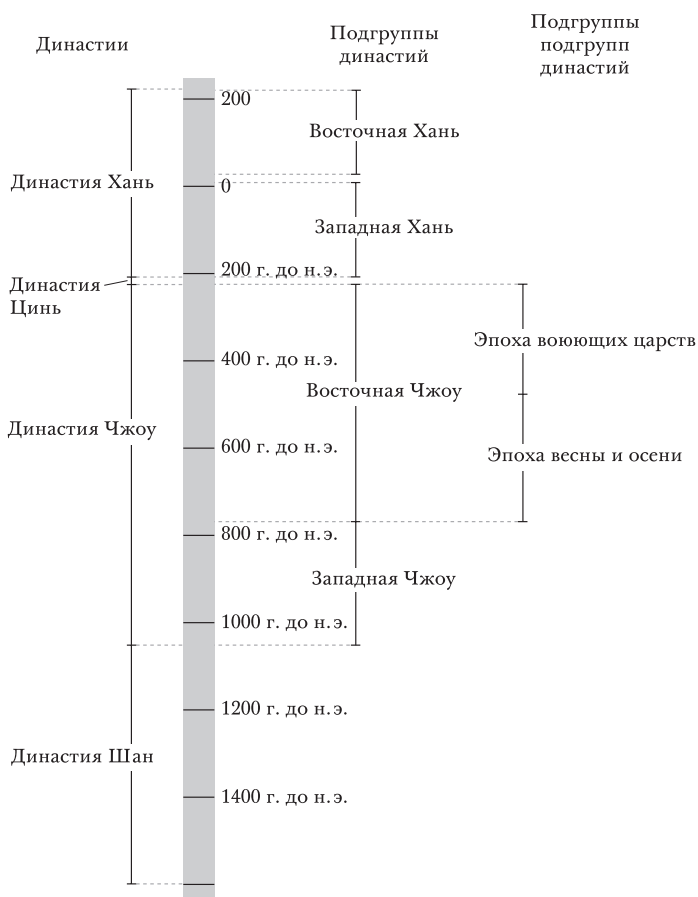

рис. 6. Хронология: Древний Китай на Желтой реке

и Египте Раннего царства, но была распространена в меньшей степени, чем иные формы подневольного труда, например когда тысячи женщин в огромных мастерских Ура изготавливали текстиль на экспорт. О том, что значительная доля населения Греции и Римской империи жила в неволе, свидетельствуют восстания рабов в Италии и на Сицилии, предоставление им свободы в военные периоды (Спартой — рабам Афин, Афинами — илотам Спарты), а также частые упоминания бегства и укрытия рабов в Месопотамии. В этом контексте вспоминается замечание Оуэна Латтимора, что великие китайские стены возводились, чтобы удержать одновременно китайских налогоплательщиков *внутри* и варваров *снаружи*. Изменявшая во времени и трудно поддающаяся измерению переменная подневольности, видимо, была условием выживания древних государств. Безусловно, не они изобрели институт рабства, но они кодифицировали и организовали его как государственный проект.

С исторической точки зрения первые государства были новым институтом, не существовало руководства по государственному управлению, не было Макиавелли, к которому могли бы обратиться за советом первые правители, поэтому неудивительно, что древние государства зачастую были недолговечны. Китайская династия Цинь, известная нововведениями и успехами управления, просуществовала всего 15 лет. Агроэкологические условия, благоприятные для создания государств, относительно устойчивы, но государства, которые время от времени в них появляются, вспыхивают и гаснут, как испорченный светофор. Причины подобной хрупкости и ее возможные широкие трактовки представлены в шестой главе.

Археологи написали множество работ, пытаясь объяснить, например, «крах» империи майя, «первый переходный период» Египта и «темные века»

Греции. Часто имеющиеся свидетельства не дают нам убедительных разгадок. Причины событий обычно многочисленны, и выделение лишь одной из них как решающей всегда случайно. Это как пациент, страдающий множеством серьезных заболеваний, — трудно определить причину его смерти. Если засуха вызвала голод, а затем восстания и бегство подданных, которыми воспользовалось соседнее государство, начав вторжение, разграбив царство и захватив его население, то какую из перечисленных причин следует выбрать? Разрозненные письменные свидетельства здесь редко помогают. Когда царство разрушено вторжением, набегами, гражданской войной или восстанием, писцы свергнутого правителя редко удерживаются на своих постах так долго, чтобы успеть описать разгром. Иногда обнаруживаются свидетельства, что дворцовый комплекс был сожжен, но редко можно понять, кем именно и по какой причине.

Я делаю акцент на тех причинах хрупкости, что были встроены в агроэкологию первых государств. Внешние ее причины, скажем, засуха или климатические изменения (явно вмешавшиеся в ряд одновременных региональных «крахов»), могут играть более важную роль в разрушении государств, но внутренние причины лучше показывают характерные для них сдерживающие факторы. Чтобы показать это, я исследую три линии разлома, ставшие побочными продуктами государственного строительства. Первая — болезни, обусловленные беспрецедентным скоплением зерновых культур, людей и домашних животных вместе с сопровождающими их паразитами и патогенами. Как и другие ученые, я полагаю, что разные эпидемии, включая болезни растений, ответственны за целый ряд внезапных крушений государств, чему, однако, трудно найти доказательства. Более коварны два других экологических последствия урбанизма и интенсивного орошаемого земледелия.

Города обусловили постепенную вырубку лесов в верховьях водосборных бассейнов речных государств, что привело к заиливанию почв и наводнениям. Интенсивное орошаемое земледелие вызвало засоление почв, низкие урожаи и окончательное забрасывание пахотных земель, и это прекрасно задокументировано.

Наконец, как и другие авторы, я хочу поставить под сомнение термин «крах», который используется для описания подобных событий¹². Если не задумываться о его значении, то слово «крах» обозначает цивилизационную трагедию, когда великое древнее царство разрушается вместе со своими культурными достижениями. Прежде чем согласиться с такой трактовкой, давайте подумаем. В действительности многие царства представляли собой конфедерации небольших поселений, и их «крах» означал лишь, что они распадались на составляющие элементы с возможностью позже опять собрать их вместе. В случае сокращения осадков и урожаев «крах» означал просто рассредоточение населения, чтобы пережить изменения климата. А применительно к бегству или бунту против налогов, барщины или воинской повинности не должны ли мы радоваться или по крайней мере не сожалеть о разрушении деспотичного социального порядка? И, наконец, если у ворот царства появлялись так называемые варвары, то часто они принимали культуру и язык правителей, которых свергали. Не следует путать более долговечные цивилизации с государствами и бездумно предпочитать более крупные единицы политического порядка более мелким.

Что же происходило с варварами, которые в эпоху первых государств по количеству значительно превосходили подданных и, хотя были рассредоточены, занимали бóльшую часть обитаемой поверхности земли? Как известно, понятие «варвар» первоначально использовалось греками для обозначения

всех, кто не говорил по-гречески, — и захваченных в плен рабов, и достаточно «цивилизованных» соседей, таких как египтяне, персы и финикийцы. Звуки «ва-ва» в слове «варвар» пародировали звучание негреческой речи. В той или иной форме термин несколько раз изобретался всеми первыми государствами, чтобы отличать себя от негосударств. Соответственно, седьмая, последняя, глава посвящена «варварам», которые были просто огромной массой людей, живших за пределами зоны государственного контроля. Я буду использовать термин «варвар» иронически, отчасти поскольку хочу доказать, что эпоха самых ранних и хрупких государств была временем, когда варварам неплохо жилось. Длительность этой эпохи в разных регионах была разной и зависела от мощи государства и военной технологии, но в целом ее можно назвать золотым веком варварства. Территория варваров была, по сути, зеркальным отражением агроэкологии государства: здесь занимались охотой, подсечно-огневым земледелием, собирательством, скотоводством, собирали моллюсков, коренья и клубни, а если и выращивали злаки, то очень мало. Это территория физической мобильности, смешанных и меняющихся стратегий выживания, т. е. «нечеткого» производства. Если мир варвара — это царство разнообразия и сложности, то с агроэкономической точки зрения государственный мир — царство относительной простоты. По сути, варвары — это категория не культуры, а политики, обозначающая население, (все еще?) не управляемое государством. Граница, показывающая, где начинается варварство, одновременно отмечает, где заканчиваются налоги и зерновые. Китайцы использовали определения «сырой» и «приготовленный», чтобы различать варваров. Среди групп варваров, объединенных общим языком, культурой и системами родства, «приготовленные», или более «развитые», включали в себя тех, чьи домохозяйства были зарегистрированы и, пусть

номинально, подчинялись китайским магистратам. Считалось, что они «были нанесены на карту».

Поскольку первые государства были оседлыми сообществами, им угрожали более мобильные безгосударственные народы. Если мы считаем охотников и собирателей специалистами по обнаружению и использованию источников пропитания, то статичные скопления людей, зерна, домашних животных, текстиля и металлических товаров представляли для них относительно легкую поживу. Зачем нужно мучиться, выращивая урожай, если можно, как и поступает государство (!), просто реквизировать его из амбара. Как выразительно описывает ситуацию берберская поговорка, «набеги — наше земледелие». Расширение оседлых аграрных поселений, повсеместно лежавшее в основе первых государств, стало новым и богатым источником пропитания для безгосударственных народов — буквально как универсальный магазин сегодня. Североамериканские индейцы выяснили, за европейской домашней коровой «охотиться» было легче, чем за белохвостым оленем. Все это имело серьезные последствия для первых государств: или они вкладывали значительные средства в защиту от набегов, или/и платили дань (деньги за защиту) потенциальным грабителям, чтобы те не совершали набегов. В любом случае налоговое бремя на первые государства возрастало, а значит, и их хрупкость тоже.

Хотя зрелищность набегов сделала их доминантой описаний взаимоотношений первых государств с варварами, безусловно, торговля была намного важнее грабежей. Древние государства, в большинстве своем расположенные на плодородных аллювиальных равнинах, были естественными торговыми партнерами своих соседей-варваров. Благодаря свободному перемещению по разнообразному ландшафту только варвары могли поставлять первым государствам необходимые им товары, без которых они не смогли бы долго существовать: метал-

лические руды, древесину, шкуры, обсидиан, мед, лекарственные средства и ароматические вещества. В длительной перспективе равнинные государства представляли бóльшую ценность как торговый склад, чем как объект грабежа. Они выступали в роли новых, больших и выгодных рынков для товаров из отдаленных районов, которые можно было обменивать на товары равнин — зерно, текстиль, финики и сушеную рыбу. Как только развитие морских перевозок удлинило торговые маршруты, объемы торговли многократно возросли. Чтобы представить себе последствия, вспомните, какое воздействие европейский рынок бобровых шкур оказал на охоту североамериканских индейцев. С расширением торговли охота и собирательство превратились скорее в ремесло, чем в способ пропитания.

Результатом описанного симбиоза стала более значительная культурная гибридизация, чем подразумевает общепринятая дихотомия «цивилизованный человек — варвар». Было убедительно доказано, что первые государства и империи обычно жили в тени своих «варваров-близнецов», которые росли вместе с ними и разделяли их судьбу, когда те погибали¹³. Кельтские торговые города на границах Римской империи — пример подобной взаимозависимости.

Таким образом, длинная эпоха относительно слабых аграрных государств и многочисленных кочевых безгосударственных народов была своего рода золотым веком для варваров: они вели прибыльную торговлю с государствами, при необходимости дополняли ее сбором дани и набегами, не страдали от гнета налогов и тягестей сельскохозяйственного труда, имели более питательный и разнообразный рацион и больше возможностей для мобильности. Однако два аспекта их торговли с государствами были удручающими и зловещими. Видимо, основным товаром, который интересовал первые государства, были рабы, обычно

из числа варваров. Древние города пополняли свое население двумя способами — ведя захватнические войны и закупаая рабов у варваров, которые специализировались на торговле невольниками. Кроме того, практически все древние государства нанимали для своей защиты варваров. Продавая своих соплеменников в рабство и нанимаясь на военную службу к правителям первых государств, варвары внесли значительный вклад в закат своего короткого золотого века.

Приручение огня, растений, животных и... нас

Огонь

ЗНАЧЕНИЕ ОГНЯ для гоминидов, и в конечном счете для всего мира природы, было подтверждено раскопками пещер в Южной Африке¹. В глубочайших, т. е. древнейших, слоях не были обнаружены углеродистые отложения, что говорит об отсутствии огня. Здесь были найдены полные костные останки крупных кошек и отдельные костные фрагменты — со следами зубов — многих представителей животного мира, включая *Homo erectus*. Выше, в более позднем слое, присутствуют углеродистые отложения, которые свидетельствуют об использовании огня. Здесь находят полные костные останки *Homo erectus* и отдельные костные фрагменты разных млекопитающих, рептилий и птиц, включая обглоданные кости крупных кошек. Смена «хозяина» пещер и кардинальное изменение ролей — кто поедал кого — красноречиво свидетельствуют о силе огня, обретенной тем видом, который первым научился его использовать. Огонь обеспечивал тепло, свет и относительную безопасность от ночных хищников, был предшественником очага и домашнего крова.

Свидетельства того, что использование огня стало ~~тем самым~~ решающим изменением в судьбе гоминидов, убедительны. Огонь — древнейшее и величайшее орудие человечества в преобразовании природы. Хотя «орудие» не вполне подходящее

слово: в отличие от неодушевленного ножа, у огня есть собственная жизнь. В лучшем случае он был «полуодомашнен» — огонь может быть непрошеным гостем, а если за ним невнимательно следить, то может сбросить оковы и стать опасным и диким.

Использование гоминидами огня началось в глубокой древности и было широко распространено. Существуют свидетельства того, что человек использовал огонь по крайней мере 400 тысяч лет назад, еще до появления нашего вида на исторической сцене. Благодаря гоминидам большая часть флоры и фауны состоит из адаптировавшихся к огню видов (пирофитов), развитию которых огонь способствует. Последствия появления антропогенного огня столь значительны, что в беспристрастном отчете о человеческом воздействии на природный мир они явно перевесят роль одомашнивания растений и животных. Причина, по которой огонь несправедливо игнорируется историками в качестве средства формирования ландшафта, видимо, состоит в том, что результаты его воздействия широко использовались на протяжении тысячелетий «доцивилизованными» народами, или «дикарями». В наш век динамита и бульдозеров кажется, что огонь обеспечивал очень медленное изменение природного ландшафта, однако совокупный эффект его воздействия был весьма значительным.

Наши предки не могли не заметить, как природные лесные пожары воздействуют на ландшафт: как очищают его от старой растительности и способствуют распространению быстрорастущих трав и кустарников, многие из которых дают столь желаемые семена, ягоды, фрукты и орехи. Они также не могли не заметить, что огонь разгоняет спасающуюся бегством дичь, показывает скрытые норы и гнезда мелкой дичи и, самое главное, способствует росту молодых побегов и грибов, которые привлекают пасущуюся добычу. Коренные народы Северной Америки применяли огонь, чтобы созда-

вать ландшафты, привлекательные для лосей, оленей, бобров, зайцев, дикообразов, рябчиков, индеек и перепелов, на которых они охотились. Такая охота на дичь представляла собой своего рода *сбор урожа*я животных, которых намеренно собирали в одном месте, искусно конструируя привлекательную для них среду обитания². Помимо создания охотничьих угодий (настоящих заказников), первые люди использовали огонь для охоты на крупных животных. Обнаружены свидетельства того, что задолго до появления лука и стрел, примерно 20 тысяч лет назад, гоминиды использовали огонь, чтобы сгонять стадных животных в пропасти, а слонов — в болота, где их, обездвиженных, было легче убить.

Огонь стал источником растущего могущества человека в природном мире — повсеместной монополией и козырем нашего вида. Тропические леса Амазонки демонстрируют неизгладимые следы использования огня для расчистки земли и лесного полога; эвкалиптовые леса Австралии — в значительной степени результат человеческой деятельности. Масштабы ее воздействия на ландшафты Северной Америки были столь значительны, что когда оно резко прекратилось вследствие принесенных европейцами на континент опустошительных эпидемий, то необузданный рост нового лесного покрова породил у европейских поселенцев иллюзию, будто Северная Америка представляла собой практически нетронутый человеком первобытный лес. По мнению ряда климатологов, похолодание, известное как малый ледниковый период (примерно с 1500 по 1850 годы), также могло быть вызвано сокращением выбросов CO₂, парникового газа, в результате вымирания коренных подсечно-огневых земледельцев Северной Америки³.

Я полагаю, что постепенно медленная целенаправленная трансформация ландшафта приводила ко все большей концентрации источников про-

питания на все меньшей территории: используя огонь в прикладном садоводстве, человек стягивал желаемую флору и фауну в плотное кольцо вокруг стойбищ, чтобы облегчить себе охоту и собирательство. Можно сказать, что радиус пропитания сокращался: источники пропитания оказывались буквально под рукой, причем более обильные и более предсказуемые. Везде, где человечество и огонь работали вместе над изменением ландшафта в интересах охоты и собирательства, сохранялось крайне мало бедных ресурсами «климаксовых» лесов. Хотя еще не появились волю, плуг и домашняя скотина, мы наблюдаем систематическую интенсификацию широкомасштабного управления ландшафтом и природными ресурсами, которая предшествовала сотням тысячелетий выращивания полностью одомашненных культур и скотоводства. В отличие от теории оптимального добывания пищи, которая исходит из трактовки природного мира как данности и задается вопросом, как рациональный актер распределяет усилия по добыванию пищи, здесь мы наблюдаем целенаправленное вмешательство в экологию, посредством которого гоминиды со временем создают мозаичное биоразнообразие и удобное для себя распределение желаемых ресурсов. Эволюционные биологи называют деятельность, сочетающую определенное местоположение, размещение ресурсов и физическую безопасность, конструированием ниши (представьте, например, бобра). Такая трактовка концентрации ресурсов заставляет взглянуть на фундамент традиционного цивилизационного нарратива — одомашнивание растений и животных — в ином свете — как на один из множества элементов длительного, исторически непрерывного и все более сложного процесса конструирования экологической ниши⁴.

Огонь способствовал концентрации людей и другим способом: благодаря приготовлению пищи — невозможно переоценить ее значение в че-

ловеческой эволюции. Использование огня для обработки сырой пищи изменило наше пищеварение: огонь желатинизирует крахмал и денатурирует белок. Химическая обработка сырой пищи, для которой шимпанзе необходим пищеварительный канал примерно в три раза больше нашего, позволила *Homo sapiens* потреблять значительно меньше пищи и затрачивать намного меньше калорий для извлечения из нее питательных веществ. Последствия были поразительны — первые люди стали собирать и потреблять в пищу значительно больше видов растений и животных: растения с шипами, плотной кожурой или корой можно было вскрыть, очистить и приготовить, сделав пригодными в пищу; твердые семена и волокнистые растения, питательные свойства которых прежде не окупали затраты на их переваривание, стали вкусной едой; мясо и внутренности мелких птиц и грызунов можно было употреблять в пищу. Задолго до перехода к приготовлению пищи *Homo sapiens* был удивительно всеядным — отбивая, измельчая, перетирая, сбраживая и маринуя сырые растения и мясо, но благодаря огню набор продуктов, которые мы можем переварить, увеличился в геометрической прогрессии. Об этом свидетельствуют археологические находки в Великой Рифтовой долине возрастом в 23 тысячелетия, согласно которым рацион человека уже тогда охватывал четыре пищевые сети (воду, леса, луга и засушливые районы) и включал в себя по крайней мере 20 крупных и мелких животных, 16 семейств птиц и 140 видов фруктов, орехов, семян и бобовых, не говоря уже о растениях для медицинских и ремесленных целей (ткачество, плетение корзин, изготовление ловушек, строительство плотин)⁵.

Для концентрации населения огонь как средство приготовления пищи сыграл не меньшую роль, чем огонь как средство формирования ландшафта. Второй обеспечил размещение желаемого пропитания

в пределах легкой досягаемости, а первый превратил множество видов прежде трудноперевариваемой пищи в питательные и вкусные продукты. Радиус концентрации пропитания уменьшился, что, наряду с получением более мягких приготовленных продуктов (как бы внешним пережевыванием), упростило отлучение детей от грудного вскармливания и пропитание пожилых и беззубых. Вооруженный огнем для изменения ландшафта и способный использовать в пищу значительную его часть, древний человек мог оставаться вблизи домашнего очага и создавать новые поселения в прежде недоступных для него районах. Заселение неандертальцами севера Европы — тому подтверждение: оно было бы невозможно без огня для обогрева, охоты и приготовления пищи.

Генетические и физиологические последствия полумиллиона лет приготовления пищи поразительны. По сравнению с нашими двоюродными братьями приматами, наш пищеварительный канал в два раза меньше, наши зубы не такие огромные и мы тратим намного меньше калорий на пережевывание и переваривание пищи. По мнению Ричарда Рэнгема, повышение пищеварительной эффективности во многом объясняет тот факт, что наш мозг в три раза больше, чем можно было бы ожидать, судя по другим млекопитающим⁶. Согласно археологическим данным, увеличение размеров головного мозга совпадает с появлением жилищ и приготовлением пищи. Столь серьезные морфологические изменения отмечаются у других животных лишь спустя 20 тысяч лет после резкого изменения рациона питания и экологической ниши.

В значительной степени огонь ответственен и за наш репродуктивный успех как «захватчика» мира⁷. Как и многие виды деревьев, растений и грибов, мы тоже адаптировались к огню и стали «пирофитами». Мы изменили наши привычки, рацион и тело под характеристики огня, тем самым обязав

себя заботиться о нем и его пропитании. Если лакмусовой бумажкой для оценки степени одомашнивания растения или животного является его неспособность размножаться без нашей помощи, то, аналогичным образом, невероятная адаптированность к огню делает наше будущее без него невозможным. Даже если не принимать во внимание все зависящие от огня ремесла, появившиеся позже, — гончарное, кузнечное, пекарное, стеклодувное, золотое и серебряное, пивоваренное и штукатурное дело, изготовление кирпича, металла, древесного угля и копчение продуктов — не будет преувеличением сказать, что мы абсолютно зависимы от огня. В полном смысле этого слова он одомашнил нас. Вот частное, но убедительное тому подтверждение: сыроеды, принципиально отказавшиеся готовить пищу, неизбежно худеют⁸.

Концентрация и оседлость: гипотеза о заболоченных районах

Наметившаяся благодаря теплым и влажным условиям тенденция роста населения и числа поселений в Плодородном полумесяце резко оборвалась примерно в 10800 году до н. э. По мнению ряда авторов, продлившийся тысячелетие холодный период был обусловлен мощным таянием ледников Северной Америки (озеро Агассис) и внезапным оттоком этих вод на восток в Атлантический океан через систему, которую мы сегодня называем рекой Святого Лаврентия⁹. Население сократилось, оставшаяся его часть покинула малонаселенные нагорья и укрылась в зонах, где климат и, соответственно, флора и фауна были более благоприятны для жизни. Примерно в 9600 году до н. э. период похолодания закончился, климат стал более теплым и влажным, причем очень быстро. Вероятно, средние температуры поднялись не менее чем на 7 граду-

сов по Цельсию всего за десятилетие. Деревья, млекопитающие и птицы вырвались из убежищ и мгновенно заселили гостеприимный пейзаж, а с ними вместе и их вид-компаньон *Homo sapiens*.

К этому времени относятся разрозненные свидетельства существования круглогодичных стоянок, которые археологи находят во многих регионах — на юге Леванта (натуфийская культура), в неолитических деревнях Сирии («докерамический» период), Центральной Турции и Западном Иране. Обычно это были поселения в богатых водой районах, жившие преимущественно охотой и собирательством, хотя обнаружены и свидетельства (оспариваемые) выращивания зерна и содержания животных. Впрочем, ни у кого нет сомнений, что между VIII и VI тысячелетиями до н.э. все «культуры-прародители» — зерновые и бобовые (чечевица, горох, нут, вика чечевицевидная и лен для изготовления тканей) — уже высаживались, хотя, как правило, в очень скромных масштабах. В те же два тысячелетия, пусть по сравнению с зерновыми датировка менее точна, появились домашние козы, овцы, свиньи и крупный рогатый скот. С этим списком одомашненных животных сложился тот полный «неолитический набор», что ознаменовал важнейшую аграрную революцию — начало цивилизации, включая первые небольшие городские агломерации.

Постоянные протогородские поселения появились в болотистых районах аллювиальных равнин вблизи Персидского залива примерно в 6500 году до н.э. Южные аллювиальные равнины — не первый случай создания круглогодичных поселений и не место обнаружения первых свидетельств одомашнивания зерновых, по этим критериям их можно считать, скорее, опоздавшими. Я фокусирую внимание на этих исторически поздних примерах по двум важным причинам. Во-первых, городские агломерации в устье Евфрата, на-

пример Эриду, Ур, Умма и Урук, бурно развивались и позже стали первыми в мире «маленькими независимыми государствами». Во-вторых, хотя другие древние общества — Египет, Левант, долины Инда и Желтой реки, а также майя в Новом Свете — пережили собственные версии неолитической революции, южная Месопотамия не только стала местом формирования первой государственной системы, но и напрямую повлияла на государственное строительство повсеместно на Ближнем Востоке, включая Египет и Индию.

Даже весьма грубая хронология, по поводу которой до сих пор ведутся споры, однозначно отвергает то, что я называю стандартным цивилизационным нарративом. Он выстроен на утверждении, что одомашнивание зерновых — главное условие постоянной оседлости, т.е. больших и малых городов и самой человеческой цивилизации. Все еще сохраняется убеждение, что охота и собирательство требовали такой мобильности и рассеяния, что об оседлом образе жизни не могло быть речи. Однако он оформился задолго до одомашнивания зерновых и животных и часто наблюдался в районах, где зерновое земледелие отсутствовало или было мало распространено. Совершенно ясно одно: одомашнивание зерновых и животных было известно задолго до того, как появились первые признаки аграрного государства, причем намного раньше, чем казалось прежде. Согласно последним данным, временной разрыв между двумя ключевыми одомашниваниями и первыми аграрными экономиками, на них основанными, составляет не менее 4000 лет¹⁰. Очевидно, что наши предки не неслись сломя голову в объятия неолитической революции и первых государств.

Те, кто создавал традиционный нарратив, совершили и другую принципиальную ошибку. Взяв за точку отсчета засушливые условия, преобладавшие в долине Тигра и Евфрата в новейшей истории,

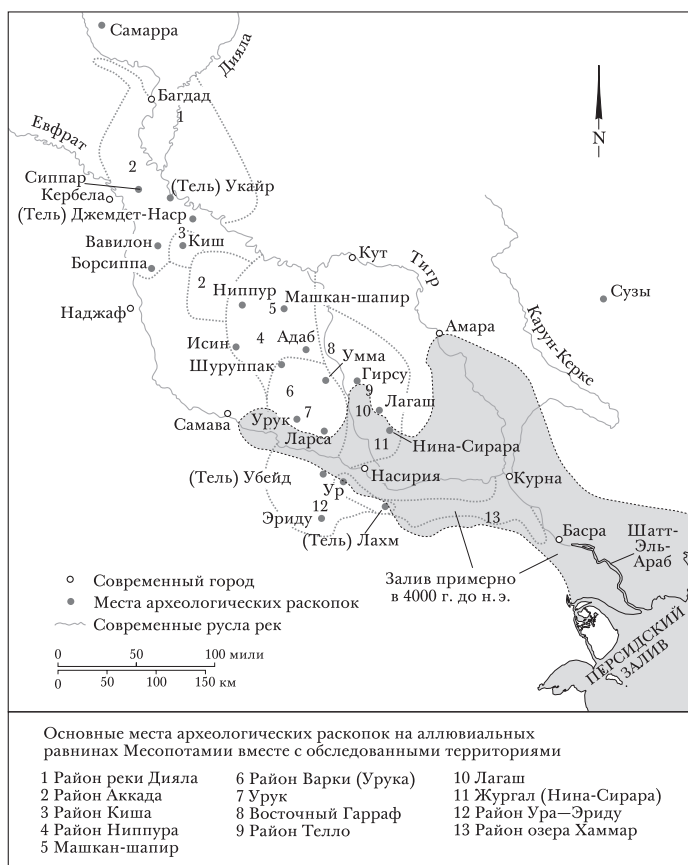

РИС. 7. Аллювиальные равнины Месопотамии: места археологических раскопок

они вполне разумно предположили, что именно такими эти условия были и на заре сельского хозяйства, т. е., что, будучи ограничено оазами и речными долинами, растущее население было вынуждено интенсифицировать хозяйственные практики, чтобы извлекать больше пропитания из небольших пахотных земель. Единственной жизнеспособной стратегией интенсификация было орошение, что подтверждают археологические находки. Орошения было достаточно для обеспечения больших урожаев там, где осадков прискорбно не хватало. Такой крупный проект изменения ландшафта потребовал мобилизации рабочих, чтобы рыть и поддерживать каналы, а для этого понадобилась государственная власть, способная организовать и контролировать такую рабочую силу. Предположительно оросительные работы породили централизованную аграрно-скотоводческую экономику, которая нуждалась в государстве как условии своего существования.

Болотистые районы и оседлый образ жизни

Распространенное мнение, будто орошаемое земледелие, «заставившее пустыню цвести», было условием появления первых больших оседлых сообществ, на самом деле ошибочно по всем пунктам. Как мы увидим далее, самые ранние крупные постоянные поселения возникли в болотистых, а не засушливых районах; их выживание зависело, прежде всего, от ресурсов болотистых территорий, а не от зерновых; они не нуждались в орошении в общепринятом смысле этого слова. Если в этих условиях и нужно было какое-то вмешательство человека в природный ландшафт, то это скорее было осушение, а не орошение. Классическая версия истории, согласно которой древний Шумер

был чудесным результатом системы орошения, созданной под руководством государства в засушливых условиях, оказалась ошибочной. Я признателен Дженнифер Пурнелл за полный и документально обоснованный пересмотр этой версии истории, который стал новаторским подходом к изучению аллювиальных равнин Южной Месопотамии в период VII–VI тысячелетий до н.э.¹¹

Южная Месопотамия того периода не была засушливой — скорее, это был болотистый рай для собирателей. Вследствие повышения уровня моря и равнинного характера дельты Тигра и Евфрата здесь отмечалось широкомасштабное наступление воды на территории, которые сегодня отличаются засушливостью. Пурнелл реконструировала карту этой обширной дельтово-болотистой зоны с помощью данных дистанционного зондирования, аэрофотосъемок, гидрологической истории, сведений о древних осадочных отложениях и руслах рек, климатической истории и археологических находок. Ошибка большинства (но не всех) исследователей состояла не только в проецировании нынешней засушливости региона на 10 тысяч лет назад, но и в игнорировании того факта, что аллювиальные равнины в тот период — до ежегодных отложений осадочных пород — располагались на десять метров ниже нынешнего уровня. Соответственно, прежде воды Персидского залива плескались у ворот древнего Ура, который сегодня расположен довольно далеко от залива, а его соленые воды во время приливов достигали на севере Насирии и Амары.

Краткое описание того, как значительные группы населения, зависящие в основном от диких растений и морских ресурсов, смогли сложиться, не располагая преимуществами орошаемого земледелия и основных зерновых культур, поднимает два важных аналитических вопроса. Во-первых, оно подтверждает стабильность и обильность пропитания, основанного на нескольких разнообразных

РИС. 8. Аллювиальные равнины Месопотамии: очертания Персидского залива примерно в 6500 году до н.э.

Составлено Дж. Пурнелл

пищевых сетях. Рацион человека в Убейдский период (6500–3800 годы до н.э.; название дано по распространенному керамическому стилю) состоял из рыбы, птиц и черепашек, которыми изобиловали болота. Во-вторых, оно показывает, почему позже широкие возможности пропитания — охота, рыбалка и собирательство в разных экологических нишах — стали непреодолимым препятствием для навязывания единой политической власти.

В отличие от нынешнего состояния засушливого междуречья, южные аллювиальные равнины раньше представляли собой замысловато скроенные дельтово-болотистые угодья, испещренные сотнями водных притоков, то сливающихся, то расходя-

щихся в сезон наводнений. Аллювиальные почвы играли роль огромной губки, которая поглощала ежегодные разливы рек, поднимала уровень грунтовых вод, а затем постепенно отдавала воду в засушливые месяцы, начиная с мая. Пойма нижнего Евфрата предельно равнинна: градиент его потока колеблется от 20 до 30 сантиметров на километр на севере и от 2 до 3 сантиметров на километр на юге, что сделало историческое русло реки крайне неустойчивым¹². В разгар ежегодного наводнения речные потоки регулярно превышали естественные гребни и дамбы, сформированные из их более грубых отложений, и устремлялись вниз по склонам, затапливая прилегающие низины и лощины. Поскольку русла многих притоков располагались выше окружающих территорий, любой прорыв дамбы в период наводнения служил той же цели — можно назвать эту технологию «содействием естественному орошению»¹³. Семена можно было высаживать в естественным образом подготовленную почву. Богатые питательными веществами аллювиальные почвы по мере постепенного высыхания обеспечивали обилие кормов как для диких травоядных, так и для домашних коз, овец и свиней.

Обитатели болот жили на «спинах черепах» — небольших относительных возвышенностях, сопоставимых с береговыми насыпями дельты реки Миссисипи, которые часто не превышали метра над отметкой высокой воды. На этих черепаших спинах они получали практически все ресурсы болотистых низменностей в пределах досягаемости: тростник и осоку — для строительства и пропитания, огромное разнообразие съедобных растений (камыш лесной и озерный, рогоз, водяную линию), черепах, рыбу, моллюсков, ракообразных, птиц, включая водоплавающих, мелких млекопитающих и мигрирующих газелей — как основной источник белка. Сочетание плодородных аллювиальных почв с устьем двух великих рек, изобиловавших пропи-

танием (в живом или неживом виде), породило настолько богатую прибрежную жизнь, что она привлекла огромное количество рыбы, черепах, птиц и млекопитающих, не говоря уже о человеке, который охотился на существ ниже себя в пищевой цепи. В теплых и влажных условиях, доминировавших на протяжении VII–VI тысячелетий до н.э., источники пропитания в дикой природе были разнообразны, обильны, стабильны и устойчивы — практически идеальная ситуация для охотника-собирателя-подсечно-огневого земледельца.

Плотность и разнообразие ресурсов, особенно на низших ступенях пищевой цепи, повышают вероятность оседлости. По сравнению, например, с охотниками-собираателями, которые могут следовать за крупной дичью (тюленями, бизонами, северными оленями), те, чей рацион состоит преимущественно из низших трофических уровней (растений, моллюсков, фруктов, орехов и мелкой рыбы, которые при прочих равных условиях более многочисленны и менее мобильны, чем крупные млекопитающие и рыба), оказываются намного менее склонны к миграциям. Вероятно, на болотистых равнинах Месопотамии обилие ресурсов пропитания с нижних трофических уровней было необычайно благоприятно для формирования крупных оседлых сообществ.

Первые постоянные деревни на юге аллювиальных равнин располагались не просто в плодородных болотистых районах, а на пересечении нескольких экологических зон, что позволяло получать пропитание из каждой из них и избегать риска абсолютной зависимости от какой-то одной. Эти деревни располагались на границе между водно-морской средой берега и устьев рек со всеми их ресурсами и иной экологической зоной, представленной пресными водами верховий рек. Граница между солоноватой и пресной водой была подвижной и зависела от приливов-отливов, что на равнинной поверхности предполагало ее значительные

РИС. 9. Аллювиальные равнины южной Месопотамии: древние русла рек, дамбы и «спины черепах» примерно в 4500 году до н. э.

Составлено Дж. Пурнелл

изменения. Иными словами, две экологические зоны перемещались по ландшафту, а множество местных сообществ оставались на месте, получая пропитание из обеих. То же самое, причем в более выраженной форме, относится к сезонам затоплений и засух и связанным с каждым из них ресурсам. Переключение с водных ресурсов влажного сезона на наземные ресурсы сухого сезона и обратно задавало ежегодный ритм жизни всего региона. В отличие от жителей аллювиальных равнин, которые вынуждены были переносить свои поселения из одной экологической зоны в другую, местные жители могли оставаться на одном месте, как бы ожидая, когда разные природные зоны придут к ним сами¹⁴. По сравнению с рисками ведения сельского хозяйства экологическая зона болотистого юга Ме-

сопотамии была намного более стабильной и устойчивой и требовала для своего поддержания небольших ежегодных трудовых усилий.

Удачное местоположение и чувство времени имеют решающее значение для охотников-собираателей и по другой причине. Их «урожай» зависит не столько от ежедневных действий наугад, сколько от тщательного расчета сил для перехвата предсказуемой (конец апреля — май) массовой миграции дичи на аллювиальные равнины (огромных стад газелей и диких ослов). Охота тщательно планировалась: готовились длинные узкие тропы, чтобы загнать стада как бы через воронку в специальные места, где животных убивали, а мясо для длительного хранения вялили и солили. Как и везде, большую часть своего годового запаса животного белка охотники обеспечивали посредством длящихся неделю или чуть больше интенсивных круглосуточных усилий, чтобы добыть как можно больше мигрирующей дичи. В зависимости от природных условий, в качестве такой дичи могут выступать крупные млекопитающие (северные олени, газели), водоплавающие птицы (утки, гуси), другие мигрирующие птицы в районах отдыха или ночлега, мигрирующая рыба (лосось, угорь, сельдь, американские сельдь и шэд, корюшка). Во многих случаях фактором, ограничивающим «урожай белка», был не дефицит добычи, а недостаток рабочих рук, чтобы переработать добычу до того, как она испортится. Суть в том, что ритм жизни большинства охотников задает естественный ритм миграций, обеспечивающих большую часть их самых ценных запасов продовольствия. Некоторые массовые миграции могли быть реакцией на хищническое поведение человека, о чем Герман Мелвилл писал применительно к кашалотам. Несомненно, эти миграции кардинально меняли ритм жизни сообществ охотников и рыболовов по сравнению с земледельцами, которые часто считали жизнь этих сообществ праздной.

Самые распространенные маршруты большинства массовых миграций проходили через болотистые районы, устья и долины основных рек по причине их насыщенности питательными ресурсами. Маршруты миграции птиц проходят через болота и долины рек, как и пути анадромного лосося и его зеркального отражения — катадромного угря, хотя это всего два вида из множества мигрирующих рыб. Любой водный поток является питательной базой благодаря поймам рек, пойменным болотам и аллювиальным наносам. Жизнь потока зависит не только от его русла, но и от периодических вторжений в его пойму рыб («ритм» наводнений) для нереста и роста, что, в свою очередь, привлекает мигрирующих птиц. Таким образом, процветание населения аллювиальных равнин, видимо, было предопределено проживанием на плодородных болотистых землях на пересечении нескольких экотонов в благоприятный климатический период, и оно использовало пересекающиеся маршруты миграции дичи для получения любимой добычи. Множество версий появления первых оседлых поселений в других регионах также подчеркивают важность водных ресурсов как обеспечивающих самые благоприятные условия для надежного пропитания.

Акцент только на питательном суперизобилии болот и речных долин упускает из виду еще одно решающее преимущество прибрежных и речных поселений: транспортные возможности. Вероятно, болотистые равнины были необходимым условием оседлости, но позже развитие крупных царств и центров торговли зависело от выгодного расположения на водных путях¹⁵. Невозможно переоценить преимущества водного транспорта по сравнению с сухопутным путешествием на осле или телеге. По указу императора Диоклетиана, стоимость перевозки пшеницы удваивалась через пятьдесят миль пути. Поскольку передвижение по воде значительно снижает трение, оно феноменально эффектив-

но¹⁶. Возьмем, например, дрова: до строительства железных и всепогодных дорог разные источники утверждали, что воз дров нельзя выгодно продать при перевозке далее 15 км, а на пересеченной местности и того меньше. Значение древесного угля, хотя на его производство расходуется много древесины, объясняется его прекрасной транспортабельностью: его теплотворная способность на единицу веса и объема существенно превышает таковую «сырых» дров. В досовременную эпоху навалочные и насыпные грузы — древесину, металлические руды, соль, зерно, тростник и керамику — можно было перевозить на значительные расстояния только по воде.

И с этой точки зрения южные аллювиальные равнины обладали уникальными преимуществами. На протяжении полугода они представляли собой водный мир, где было легко передвигаться на тростниковых лодках, а поскольку жители болотистых районов нуждались в товарах верховий рек, то перевозчики пользовались возможностью сплава по течению. Категорически нельзя считать первые постоянные деревни автаркическими экономиками, потреблявшими только продукты собственного производства. Даже их предки охотники-собиратели не жили в изоляции, а торговали обсидианом и предметами роскоши на большие расстояния. Легкость торговли по воде на значительной части аллювиальных равнин обеспечивала большие возможности для торговых обменов, чем местоположения, окруженные со всех сторон сушей.

Причины игнорирования

Напрашивается вопрос: почему игнорируются свидетельства возникновения первых постоянных деревень и развития первых городов именно в болотистых районах? Безусловно, отчасти виноват устойчивый нарратив, согласно которому цивили-

зации появляются благодаря орошению засушливых земель и который соответствует тому современному ландшафту, что видели перед собой авторы нарратива. Однако я убежден, что в широкой перспективе такая историческая близорукость обусловлена воспринимаемой как данность взаимосвязью цивилизации и основных зерновых культур — пшеницы, ячменя, риса и кукурузы (вспомните «янтарь полей», коими «Америка прекрасна», в одноименной песне). Как правило, топи, прибрежные и низинные болота и заболоченные территории считались зеркальным отражением цивилизации — зоной дикой природы и пустынного бездорожья, опасной для здоровья и жизни. Задачей цивилизации, когда она приходила в болотистые районы, было *осушение* и превращение их в упорядоченные и продуктивные зерновые поля и деревни. Оцивилизывание засушливых земель предполагало их орошение, а оцивилизывание болот — их осушение, но в обоих случаях целью было создание пашни под зерновые культуры. Г. Р. Холл писал о древней Месопотамии как о «государстве хаоса — наполовину воде, наполовину земле — и аллювиальных наносах на юге Вавилона, прежде чем цивилизация начала работу по осушению и строительству каналов»¹⁷. Как мы увидим далее, деятельность цивилизации, вернее государства, состояла в избавлении от ила и его замене его же составляющими — землей и водой¹⁸. Будь то древний Китай, Нидерланды, болотистые местности Англии, Понтийские болота, побежденные Бенито Муссолини, или последние болота Южного Ирака, осушенные Саддамом Хусейном, государство всегда стремилось превратить неуправляемые болотистые территории в налогооблагаемые зерновые поля, преобразовывая природный ландшафт.

Хотя бы мельком следует упомянуть, что важнейшая роль плодородного изобилия болотистых районов не игнорировалась только в Месопота-

мии. Первые оседлые сообщества вблизи Иерихона и ранние поселения в низовьях Нила жили за счет ресурсов этих районов и крайне незначительно, если вообще, зависели от возделываемых зерновых. Практически то же самое можно сказать о заливе Ханчжоу, родине ранненеолитической культуры хэмуду, — это заболоченный участок восточного побережья Китая в середине XV тысячелетия до н. э., богатый неодомашненным рисом. Первые поселения на реке Инд, Харрапан и Харипунджайя, тоже подходят под это описание, как и большинство поселений культуры хоа-бинь в Юго-Восточной Азии. Даже расположенные выше уровня моря древнейшие поселения, например Теотиуакан недалеко от Мехико или поселения вблизи озера Титикака в Перу, возникали на обширных заболоченных территориях, которые изобиловали рыбой, птицей, моллюсками и мелкими млекопитающими на пересечении нескольких экологических ниш.

Факт появления первых человеческих поселений в болотистых районах игнорируется и по другим причинам. В частности, здесь мы имеем дело преимущественно с устными культурами — они не оставили письменных источников, к которым мы могли бы обратиться. Их относительная историческая невидимость усугубляется непрочностью их строительных материалов: тростника, осоки, бамбука, древесины и ротанга. Даже следы более поздних сообществ, о которых нам известно из письменных заметок их грамотных соседей, например Сривиджайи на Суматре, практически невозможно обнаружить, поскольку остатки их построек были уничтожены водой, почвой и временем.

И, наконец, последнее и более умозрительное объяснение исторической невидимости жителей заболоченных территорий состоит в том, что они были и остаются экологически устойчивы к централизации и контролю «сверху». Эти сообщества основаны на так называемых ресурсах

в общей собственности — предоставленных самим себе растениях, животных и морских созданиях, доступ к которым имеют все члены сообщества. Здесь не было главного ресурса, который можно было бы монополизировать и контролировать из центра, не говоря уже о налогообложении. Источники пропитания в таких зонах были разнообразны, переменчивы и зависели от стольких жизненных ритмов, что не допускали никакого, даже самого элементарного централизованного учета. В отличие от первых государств, к которым мы обратимся позже, здесь никакая центральная власть не могла монополизировать (и, соответственно, нормировать) доступ к пашне, зерну или воде для орошения. Вот почему осталось так мало свидетельств существования иерархий в этих сообществах (как правило, различия погребальных наборов отражали иерархичность). Здесь вполне могла развиваться культура, но замысловатая сеть относительно эгалитарных поселений вряд ли могла подбросить нам великих вождей или царства, не говоря уже о династиях. Государство, даже самое маленькое протогосударство, нуждается для пропитания в намного более простой окружающей среде, чем описанные экологические ниши заболоченных территорий.

Исторический зазор

Меня интересует поразительный временной разрыв в четыре тысячелетия между появлением одомашненных зерновых и животных и тем объединением земледельчески-скотоводческих сообществ, которое принято считать древней цивилизацией. Аномальность этого отрезка истории, когда в наличии были все строительные блоки классического аграрного общества, но они не смогли собраться воедино, требует объяснения. Предположение стан-

дартного нарратива о «прогессе цивилизации» сводится к тому, что как только были одомашнены злаки и животные, то они более или менее автоматически и сразу породили полностью сформированное аграрное общество. Как и в случае с любой новой технологией, здесь следовало ожидать периода сложностей и адаптации к новому способу выживания, возможно, в тысячу лет, но все же четыре тысячи лет, или примерно 160 поколений, — это более чем достаточное время для налаживания новой социальной системы.

Один археолог назвал этот длительный период временем «низкого уровня производства продовольствия»¹⁹. Однако это обозначение неуместно, поскольку акцент на «производстве» предполагает наличие общества, которое «застряло» на уровне неудовлетворительного равновесия. Мелинда Зе-дер, известный теоретик одомашнивания, избегает этой модной телеологии, утверждая совершенно противоположное — что люди, избегая полной зависимости от оседлого зернового земледелия в удовлетворении основных потребностей в калориях, на самом деле знали, что делали: «На Ближнем Востоке стабильные и весьма устойчивые натуральные хозяйства, основанные на сочетании свободноживущих, контролируемых и полностью одомашненных ресурсов, видимо, сохранялись на протяжении 4000 лет или даже дольше — до окончательного становления аграрной экономики, основанной преимущественно на одомашненных зерновых и домашнем скоте»²⁰. По мнению Зе-дер, в этом отношении Ближний Восток не был уникален. Ссылаясь на работы, посвященные Азии, Мезоамерике и востоку Северной Америки, она утверждает, что «иногда культивены и домашние животные были включены в цикл хозяйственных стратегий на протяжении тысячелетий, практически не нарушая традиционный образ жизни охотников-собира-телей». Они служили дополнительным и часто

весьма важным источником пропитания, который «отличался от ресурсов дикой природы только тем, что для своего получения требовал разведения, а не охоты или собирательства... Таким образом, ни наличие одомашненных или поддающихся одомашниванию ресурсов, ни распространение технологий производства продовольствия недостаточны, чтобы навязать натуральному хозяйству производство продовольствия как руководящий принцип»²¹.

Первое и самое благоразумное предположение относительно исторических акторов состоит в том, что, с учетом своих ресурсов и знаний, они действовали разумно, чтобы соблюсти свои прямые интересы. Соответственно, раз они не могут говорить сами за себя, имеет смысл считать их ловкими и пронырливыми штурманами в разнообразном, изменчивом и потенциально опасном окружающем мире. По аналогии с первыми проявлениями оседлости, которые опробовали охотники и собиратели, используя предоставленные им биоразнообразием заболоченных территорий многочисленные возможности пропитания, можно охарактеризовать этот длительный период как экспериментирование и управление природным окружением. Вместо того чтобы опираться на малую часть этого окружения, охотники и собиратели, видимо, предпочли быть оппортунистическими универсалами с большим набором вариантов пропитания, распределенных по нескольким пищевым сетям.

Аллювиальные равнины Месопотамии, как и Леванта, отличаются большими колебаниями осадков и большим разнообразием растительности даже на небольших участках, чем любой другой регион мира. Уровень сезонных колебаний осадков здесь также исключительно высок. Хотя благодаря этому многообразию различные ресурсы оказываются здесь практически под рукой, оно требовало и богатого репертуара хозяйственных стратегий, чтобы справляться с изменениями окружающей среды.

За те несколько тысячелетий, которые предшествовали появлению первых аграрных царств примерно в 3500 году до н. э., произошли и глобальные макроклиматические события, оставшиеся в памяти человечества как «великий потоп». Теплая и влажная эпоха с 12 700 до 10 800 годы до н. э. (хотя и в эти тысячелетия климат менялся) уступила место холодной эпохе (поздний дриас) с 10 800 по 9600 годы до н. э., в течение которой поселения были заброшены, а выжившие спрятались в климатических укрытиях — на теплых низменностях и побережьях. Хотя после позднего дриаса условия жизни в целом благоприятствовали широкому расселению охотников и собирателей, случались и возвраты к прежним низким температурам, например столетняя эпоха холодной сухой погоды (примерно с 6200 года до н. э.) была более суровой, чем малый ледниковый период 1550–1850 годов в Европе начала эпохи модерна. Археологи, изучающие пяти тысячелетний период после 10 000 года до н. э., согласны с тем, что он был полон импульсов для роста населения и распространения оседлости: случались холодные сухие эпохи, когда оседлость была следствием скопления людей в укрытиях, и теплые влажные эпохи роста и рассеяния населения. Учитывая колебания климата и риски, первым людям не было никакого смысла рассчитывать в пропитании только на узкую полосу земли.

До сих пор мы рассматривали только климатические и экологические условия, а также их воздействие на территориальное распределение населения и оседлость. Вполне возможно, что некоторые или большинство колебаний этих условий были обусловлены человеческим фактором в широком смысле слова: болезнями, эпидемиями, быстрым ростом населения, истощением местных ресурсов и дичи, социальными конфликтами и насилием — далеко не все из них оставили однозначные археологические следы.

Безусловно, мы недооцениваем ловкость и адаптированность наших догосударственных предков. Эта недооценка встроена в цивилизационный нарратив, представляющий охотников-собирателей, подсечно-огневых земледельцев и скотоводов как, по сути, подвид *Homo sapiens*, стоящий на иной ступени эволюции. Однако, согласно историческим данным, люди легко меняли способы пропитания и даже изобретательно их сочетали в Плодородном полумесяце и других регионах. Например, обнаружены свидетельства того, что квазиоседлое население аллювиальных равнин Месопотамии во время похолодания позднего дриаса переключилось на мобильные стратегии пропитания, поскольку закончились местные прежде обильные ресурсы; схожим образом, но намного позже земледельцы, переезжая с Тайваня в Юго-Восточную Азию (около 5 тысяч лет назад), часто отказывались от сельского хозяйства в пользу собирательства и охоты в богатых лесных угодьях²². В начале XX века главным критерием географического взгляда на историю стал отказ от резкого разграничения охотников-собирателей, скотоводов и земледельцев, потому что ради выживания большинство народов предпочитали сидеть по крайней мере на двух стульях — «на всякий случай имея две тетивы для лука»²³.

Таким образом, по отношению к основным понятиям, вдохнувшим жизнь в исторические нарративы о расцвете цивилизаций и государств, нам следует оставаться воинственными агностиками. К этому нас также подталкивает интеллектуальный скептицизм и результаты последних исследований. Например, большинство дискуссий об одомашнивании растений и постоянных поселениях без тени сомнений сходятся в том, что древние народы просто дожидаться не могли, чтобы обосноваться на одном месте. Подобное утверждение — ошибочный вывод из стандартных дискурсов аграрных государств, которые стигматизировали мобильные

сообщества, называя их примитивными. «Социальная воля к оседлости» не должна восприниматься как данность²⁴. Не следует воспринимать как данность и понятия «скотовод», «земледелец», «охотник» и «собиратель», по крайней мере в их эссенциалистских значениях — их необходимо трактовать как разные отметки на шкале стратегий выживания, а не как отдельные сообщества на древнем Ближнем Востоке. Родственные группы и деревни могли сочетать скотоводство, охоту и выращивание злаков в рамках единой экономики. Семья или вся деревня в случае гибели урожая могла полностью или частично перейти от земледелия к скотоводству, а скотоводы после падежа скота могли заняться земледелием. Целые регионы в годы засухи или наводнений могли радикально менять стратегии пропитания. Считать сообщества, использующие разные хозяйственные стратегии, разными народами, населяющими разные жизненные миры, — значит, применять более исторически позднюю стигматизацию скотоводов аграрными государствами к эпохе, где она просто не имеет смысла. Яркий пример изменения трактовок прошлого — пронизательное прочтение Энн Портер множества вариантов «Эпоса о Гильгамеше»²⁵. В самых ранних версиях эпоса побратим Гильгамеша Энкиду — скотовод, символ сплоченного сообщества земледельцев и пастухов. Тысячелетие спустя он предстает как недочеловек, возвращенный животными, — ему необходим секс с женщиной, чтобы очеловечиться. Иными словами, Энкиду превратился в опасного варвара, который не знает зернового земледелия, домашнего очага, городской жизни и как «преклонить колени». Очевидно, что «поздний» Энкиду — продукт идеологии зрелого аграрного государства.

Одомашнив ряд зерновых и бобовых, а также коз и овец, жители аллювиальных равнин Месопотамии стали земледельцами и скотоводами, не пе-

рестав быть охотниками-собираателями. Пока в их распоряжении были обильные заросли диких растений, плоды которых они могли собирать, и ежегодные миграции водоплавающих птиц и газелей, на которых они могли охотиться, у них не было никаких причин рисковать и переходить частично или полностью на трудоинтенсивное земледелие и разведение домашнего скота. Именно окружающее их разнообразие ресурсов и — отсюда — способность избежать специализации (единственной технологии или источника пропитания) стали лучшей гарантией их безопасности и относительного продовольственного изобилия.

Зачем вообще заниматься земледелием?

Достаточно много ранненеолитических стоябищ содержат однозначные свидетельства выращивания диких злаков и (спорные) свидетельства одомашнивания ряда растений. С учетом наличия в регионе густых зарослей диких злаков и других ресурсов, вопрос заключается не столько в том, почему наши предки не бросились сломя голову заниматься земледелием, сколько в том, зачем вообще они потрудились что-либо вырастить. Общепринятый ответ состоит в том, что урожай зерновых можно собрать, обмолотить и хранить несколько лет в амбаре — как компактный запас крахмала и белка на случай внезапного сокращения ресурсов дикой природы. Согласно этому объяснению, несмотря на трудовые затраты, такой запас выступал своеобразной страховкой (гарантия пропитания) для охотников-собираателей, которые знали, как заниматься земледелием.

Данное объяснение в его самых простых формах не выдерживает критики. Оно подразумевает, что урожай высаженной культуры более надежен, чем урожай диких растений. Однако верно обратное: дикие семена по определению встречаются

только там, где могут бурно разрастись. Во-вторых, данное объяснение не учитывает риски оседлости, связанные с необходимостью высаживать урожай, ухаживать за ним и охранять. С исторической точки зрения выживание охотников и собирателей обеспечивала их мобильность и разнообразие источников пропитания, на которое они полагались. Именно характерная для аллювиальных равнин Месопотамии уникальная близость ко множеству экологически разнообразных ресурсов, которые в других регионах были разбросаны в пространстве и времени, способствовала становлению оседлости. Позже земледелие ограничило передвижения оседлых охотников-собирателей, и их неспособность быстро реагировать на, скажем, раннюю миграцию птиц или рыб скорее уменьшала, чем повышала их продовольственную безопасность. Периодически случавшиеся на протяжении этой долгой эпохи уходы из поселений ради занятий скотоводством или кочевым собирательством характеризуют оседлый образ жизни скорее как стратегию, чем как идеологию, в которую он превратился позже.

Более грубые версии «гипотезы хранения продовольствия» столь же близоруки по отношению к огромному разнообразию методов хранения пищи, которые использовались на аллювиальных равнинах и в других регионах²⁶. Хранение «живьем», в виде домашнего скота, — самый очевидный метод, и поговорка «корова — это амбар народа хауса» прекрасно описывает его суть. Наличие под рукой готового запаса жиров и белков делало эксперименты с высаживанием зерновых менее рискованными, и некоторые историки древнего сельского хозяйства предполагают, что относительное отсутствие одомашненных животных объясняет, почему зерновое земледелие распространилось так поздно: оно было слишком рискованным без надежной подушки продовольственной безопасности. Другие продукты тоже можно было легко сохранить

на короткое или длинное время: рыбу и мясо можно было засолить, завялить или закоптить, бобовые, скажем, нут и чечевицу, — засушить, овощи и зерна — ферментировать и перегнать на спирт. Вероятно, чаша пива из ферментированного ячменя составляла дневной рацион храмовых работников Урука. В принципе и сегодня мы можем представить себе ландшафт так, как, вероятно, его видел древний собиратель: огромное разнообразное живое хранилище рыбы, моллюсков, птиц, орехов, фруктов, корений, клубней, съедобного тростника и осоки, земноводных, мелких млекопитающих и крупной дичи. Если вдруг один источник пропитания не срабатывал, то других было в изобилии. Стабильность живого сложноустроенного хранилища обеспечивалась разнообразием и различными темпоральностями его содержимого.

Один концептуальный подход, некогда популярный среди исследователей социальной эволюции, изображал сельское хозяйство как решающий цивилизационный скачок, поскольку это деятельность с «отложенной выгодой»²⁷. Здесь земледелец — качественно новый тип человека, потому что он должен планировать все наперед, готовя поле к севу, пропалывать и ухаживать за урожаем по мере его созревания до тех пор, когда (как он надеется) его можно собрать. Что здесь, по моему мнению, в корне неверно, так это не изображение земледельца, а карикатура на охотников-собирателей. Этот подход, утверждая принципиальное различие между охотниками-собирающими и земледельцами, считает, что первые — недальновидные, спонтанные, импульсивные существа, бороздящие ландшафт в надежде наткнуться на дичь или найти нечто съедобное, что можно сорвать с куста или дерева («немедленная выгода»). Это описание очень далеко от истины. Любая крупная добыча — в ходе миграции газелей, рыбы и птиц — требовала тщательной совместной подготовки: строительства

длинных сужающихся «загонных коридоров» к месту забоя; строительства плотин, изготовления сетей и ловушек; возведения или выкапывания поместий для копчения, вяления и засаливания улова. В основном это деятельность с отложенной выгодой, которая требует широкого набора инструментов и методов и более высокого уровня координации и кооперации, чем земледелие. Помимо описанных выше зрелищных массовых способов охоты, охотники и собиратели издавна моделировали ландшафт: оберегали растения, которые позже дадут пропитание и сырье, сжигали растительность, чтобы приманить дичь, пропалывали естественные насаждения желаемых зерновых и клубневых. За исключением боронования и сева, охотники и собиратели делали с дикорастущими зерновыми то же самое, что и земледельцы со своим урожаем.

Ни «хранение продовольствия», ни «отложенная выгода» не являются правдоподобными объяснениями ограниченного использования одомашненных зерновых, о котором упоминают историки. Я предлагаю другое объяснение возделывания зерновых, основанное на простой аналогии с огнем и водой. Главная проблема сельского хозяйства, особенно основанного на плужном земледелии, состоит в том, что оно трудоинтенсивное. Впрочем, один тип земледелия устраняет большую часть труда — приливно-отливное (также известное как паводковое), где семена обычно высеиваются в плодородный ил, сформированный ежегодным разливом рек. Этот плодородный ил, безусловно, был результатом «переноса» питательных веществ из размытых верховий рек. Этот тип земледелия наверняка был исторически первым в пойме Тигра и Евфрата, не говоря уже о долине Нила. Он все еще широко распространен и доказал, что является самой трудосберегающей формой земледелия, независимо от возделываемых культур²⁸.

Для нас важно, что наводнения выполняли, по сути, ту же функцию моделирования ландшафта, что и огонь, который использовали охотники, собиратели и подсечно-огневые земледельцы. Паводок расчищает «поле», обнаруживая и вымывая всю конкурирующую растительность, попутно, по мере отступления, нанося слой мягкого, легко обрабатываемого и питательного ила. В благоприятных условиях результатом оказывается прекрасно боронованное, удобренное и готовое к севу поле без затрат труда. Вероятно, наши предки заметили не только то, что огонь расчищает землю под новые естественные заросли быстро распространяющихся растений (так называемых рудеральных), но и примерно ту же последовательность событий в случае наводнений²⁹. Поскольку первыми злаками были травы (рудеральные растения), они явно процветали и получали стартовое преимущество перед своими конкурентами сорняками, если их высаживали в плодородный ил. Не такое это и сложное дело, как казалось раньше, представить, что кто-то проделывает маленькую брешь в естественной дамбе, чтобы вызвать небольшое наводнение и обеспечить паводковое земледелие. И вот пожалуйста — тип земледелия, которым мог бы заняться умный ленивый охотник-собиратель.

Благоустройство мира: мания одомашнивания

ВОПРЕКИ традиционному нарративу, в истории не было волшебного момента, когда *Homo sapiens* пересек роковую линию, которая отделяет охоту и собирательство от земледелия, и совершил переход из доисторического состояния в историческое, из дикости в цивилизацию. Тот миг, когда семечко или клубень помещают в подготовленную почву, следует считать отдельным событием (и не особенно значимым для совершающих это действие) в длительной и исторически глубокой неразберихе изменений ландшафта, которая началась с *Homo erectus* и овладения огнем.

Безусловно, мы далеко не единственный вид, который меняет окружающую среду в собственных интересах. Хотя бобры — самый очевидный пример, слоны, луговые собачки, медведи и, по сути, все млекопитающие занимаются «конструированием ниш», посредством чего меняют физические характеристики ландшафта и распределение представителей флоры, фауны и мира микробов вокруг себя. Насекомые, особенно «социальные» — муравьи, термиты, пчелы, — делают то же самое. В широкой и глубокой исторической перспективе даже растения активно занимаются масштабным преобразованием ландшафта. Например, после последнего ледникового периода расширяющийся «дубовый пояс» со временем создал собственную почву, тень, сопутствующие растения и запас желудей, который

стал настоящим подарком для десятков млекопитающих, включая белок и *Homo sapiens*.

Задолго до появления того, что сегодня считается «правильным» сельским хозяйством, *Homo sapiens* целенаправленно перестраивал биотический мир вокруг себя, что порождало как преднамеренные, так и случайные последствия. Благодаря огню низкоинтенсивное садоводство, практикуемое на протяжении тысячелетий, оказало важное воздействие на мир природы. У нас есть убедительные доказательства, что уже 11 или 12 тысяч лет назад население Плодородного полумесяца вмешивалось в жизнь популяций «диких» растений, чтобы изменить их в своих интересах, т.е. за несколько тысячелетий до того, как в археологических данных появились четкие морфологические признаки одомашнивания зерновых¹. Можно датировать появление одомашненных зерновых по контрольному признаку — сорнякам, характерным для активно возделываемых полей и распространяющимся на фоне сокращения местной флоры, не приспособленной к управляемой природной среде².

Никакие иные свидетельства моделирования ландшафта не оказали столь же значительного влияния на наши представления, как древнее заселение лесов в пойме Амазонки. Оказывается, бассейн Амазонки был плотно заселен и превращен в пригодный для жизни преимущественно за счет формирования ландшафта из пальм, фруктовых деревьев, бамбука и деревьев бразильского ореха, из которых постепенно сложились культурно-антропогенные леса. При условии достаточного времени для свершения магии медленное лесное «садоводство» такого типа может создать почвы, флору и фауну, формирующие богатую пропитанием экологическую нишу³.

В этом контексте высаживание семени или клубня — лишь один из сотни приемов улучшения производительности, урожайности и здоровья желаемых, но морфологически диких растений. Другие

приемы включают в себя выжигание нежелательной флоры, прополку диких насаждений предпочтительных растений и деревьев, чтобы устранить их конкурентов, обрезку, прореживание, выборочную уборку урожая, подравнивание, пересадку, мульчирование, переселение насекомых-защитников, кольцевание деревьев, выращивание подлеска для периодической вырубki, полив и удобрение⁴. Что касается животных, то помимо полного одомашнивания, охотники издавна выжигали растительность, чтобы упростить поиск добычи, не трогали самок репродуктивного возраста, выбраковывали животных, планировали охоту на основе жизненных циклов и размера популяции, избирательно занимались рыбалкой, управляли ручьями и водными потоками, чтобы способствовать нересту рыб и размножению моллюсков, переселяли яйца/икру и молодняк птиц и рыб, преобразовывали среду обитания и иногда сами выращивали молодняк.

С учетом давней истории и масштабных последствий подобных практик одомашнивание следует трактовать намного шире, чем просто посадку растений и скотоводство. С момента своего появления *Homo sapiens* занимался одомашниванием не только других видов, но и всей окружающей среды. До начала промышленной революции главным инструментом одомашнивания был не плуг, а огонь. В свою очередь, одомашнивание целых экологических ниш подарило нашему виду еще одно адаптационное преимущество — высокие темпы воспроизводства, сделав нас самым успешным млекопитающим-захватчиком в мире (подобнее об этом будет сказано ниже). Как бы мы ни называли этот процесс — конструирование экологической ниши, одомашнивание окружающей среды, преобразование ландшафта или человеческое управление экосистемами, — в длительной исторической перспективе очевидно, что большая часть мира была создана человеческой деятельностью (антропоген-

но) задолго до того, как в Месопотамии появились первые общества, основанные на полностью одомашненных пшенице, ячмене, овцах и козах. В этом и заключается причина того, что условные «подвиды» жизненных укладов — охота, собирательство, скотоводство и земледелие — по отдельности имеют мало исторического смысла. Одни и те же сообщества использовали все четыре способа выживания, причем иногда на протяжении одной жизни; они могли сочетаться и действительно часто сочетались на протяжении тысячелетий, и каждый из них незаметно перетекал в другой в пределах обширного континуума вариантов человеческого преобразования природы.

От неолитических зеленых насаждений к цветочному зоопарку: последствия возделывания культур

Даже если поиск решающего момента в одомашнивании древнейших зерновых — бессмысленное занятие, нет никаких сомнений в том, что к 5000 году до н. э. сотни деревень Плодородного полумесяца возделывали одомашненные зерновые как основной продукт своего рациона. Как и почему это произошло — до сих пор загадка, вокруг которой ведутся споры. До относительно недавнего времени в качестве разгадки доминировала теория «последнего рубежа обороны» — плужного земледелия, связанная с именем знаменитого датского экономиста Эстер Бозеруп⁵. Отталкиваясь от неопровержимой посылки, что плужное земледелие, как правило, требовало значительно больше труда для получения того же количества калорий, что давали охота и собирательство, она доказывает, что окончательный переход к земледелию был не возможностью, а необходимостью — спасительным выходом, когда не осталось никаких иных альтернатив. Видимо,

определенное сочетание роста численности населения, снижения уровня белка, который можно было получить охотой на диких животных, и сокращения числа питательных диких растений, а также принуждение вынудили не желавших того людей работать больше, чтобы извлечь больше калорий из земли, к которой они имели доступ. Считается, что этот демографический переход к тяжелому труду был метафорически изображен в библейском сказании об изгнании Адама и Евы из Эдема в мир труда.

Несмотря на очевидную экономическую логичность, теория «последнего рубежа обороны», по крайней мере в Месопотамии и Плодородном полумесяце, не соответствует имеющимся данным. Согласно этой теории, земледелие должно было возникнуть сначала в тех районах, где собиратели, исчерпавшие возможности своей среды обитания, оказались в тяжелом положении. Однако земледелие, наоборот, появилось в районах, для которых характерно изобилие, а не недостаток ресурсов. Если, как отмечалось ранее, люди занимались приливно-отливным земледелием, то тогда главная посылка теории Бозеруп о земледелии как требующем тяжелого труда может быть неверна. Кроме того, не обнаружено убедительных свидетельств того, что древнее земледелие связано с исчезновением диких животных и растений. Теория «последнего рубежа обороны» не выдерживает критики (по крайней мере применительно к Ближнему Востоку), но пока ей на смену не пришло иное удовлетворительное объяснение распространения земледелия⁶.

Домашняя усадьба как строительный блок эволюции

Сам по себе вопрос об истоках земледелия сегодня кажется менее важным, чем прежде. До тех пор пока оно не стало ужасно трудоемким, земледелие

вполне могло быть одним из множества способов преобразования окружающей среды в арсенале первых оседлых сообществ. Что более важно, чем ответ на вопрос, почему высеиваемые и возделываемые культуры стали столь распространены, так это далеко идущие последствия однажды свершившегося одомашнивания зерновых и животных — к этой проблематике мы теперь и обратимся.

Каковы бы ни были причины возрастающей зависимости от одомашненных зерновых и животных в пропитании, она представляет собой качественное изменение логики преобразования ландшафта. Были изменены сорта растений, виды животных, необходимые им почвы и корма, а также, и не в последнюю очередь, сам *Homo sapiens*. Здесь термин «одомашнивание», производный от «дома» (домашней усадьбы) или домохозяйства, следует воспринимать в буквальном значении. Домашняя усадьба представляла собой уникальное и беспрецедентное скопление вспаханных полей, хранилищ зерна и семян, людей и домашних животных, и их совместная эволюция имела последствия, которые никто не мог предвидеть. Не менее важно и то, что домашняя усадьба как строительный блок эволюции непреодолимо влекла тысячи незваных прихлебателей, которые процветали в ее маленькой экосистеме. На вершине этой кучи находились «сотрапезники» человека — воробы, мыши, крысы, вороны и (якобы приглашенные) собаки, свиньи и кошки, для которых этот новый ковчег стал настоящей кормовой площадкой. В свою очередь, каждый из сотрапезников привел собственный кортеж микропаразитов — блох, клещей, пиявок, комаров, вшей, а также своих хищников: собаки и кошки были нужны, чтобы охотиться на мышей, крыс и воробьев. Ни одна живая тварь не смогла избежать последствий своего временного пребывания в многовидовом поздненеолитическом лагере.

Археоботаники уделяют особое внимание морфологическим и генетическим изменениям двух основных зерновых культур — пшеницы и ячменя. Древние виды пшеницы — однозернянка и особенно двузернянка — вместе с ячменем и большинством «основателей» бобовых (чечевицей, горохом, нутом, викой чечевицевидной и даже льном) в широком смысле слова принадлежат семейству «зерновых», поскольку являются самоопыляющимися однолетними растениями и с трудом скрещиваются со своими дикими прародителями (в отличие от ржи). Многие растения весьма разборчивы в том, где и когда им расти. Самые подходящие для одомашнивания растения, помимо питательной ценности, были «универсалами», которые прекрасно себя чувствовали в потревоженной почве (на вспаханном поле), росли очень густо и легко хранились. Проблема, с которой столкнулся будущий земледelec, состояла в том, что у дикоросов давление естественного отбора приводит к формированию характеристик, крайне невыгодных для него. Так, дикие колоски обычно малы и легко осыпаются, чтобы самопосеяться, вызревают неравномерно, их семена могут долго находиться в спячке, но потом вновь прорасти, у них много отростков, остей, шелухи и толстая кожура, — чтобы не быть съеденными травоядными и птицами. Все эти особенности — результаты естественного отбора, работающие против земледельца. Показательно, что основные сорняки, от которых страдают пшеница и ячмень (своего рода неприрученные сотрапезники-автостопщики), обладают именно такими свойствами. Им нравится вспаханное поле, но они ускользают и от комбайна, и от травоядных. По всей видимости, овес начал свою сельскохозяйственную карьеру как сорняк на вспаханном поле (облигатный вредитель, мимикрирующий под урожай), но в итоге стал вторичной культурой.

Вспаханное, засеянное, прополотое поле — это совершенно иная селекционная история. Земледе-

лец хочет получить неосыпающиеся (полные) колоски зерна, которые останутся целыми при сборе урожая, причем в предсказуемые сроки и при определенной зрелости. Многие характеристики одомашненных зерновых — это долгосрочный итог посева и сбора урожая. Растения, которые дают много крупных семян с тонкой кожурой, вызревающих равномерно, легко обмолачиваемых, устойчиво прорастающих и с незначительным количеством шелухи и отростков, вносят непропорционально большой вклад в урожай, поэтому их семенам отдается предпочтение в посеве следующего года. Со временем морфологические различия между постоянно тщательно отбираемыми и высаживаемыми сортами и их дикими прародителями становятся просто огромными. У пшеницы различия между дикими и одомашненными сортами легко заметны, но не столь поразительны, как контраст между кукурузой и ее примитивным предком мексиканской теосинте — сложно поверить, что обе принадлежат одному и тому же виду.

Древнее сельскохозяйственное поле было намного более простым и «обработанным», чем мир за его пределами. В то же время оно было намного более сложным, чем поле индустриального сельского хозяйства с его стерильными гибридами и клонами, выращиваемыми ради урожая. Раннее сельское хозяйство создавало своего рода портфолио культурных и примитивных сортов, которые выращивались по разным причинам и целенаправленно отбирались не столько за среднюю урожайность, сколько за устойчивость к разным давлениям, болезням и паразитам и за надежность в обеспечении потребностей в пропитании. Разнообразие сельскохозяйственных культур и подвидов было наибольшим в естественных условиях экологического и климатического многообразия, по крайней мере на аллювиальных низменностях с надежными условиями орошения и произрастания.

Цель ухода за полем и садом состоит именно в том, чтобы устранить большинство переменных, которые конкурируют с культигеном. В этой созданной руками человека и защищаемой им среде все иные растения уничтожаются огнем, затоплением, плугом и мотыгой, вырываются из земли с корнем; птицы, грызуны и животные, объедающие побеги, отпугиваются или сдерживаются заграждениями — мы создаем почти идеальный мир, в котором наши любимцы, тщательно поливаемые и удобряемые, должны разрастаться. Неуклонно, своей заботой, как за маленьким ребенком, мы создаем полностью одомашненные растения. «Полное одомашнивание» означает то, что они — по сути, наши творения: они уже не могут выжить без нашей заботы. С эволюционной точки зрения полностью одомашненное растение превращается в суперспециализированного немого представителя флоры, чье будущее полностью зависит от нас. Если вдруг оно перестанет нас радовать, то будет изгнано и почти наверняка погибнет⁷. Впрочем, некоторые домашние растения и животные (овес, бананы, нарциссы, лилии, собаки и свиньи) сопротивлялись полному одомашниванию и способны, хотя и в разной степени, выживать и размножаться в дикой природе.

От добычи охотника к загону фермера

Безусловно, можно предположить, как собаки, кошки и даже свиньи прибились к охотникам и их домохозяйствам в поисках пищи, тепла и обещанной концентрации добычи. Они — во всяком случае некоторые из них — появились в домашней усадьбе скорее добровольно, нежели по принуждению. То же самое можно сказать о живущих при доме мышах и воробьях, которые не были столь же желанными гостями, но пожаловали и избежали полного одомашнивания. Однако овцы и козы, первые

одомашненные некоммуналы на Ближнем Востоке, ознаменовали грандиозную революцию в жизни млекопитающих. Эти животные на протяжении тысячелетий были добычей *Homo sapiens* как охотника. Вместо того чтобы убивать диких овец и коз, жители неолитических деревень ловили их, запирали, защищали от других хищников, кормили по мере необходимости, разводили, чтобы увеличить их потомство, использовали их молоко, шерсть и кровь, а потом и тушу убитого животного, как охотники. Переход от добычи к «охраняемым» или «культурным» видам имел огромные последствия для всех вовлеченных сторон. *Homo sapiens* считается самым успешным и самым многочисленным агрессивным видом в истории, и это сомнительное достижение объясняется тем, что практически в любой уголок мира он брал с собой батальоны союзников — домашних растений и животных.

Не все животные, на которых мы раньше охотились, были подходящими кандидатами для одомашнивания. Эволюционные биологи и историки природы подчеркивают, что некоторые виды были «преадаптированы», т. е. в дикой природе обладали характеристиками, которые предрасполагали их к жизни в домашней усадьбе. Прежде всего, это стадное поведение и сопровождающая его социальная иерархия⁸, способность переносить разные условия окружающей среды, рацион широкого спектра, приспособляемость к скученности и болезням, способность размножаться в неволе и, наконец, относительно спокойная (испуг-бегство) реакция на внешние стимулы. Хотя большинство основных видов домашних животных (овцы, козы, крупный рогатый скот и свиньи) действительно являются стадными, как и большинство тягловых животных (лошади, верблюды, ослы, буйволы и олени), стадное поведение не гарантирует одомашнивания. Например, газель на протяжении тысячелетий была главным объектом человеческой охоты. На севере

Месопотамии сохранились длинные направляющие стены в виде воронки («пустынные коршуны»), предназначенные для перехвата ежегодно мигрирующих стад газелей. Однако, в отличие от овец, коз и крупного рогатого скота, этот источник желаемого белка не поддавался одомашниванию.

Животные, которые были одомашнены, попали в новый жизненный мир, в котором столкнулись с кардинально иными эволюционными вызовами, чем при жизни на воле. В первую очередь, если взять самых распространенных одомашненных животных — овец, коз и свиней, они не могли свободно ходить туда, куда им вздумается. Поскольку они были пленниками, их рацион и мобильность были ограничены, часто они толпились в загонах, пещерах и на огороженных полях — это были беспрецедентные скопления в их эволюционной истории. Как мы увидим далее, подобная концентрация имела последствия для их здоровья и социальной организации. Главной целью их похитителей было ускорение темпов их размножения. Как правило, оно обеспечивалось, как и в современном животноводстве, отделением молодняка нерепродуктивного возраста, чтобы увеличить число фертильных самок и их потомство. Если археологи хотят понять, является ли обнаруженное захоронение костей овец или коз останками дикого или домашнего стада, то половозрастное распределение выступает убедительным индикатором человеческого контроля и селекции. Благодаря охране и заботе своих хозяев домашние животные, как и растения в поле, были избавлены от многих угроз естественного отбора (хищники, конкуренция за корм, борьба за самок), но стали испытывать давление новых факторов — как преднамеренно, так и случайно созданных их «хозяевами»⁹.

Новые условия жизни домашних животных не ограничивались теми, что были созданы руками человека, — речь идет о микроэкологии и микро-

климате всего домохозяйственного комплекса: его полях, сельскохозяйственных культурах, постройках и веренице животных, птиц, насекомых и паразитов вплоть до уровня бактерий, собравшихся здесь в качестве комменсалов человека. Доказательством особого воздействия домохозяйственного комплекса (независимо от прямых управленческих усилий человека) является то, что незванные комменсалы — мыши, воробьи и даже свиньи (видимо, они сами прибились к человеку, питаясь отбросами первых поселений) — демонстрируют ряд схожих физических изменений с полностью одомашненными видами¹⁰.

Под влиянием принципиально новых факторов человеческого домохозяйства основные одомашненные животные обрели совершенно иные характеристики — как физиологические, так и поведенческие. Причем с эволюционной точки зрения эти изменения произошли буквально в мгновение ока. Об этом нам известно отчасти благодаря сопоставлению костных останков домашних животных в Месопотамии с останками их диких кузенов и прародителей, отчасти по результатам современных экспериментов с одомашниванием. Известный российский эксперимент по приручению чернобурых лис — поразительный тому пример. Посредством отбора наименее агрессивных (наиболее спокойных) из 130 чернобурых лис и неоднократного их скрещивания всего за десять поколений было получено 18% потомства, которые демонстрировали удивительно прирученное поведение — скулили, виляли хвостами, положительно реагировали на ласку и вели себя как домашние собаки. После двадцати поколений такого потомства доля ручных лис удвоилась и составила 35%¹¹. Поведенческие трансформации сопровождались и физическими изменениями, такими как вислоухость, разношерстность и поднятый хвост, которые считают генетическим следствием снижения уровня адреналина.

Ключевое поведенческое отличие домашних животных от их диких современников — более низкий порог чувствительности к внешним стимулам и более низкая настороженность по отношению к другим видам, включая *Homo sapiens*¹². Вероятность того, что эти характеристики порождены «эффектом одомашнивания», а не полностью детерминированы целенаправленной селекцией, подтверждается тем фактом, что непрошеные комменсалы человека — голуби, крысы, мыши и воробьи — демонстрируют столь же сниженную настороженность и чувствительность. Например, естественный отбор способствовал выживанию более мелких и менее навязчивых крыс и мышей, которые лучше адаптированы к выживанию на человеческом мусоре так, чтобы не быть обнаруженными и пойманными. Как разводчика овец вот уже более двадцати лет меня обижает использование слова «овца» как синонима трусливого стадного поведения и отсутствия индивидуальности. На протяжении последних восьми тысячелетий мы сами отбирали самых послушных овец и пускали под нож самых агрессивных — тех, что вырывались из загона. Но почему мы вдруг передумали и стали порочить этот вид за сочетание нормального стадного поведения с теми характеристиками, что мы сами отбирали?

Процесс поведенческих изменений связан с разнообразными физическими трансформациями, которые обычно предполагают уменьшение различий между мужскими и женскими особями (половой диморфизм): например, рога баранов уменьшились или исчезли, потому что больше не нужны в естественном отборе для отпугивания хищников и борьбы с другими самцами в брачный период. Домашние животные намного более плодовиты, чем их дикие собратья. Другое общее и поразительное морфологическое изменение домашних животных — неотения: относительно раннее достижение половозрелости и сохранение во взрослом возрасте большей

части морфологических (особенно это касается черепа) и поведенческих черт, характерных для молодняка у диких предков. Уменьшение головы и челюстей привело к уменьшению коренных зубов и как бы к переполненности ими пасти домашних животных.

Уменьшение мозга и, что более спорно, его последствия считаются решающими для формирования «послушности» у домашних животных. По сравнению с дикими предками, размер мозга овцы уменьшился на 24% за десятитысячелетнюю историю ее одомашнивания; у хорьков (одомашненных намного позже) мозг на 30% меньше, чем у диких черных хорьков; у свиней (*sus scrofa*) мозг на треть меньше, чем у их предков¹³. На новом рубеже одомашнивания — аквакультуры — даже у выращенной в неволе радужной форели мозг меньше, чем у дикой форели.

Показательно не общее уменьшение размеров мозга, а то, что разные его отделы изменились непропорционально. У собак, овец и свиней в наибольшей степени изменилась лимбическая система (гиппокамп, гипоталамус, гипофиз и мозжечковая миндалина), отвечающая за выработку гормонов и реакции нервной системы на угрозы и внешние стимулы. Сжатие лимбической системы объясняется повышением порога чувствительности, которая запускает реакции агрессии, бегства и страха. В свою очередь, это помогает понять отличительные характеристики практически всех одомашненных видов — общее снижение эмоциональной реактивности. Такую эмоциональную выдержку можно считать условием жизни в переполненном домохозяйстве под надзором человека, где мгновенная реакция на хищника и добычу уже не является мощным фактором естественного отбора. В условиях физической защищенности и гарантированного пропитания домашнее животное менее настороженно воспринимает свое непосредственное окружение, чем его дикие собратья.

Как оседлость связана со снижением мобильности и ростом скученности в деревне и домашней усадьбе, так и относительное лишение свободы и скученность домашних животных имеет прямые последствия для их здоровья. Стресс и физическая травматичность ограничения свободы в сочетании с сокращением разнообразия рациона и легкостью распространения инфекций среди представителей одного вида, собравшихся в одном месте, способствуют патологиям. Наиболее распространены костные патологии, обусловленные повторными заражениями, снижением физической активности и ухудшением питания. Археологи уже привыкли обнаруживать случаи хронического артрита, заболевания десен и костные признаки жизни в неволе в останках древних домашних животных. Другое следствие одомашнивания — более высокий уровень смертности новорожденных. Например, у прирученных лам он приближается к 50%, что намного выше аналогичного показателя диких лам (гуанако). В значительной степени это различие является следствием жизни в неволе — в грязных, заваленных навозом загонах, где кишат вирулентные бактерии клостридий, которые, как и другие паразиты, легко находят себе носителей.

Высокий уровень смертности новорожденных у домашних животных явно противоречит цели человеческого контроля, состоящей, прежде всего, в максимизации воспроизводства животного белка по аналогии с максимизацией урожая зерновых. Однако уровень рождаемости может вырасти настолько, что более чем компенсирует потери от высокой смертности. Причины до конца не ясны, но в целом домашние животные достигают репродуктивного возраста раньше, у них чаще происходит овуляция и зачатие, их репродуктивный цикл длится дольше. В российском эксперименте прирученные чернобурые лисицы рожали дважды в год, тогда как неодомашненные лисицы рожают

один раз в год. Этот показатель у крыс еще более поразителен, хотя, будучи нашими комменсалами, они остаются в диком состоянии, и можно лишь гипотетически сравнивать их с одомашненными видами. Пойманные дикие крысы демонстрируют низкий уровень рождаемости, но спустя всего 8 (что очень мало!) поколений в неволе их уровень рождаемости увеличивался в диапазоне от 64% до 94%, а к 25 поколению репродуктивный период живущих в неволе крыс увеличивался в два раза по сравнению с «непленниками»¹⁴. В целом крысы стали в три раза плодовитее. На парадоксе слабого здоровья и высокой смертности новорожденных с одной стороны и более-чем-компенсирующего их роста рождаемости — с другой мы остановимся позже, поскольку он имеет прямое отношение к демографическому взрыву среди земледельческих народов за счет охотников и собирателей.

Гипотеза о человеческих аналогиях

Каковы разумные пределы поиска аналогичных изменений в морфологии и поведении *Homo sapiens* по мере его адаптации к оседлости, скученности и рациону со все возрастающей долей зерновых? Это направление исследований столь же рискованно, сколь и увлекательно. Я полагаю, что оно плодотворно именно потому, что основано на идее, согласно которой мы в той же мере являемся продуктом преднамеренного и случайного самоодомашнивания, в какой живущие совместно с нами виды — продуктом нашего одомашнивания.

Один из способов определить, жила ли женщина, умершая девять тысяч лет назад, в сообществе, ведущем оседлый образ жизни на основе зернового земледелия, или в группе собирателей, — это изучить кости ее спины, пальцы ног и колени. У женщин из деревень зернового земледелия спе-

цифически подогнуты пальцы ног и деформированы колени — в результате долгих часов стояния на коленях и раскачивания взад-вперед в процессе помола зерна. Это частный, но показательный пример того, как новые практики пропитания (сегодня мы бы сказали «травмы повторяющихся нагрузок») подгоняли наши тела под новые задачи тем же способом, каким у одомашненной позже рабочей скотины — крупного рогатого скота, лошадей и ослов — произошли костные изменения под влиянием ее повседневного труда¹⁵.

Подобные аналогии могут нас далеко завести. Можно сказать, что распространение оседлого образа жизни превратило *Homo sapiens* в более стадное животное, чем прежде. Беспрецедентная скученность людей, как в стадах животных, создала идеальные условия для эпидемий и обмена паразитами. Но эта куча не была одновидовым стадом, а объединяла разные стада млекопитающих с общими патогенами, и эти стада породили новые зоонозные заболевания просто фактом своего скопления вокруг домохозяйства впервые в истории — отсюда понятие «поздненеолитический многовидовой переселенческий лагерь». По сути, мы все сгрудились на один ковчег и оказались в одной микросреде — вдыхая один и тот же воздух и обмениваясь микробами и паразитами.

Поэтому неудивительно, что археологические признаки жизни в домашних усадьбах поразительно схожи у людей и животных. Например, «домицилированная» овца обычно меньше своих диких предков и обладает контрольными признаками одомашнивания — костными патологиями, типичными для скученности и ограниченного рациона с нехваткой ряда элементов. Кости «домицилированного» *Homo sapiens* также отличаются от тех, что характерны для охотников-собирателей: они меньше, как и зубы, часто имеют признаки нарушений питания, в частности железодефицит-

ной анемии, которая обычно встречается у женщин репродуктивного возраста, чей рацион состоял из зерновых.

Несомненно, сходства людей и домашних животных обусловлены общей средой обитания: она отличается меньшей мобильностью и большей скученностью, которые способствуют перекрестным инфекциям, ограниченному рационом (меньше разнообразие травоядных, т. е. меньше видов и меньше белка для всеядного *Homo sapiens*) и снижением ряда естественных угроз, например со стороны хищников, таящихся за пределами домашней усадьбы. Однако у *Homo sapiens* процесс самоодомашнивания начался намного раньше (отчасти до его превращения в *sapiens* — «разумного») — с использования огня, приготовления пищи и одомашнивания зерновых. Соответственно, уменьшение размера зубов и укорачивание лица, снижение роста, прочности скелета и полового диморфизма у человека были эволюционными результатами более древней истории, чем период неолита. Тем не менее оседлость, скученность и рацион, состоящий преимущественно из зерновых, стали революционными изменениями, мгновенно оставившими четкие следы в археологических находках.

Вероятность того, что одомашнивание в широком смысле слова было схожим процессом для человека и его домашних животных, была убедительно и красноречиво доказана Хелен Лич¹⁶. С периода плейстоцена она отмечает их аналогичные изменения в размерах и росте (зерновая диета обычно ведет к снижению роста), уменьшение зубов, укорачивание лица и челюстей и задает совершенно справедливый вопрос: существует ли «характерный синдром» одомашнивания, обусловленный все возрастающей общностью среды, где сосуществуют люди и их домашние животные? Под «общей средой» Лич имеет в виду не только оседлость и зерновые, но и общую организацию жизни в домашней

усадыбе. Можно охарактеризовать ее как «домохозяйственный модуль» — тот самый, что в конце концов колонизировал большую часть мира¹⁷.

Определяя одомашнивание в широком смысле слова как акклиматизацию в домохозяйстве и расширительно трактуя домохозяйство — как сочетание дома, хозяйственных построек, дворов, фруктовых садов и огородов, можно считать критериями одомашнивания и биологические изменения, обусловленные жизнью в культурно модифицированном искусственном окружении, которое мы называем домашней усадьбой.

В зимние месяцы комплекс построек и дворов укрывал всех членов домохозяйства, включая приглашенных и незваных комменсалов. Лакомые кусочки, обрезки и испорченные продукты, еда, приготовленная из перетертых и измельченных частей растений, доставались собакам, а позже, в эпоху неолита, и свиньям, которых держали в загонах. Общий рацион людей, собак и свиней, который становился все мягче по консистенции, отчасти объясняет общую для этих видов грацилизацию (снижение массы костей в ходе эволюции) и уменьшение размеров зубов и лицевых костей черепа¹⁸.

Помимо морфологических и физиологических последствий одомашнивания для человека и животных, следует отметить изменения в поведении и чувствительности, которые сложнее систематизировать. Физическая и культурная сферы жизни тесно взаимосвязаны. Можно ли в качестве примера сказать, что, как и другие домашние животные, люди, ведущие оседлый образ жизни зерновых земледельцев под кровом домашних усадеб, демонстрируют снижение эмоциональной реактивности и менее настороженно воспринимают свое непосредственное окружение? Если да, то связаны ли эти трансформации, как у домашних животных, с изменениями в лимбической системе, которая

управляет реакциями страха, агрессии и бегства? Мне не известны такие данные и мне сложно представить, как в принципе можно объективно ответить на этот вопрос.

Как только речь заходит о биологических изменениях, связанных с земледелием, мы должны быть вдвойне осторожными. Естественный отбор работает посредством механизмов изменчивости и наследования, но только 240 человеческих поколений насчитывается после перехода на земледелие и, вероятно, не более 160 поколений — после его широкого распространения. Таким образом, мы вряд ли имеем право делать огульные широкомасштабные выводы¹⁹, но мы можем описать, как оседлость, одомашнивание животных и растений и зерновая диета изменили наше поведение, повседневные практики и здоровье.

Одомашнивание человека

Мы склонны позиционировать свой биологический вид как «агента» одомашнивания: «мы» одомашнили пшеницу, рис, овцу, свинью и козу. Но если мы посмотрим на ситуацию под несколько иным углом, то окажется, что это мы были одомашнены. Майкл Поллан высказал эту точку зрения в своем внезапном и запоминающемся резюме, которое сформулировал, занимаясь садоводством²⁰. Когда он пропалывал и рыхлил землю вокруг цветущих кустов картофеля, его вдруг осенило, что он невольно стал рабом картошки. День за днем он стоит на четвереньках, пропалывая, удобряя, поправляя, защищая кусты картошки и изменяя окружающую их внешнюю среду согласно утопическим ожиданиям картошки. Эта точка зрения превращает вопрос о том, кто выполняет чьи приказы, в почти метафизическую проблему. Действительно, наши одомашненные растения не могут разрастись без нашей

помощи, но и наше выживание как вида зависит от горстки одомашненных культур.

Одомашнивание животных можно интерпретировать аналогичным образом. Кто служит кому — и здесь непростой вопрос: крупный рогатый и другой домашний скот мы разводим, провожаем на пастбища, кормим и защищаем. Эванс-Притчард в своей известной монографии о скотоводческом народе нуэров написал о них и их крупном рогатом скоте примерно то же самое, что Поллан сказал о своем картофеле:

Мы говорили, что нуэров можно назвать иждивенцами коров, но с тем же основанием можно сказать, что корова является иждивенкой нуэров, которые всю свою жизнь посвящают заботе о ее благополучии. Они строят крытые загоны, жгут костры и чистят краали для ее удобства; передвигаются из деревень в лагеря, из лагеря в лагерь и из лагеря обратно в деревни ради ее здоровья; борются с дикими зверями, защищая ее; делают для нее украшения. Корова живет спокойно, лениво и праздно благодаря преданности нуэров²¹.

Можно возразить против такой аргументации, сказав, что Поллан ест свою картошку, а нуэры — свой скот (а также продают, обменивают и дубят шкуры). Это действительно так, но все же пока картофель и корова живы, они являются объектом ежедневной заботы, обеспечивающей их благополучие и безопасность.

Таким образом, пока мы не можем ответить на серьезный вопрос, как одомашнивание повлияло на наш мозг и лимбическую систему, но мы можем предположить, как жизнь в позднем неолите менялась под влиянием наших взаимоотношений с одомашненными животными в нашем домохозяйстве.

Сначала давайте сравним жизненные миры охотника-собирателя и земледельца (с домашним ско-

том или без него). Внимательные наблюдатели за жизнью охотников-собирателей были поражены тем, что она состоит из кратковременных всплесков активности. Ее виды чрезвычайно разнообразны — охота и собирательство, рыбалка, изготовление ловушек и строительство запруд — и предназначены для того, чтобы максимально использовать природные ритмы доступности пропитания. Я полагаю, что понятие «ритмы» здесь основное. Жизнь охотников-собирателей подчинена множеству естественных ритмов, за которыми они должны тщательно следить: передвижения стад дичи (оленей, газелей, антилоп и кабанов), сезонные миграции птиц, особенно водоплавающих, которых можно перехватить и отловить в местах отдыха или гнездования, ход желаемой рыбы вверх или вниз по течению, циклы созревания фруктов и орехов, которые нужно собрать до прихода конкурентов или до того, как они испортятся, и наименее предсказуемые появления дичи, рыбы, черепах и грибов, которыми нужно воспользоваться максимально быстро.

Этот список можно продолжать до бесконечности, но некоторые позиции в нем особенно важны. Во-первых, каждый вид деятельности требует отдельного «набора инструментов» и приемов отлова или сбора, которыми нужно овладеть. Во-вторых, следует помнить, что собиратели издавна получали зерно с естественных насаждений злаков, для чего создали практически все те орудия, что мы относим к неолитическому набору: серпы, поверхности для молотбы и корзины, подносы для веяния, дробильные ступы, точильные камни и т. п. В-третьих, каждый вид деятельности представлял особую проблему с точки зрения координации усилий, поскольку требовал специфического группового взаимодействия и разделения труда. И, наконец, виды деятельности, характерные для первых деревень на аллювиальных равнинах Месопотамии, охватывали несколько пищевых сетей (болота, леса, саван-

ны и засушливые районы), каждая из которых имела свою сезонность. Жизнь охотников-собирателей зависела от естественных ритмов, но в то же время они были универсалами и оппортунистами, всегда готовыми воспользоваться любыми возможностями, какие предоставляла им разнообразная и эпизодически щедрая на дары природа.

Ботаников и натуралистов постоянно удивляют уровень и широта знаний охотников-собирателей об окружающей природе. Их таксономии растений не укладываются в категории линнеевской классификации, но они более практичны (съедобный, лечит раны, красит в синий цвет) и столь же продуманы²². Кодификации сельскохозяйственных знаний в Америке традиционно имеют форму рекомендаций из *Фермерского Альманаха*, который, помимо всего прочего, советует, когда нужно сажать кукурузу. По сути, охотники и собиратели имели целую библиотеку альманахов: один — про естественные насаждения зерновых, с разделами про пшеницу, ячмень и овес; другой — про лесные орехи и фрукты, с разделами про желуди, буковые орешки и ягоды; третий — про рыбалку, с разделами про моллюсков, угрей, сельдь и шэд, и т. д. Самое поразительное — то, что эта энциклопедия знаний и исторически накопленного опыта хранится лишь в коллективной памяти и устной традиции сообщества охотников-собирателей.

Возвращаясь к понятию естественных ритмов, можно охарактеризовать охотников и собирателей как внимательно прислушивающихся к четкому метроному разнообразных ритмов природы. Земледельцы, особенно оседлые и зерновые, как правило, ограничиваются одной пищевой сетью, поэтому их повседневная жизнь подчинена ее ритму. Успешно довести несколько зерновых до урожая — несомненно, тяжелая и сложная работа, но она подчинена требованиям одного доминирующего крахмалосодержащего растения. Не будет преуве-

личением сказать, что по сложности охота и собирательство отличаются от зернового земледелия так же, как оно — от монотонной работы на современной сборочной линии: каждый из названных видов деятельности представляет собой очередной шаг в сторону сужения перспективы и упрощения решаемых задач²³.

Одомашнивание растений, в конечном итоге представленное оседлым земледелием, опутало нас сетью круглогодичных повседневных обязанностей, которая определила организацию нашего труда, особенности наших поселений, социальную структуру наших сообществ, обустройство наших домохозяйств и существенную часть нашей ритуальной жизни. Доминирующая сельскохозяйственная культура задает большую часть нашего жизненного расписания — от расчистки поля (огнем, плугом, бороной), затем посева, прополки и орошения до постоянной бдительности по мере вызревания урожая, который запускает другую последовательность действий: в случае зерновых это срезание колосков, связывание снопов, обмолот, сбор колосков после жатвы, отделение соломы и плевел, просеивание, сушка и сортировка, причем большая часть этих работ исторически считалась женской. Затем следовала ежедневная подготовка зерна к потреблению на протяжении всего года — дробление, измельчение, разведение огня, готовка и выпечка — задававшая ритм жизни домохозяйства.

Я полагаю, что эти ежегодные и повседневные скрупулезные, трудоемкие, взаимосвязанные и обязательные практики лежат в основе любого комплексного анализа «цивилизационного процесса». Они привязывают людей, занимающихся сельским хозяйством, к поминутно расписанной хореографии танцевальных шагов, определяют физическое строение их тел, архитектуру и планировку домашней усадьбы, как бы настаивают на определенном типе кооперации и координации. Если продол-

жить нашу метафору, то эти практики — фоновый ритм жизни домохозяйства. Как только *Homo sapiens* сделал судьбоносный шаг к сельскому хозяйству, он поступил в строгий монастырь, чьим настоятелем является требовательный генетический часовой механизм нескольких растений, в частности в Месопотамии это пшеница и ячмень.

Норберт Элиас убедительно описал разраставшиеся цепи взаимозависимостей среди скученного населения средневековой Европы, которые способствовали его взаимному размещению и сдерживанию и которые он назвал «цивилизационным процессом»²⁴. Однако за тысячелетия до описанных Элиасом социальных трансформаций (и совершенно безотносительно гипотетических изменений в нашей лимбической системе) большинство представителей нашего вида уже были дисциплинированы и подчинены метроному наших собственных сельскохозяйственных культур.

Как только зерновые стали основным продуктом на древнем Ближнем Востоке, просто поразительно, насколько аграрный календарь стал диктовать распорядок общественной ритуальной жизни: церемониальная вспашка земли священниками и царями, обряды и праздники урожая, молитвы и жертвоприношения во имя богатого урожая, боги разных злаков. Метафоры, посредством которых люди рассуждали, все чаще основывались на одомашненных зерновых и животных: «время сеять и время собирать урожай», быть «добрым пастырем»²⁵. Вряд ли в Ветхом Завете можно обнаружить хотя бы один параграф без таких метафор. Кодификация повседневной и ритуальной жизни на основе домохозяйственных практик — убедительное доказательство того, что в ходе одомашнивания *Homo sapiens* обменял все разнообразие дикой флоры на горстку злаков, а все разнообразие дикой фауны — на горстку домашних животных.

Я испытываю искушение назвать поздненеолитическую революцию со всем ее вкладом в становление крупных обществ деквалифицирующей и упрощенческой. Адам Смит предложил в качестве показательного примера повышения производительности, которое обеспечило разделение труда, булавочную фабрику, где каждый шаг в производстве иголок был разбит на поминутно нормированные задачи, выполняемые разными рабочими. Алексис де Токвиль с симпатией отнесся к работе Смита *Исследования о природе и причинах богатства народов*, но задался вопросом: «Что можно ожидать от человека, который двадцать лет своей жизни был занят изготовлением булавочных головок?»²⁶

Если это слишком мрачное изображение прорыва, ответственного за саму возможность становления цивилизации, то давайте по крайней мере признаем, что он снизил интерес нашего вида к практическому знанию о мире природы и сократил наш рацион, жизненное пространство и богатство ритуальной жизни.

Зоонозы: идеальный эпидемиологический шторм

Тяжелый труд и его история

АГРОСКОТОВОДСТВО — распаханное поля и домашние животные — стало доминировать на большей части Месопотамии и Плодородного полумесяца задолго до появления государств. За исключением районов, благоприятных для приливно-отливного земледелия, этот факт парадоксален и, как мне кажется, до сих пор не получил внятного объяснения. Почему собиратели в здравом уме и без дула пистолета у их коллективного виска сделали выбор в пользу чудовищного увеличения тяжелого труда, необходимого для оседлого земледелия и животноводства? Даже современные охотники-собиратели, вытесненные в бедные ресурсами районы, тратят лишь половину своего времени на то, что мы бы назвали трудовым обеспечением пропитания. Как сказали исследователи, работавшие в уникальном месте археологических раскопок в Месопотамии (Абу-Хурейра), где можно проследить весь переход от охоты и собирательства к полномасштабному сельскому хозяйству, «охотники-собиратели в плодородном районе с разнообразием диких продуктов, способных обеспечить их пропитание в любое время года, никогда не начинали выращивать основные источники калорий по собственному желанию, потому что затраты энергии на единицу возврата энергии были слишком высоки»¹. Археологи пришли к вы-

воду, что «дулом пистолета у виска охотников-собирателей» стало резкое похолодание позднего дриаса (10500–9600 годы до н.э.), которое сократило изобилие диких растений в ситуации, когда враждебные соседи ограничивали их мобильность. Как уже говорилось ранее, это объяснение сомнительно с логической точки зрения и не имеет доказательной базы.

Я не могу разрешить эти сомнения, не говоря уже о том, чтобы снять противоречия в трактовках того, что в течение тысячелетий подталкивало людей к выбору земледелия как доминирующего хозяйственного уклада. Общеизвестное объяснение, почти догма, сводится к интеллектуально удовлетворительному нарративу об интенсификации хозяйственных практик в течение шести тысячелетий. Первым импульсом интенсификации стала «революция широкого спектра» — эксплуатация большего числа ресурсов на низших трофических уровнях. Этот переход в Плодородном полумесяце был обусловлен растущим дефицитом (вследствие чрезмерной охоты?) крупной дичи как источника животного белка (зубров, онагров, оленей, морских черепах и газелей), т. е., говоря метафорически, дефицитом «низко висящих плодов» древней охоты. Последствия дефицита, видимо, усугубленные демографическим давлением, вынудили людей эксплуатировать те ресурсы, что были в изобилии, но требовали больше труда и, вероятно, были менее желательны и/или питательны.

Свидетельства революции широкого спектра встречаются в археологических раскопках повсеместно, например в них находят меньше костей крупных диких животных и больше крахмалистого растительного вещества, моллюсков, мелких птиц и млекопитающих, улиток и мидий. Приверженцы этой догмы считают, что логика революции широкого спектра была идентична переходу к сельскому хозяйству, причем по всему миру. Глобальный рост

населения, особенно после 9600 года до н.э., когда климат улучшился, на фоне сокращения поголовья крупной дичи (четко задокументировано на Ближнем Востоке и в Новом Свете) вынудил охотников-собирателей интенсифицировать собирательство. Усугубив давление на ресурсы своей природной среды, они были вынуждены работать больше, чтобы добыть пропитание. С этой точки зрения революция широкого спектра — первый шаг на долгом пути постепенного увеличения тяжести труда, которое достигло своего логического завершения в неустанной работе в рамках плужного земледелия и животноводства. В большинстве версий этого нарратива революция широкого спектра и сельское хозяйство оказываются вредны для питания, ведут к ухудшению здоровья и повышению смертности.

Во многих регионах демографическое давление на экологическую систему как объяснение революции широкого спектра противоречит имеющимся данным. Оказывается, что «революция» происходила в условиях, где демографическое давление на ресурсы было небольшим. Вполне вероятно, что более влажный и теплый климат после 9600 года до н.э. способствовал росту изобилия растений (например, на аллювиальных равнинах Месопотамии), которые можно было собирать, но это не объясняет фиксируемый в археологических находках дефицит питательных веществ. Нет никаких сомнений в том, что революция широкого спектра действительно имела место, но до сих пор непонятны ни ее причины, ни ее последствия.

Вопрос о развитии сельского хозяйства три или четыре тысячелетия спустя решен вполне однозначно: возрастало демографическое давление, оседлым охотникам и собирателям было все сложнее перемещаться, они были вынуждены извлекать больше ресурсов из своего природного окружения посредством более высоких затрат труда, численность крупной дичи сократилась или она исчез-

ла совсем. Это не похоже на либеральную историю человеческих изобретений и прогресса. Технологии растениеводства были давно известны и иногда использовались, дикие растения регулярно собирались, а их семена хранились, все инструменты для переработки зерна были под рукой, и даже одно или два отловленных животных держались про запас, однако выращивание урожая и разведение скота не считались *главными* способами пропитания из-за затрачиваемого на них труда. Большая его часть объяснялась необходимостью защищать упрощенный искусственный ландшафт от природы, из него исключенной: от других растений (сорняков), птиц, пасущихся животных, грызунов, насекомых, ржавчины и грибковых инфекций, которые угрожали монокультурам. Сельскохозяйственная пашня была не только трудоинтенсивной, но также хрупкой и уязвимой.

Поздненеолитический многовидовой переселенческий лагерь: идеальный эпидемиологический шторм

Согласно одной осторожной оценке, численность мирового населения в 10000 году до н.э. составляла примерно 4 миллиона человек, пять тысяч лет спустя, в 5000 году до н.э., она выросла до 5 миллионов. Вряд ли этот рост знаменует демографический взрыв, несмотря на цивилизационные достижения неолитической революции — оседлость и земледелие. За последующие пять тысяч лет население мира выросло в 20 раз, превысив 100 миллионов. Таким образом, пятитысячелетняя неолитическая революция была лишь демографическим переходом с почти статичным уровнем воспроизводства. Если бы рост численности населения чуть превышал показатели демографического замещения (например, на 0,015%), то и тогда мировое население

увеличилось бы более чем в два раза за эти пять тысячелетий. Возможное объяснение этого парадокса — очевидного прогресса технологий выживания на фоне долгого демографического застоя — состоит в том, что с эпидемиологической точки зрения это был, наверное, самый трагический период в человеческой истории. Так, именно последствия неолитической революции превратили Месопотамию в центр хронических и острых инфекционных заболеваний, которые вновь и вновь уничтожали ее население².

Подтверждения этому сложно обнаружить в археологических находках: такие заболевания, в отличие от недоедания, очень редко оставляют характерные следы на человеческих костях. Я полагаю, что эпидемии — «самое громкое» умолчание археологических находок эпохи неолита. Археолог может оценивать только то, что извлекает в ходе раскопок, поэтому здесь мы вынуждены делать предположения без убедительных доказательств. Тем не менее есть веские основания полагать, что множество внезапных крахов древнейших населенных центров объясняется разрушительными эпидемиями³. Периодически обнаруживаются свидетельства внезапного и иначе необъяснимого оставления прежде густонаселенных районов. Если бы причиной было неблагоприятное изменение климата или засоление почв, то тоже бы случилась депопуляция, но она бы имела общерегиональный и более постепенный характер. Безусловно, возможны и иные объяснения внезапного переселения или исчезновения многолюдного поселения: гражданская война, завоевание, наводнение. Однако в условиях нового типа скученности, ставшего возможным благодаря неолитической революции, именно эпидемические заболевания — наш главный подозреваемый, судя по широкомасштабным последствиям эпидемий, которые были зафиксированы в письменных источниках, как только они по-

явились. И роль эпидемий не ограничивалась только воздействием на *Homo sapiens* — от них страдали домашние животные и сельскохозяйственные культуры, также сконцентрированные в поздненеолитическом мультивидовом переселенческом лагере. Население могла столь же легко уничтожить болезнь, которая пронеслась по его стадам или зерновым полям, как и чума, которая угрожала ему напрямую.

Как только появились письменные источники, в нашем распоряжении оказалось достаточно доказательств смертельных эпидемий, которые можно проследить до более ранних периодов. Вероятно, «Эпос о Гильгамеше» — убедительное тому подтверждение: герой уверен, что его слава переживет смерть, и описывает тела умерших, видимо, от бубонной чумы, которые уносит течение Евфрата. Вероятно, жители Месопотамии жили в тени постоянной угрозы смертельных эпидемий. У них были амулеты, специальные молитвы, куклы-обереги, «исцеляющие» богини и храмы (самый важный находился в Ниппуре), призванные предотвращать массовые заболевания. Несомненно, люди плохо понимали их суть и считали, что некий бог «пожирает» их или наказывает за преступление, что требовало ритуальной компенсации, включая принесение в жертву козла отпущения⁴.

Первые письменные источники ясно дают понять, что древние народы Месопотамии понимали принцип распространения эпидемических заболеваний — «заражение». Везде, где было возможно, они принимали меры, чтобы изолировать первые явные случаи заболевания — ограничив их распространение отдельными кварталами, закрыв в них вход и выход. Эти народы понимали, что путешественники на дальние расстояния, торговцы и солдаты могли быть носителями болезни. Применяемые ими способы изоляции и избегания стали прообразом процедур, которые применялись

на карантинных судах в портах эпохи Ренессанса. Понимание механизмов заражения прослеживается в избегании как зараженных, так и их чашек, тарелок, одежды и постельного белья⁵. Возвращавшиеся после военной кампании солдаты, если были подозрения, что они заразны, должны были сжечь свою одежду и защитное снаряжение до входа в город. Если изоляция и карантин не срабатывали, то все, кто мог, покидали город, оставляя умирающих и погибших, а если возвращались, то только через достаточное время после окончания эпидемии. Покидавшие город часто переносили заболевания в отдаленные районы, запуская новый цикл карантинных и бегств. Я почти уверен в том, что множество первых поселений, не описанных в хрониках, были покинуты скорее по эпидемическим, чем по политическим причинам.

Рассуждения о роли патогенов в заболеваниях людей, домашних животных и зерновых до середины IV тысячелетия до н.э. неизбежно носят умозрительный характер. Однако по мере бурного распространения письменности росло и число сообщений об эпидемиях: Карен Ри Немет-Реджат утверждает, что в текстах упоминаются туберкулез, тиф, бубонная чума и оспа⁶. Одна из самых древних и подробно описанных разрушительных эпидемий — та, что случилась в городе Мари на Евфрате в 1800 году до н.э. Список древних эпидемий весьма обширен, но их природа обычно неясна. Эпидемия, которая уничтожила армию Синаххериба, сына Саргона II и ассирийского царя, в 701 году до н.э. и фигурирует в длинном перечне разных типов чумы в Ветхом Завете, сегодня приписывается тифу или холере — традиционным бедствиям армии в ходе военных кампаний. Сокрушительная чума в Афинах в 430 году до н.э., прекрасно описанная Фукидидом, чума Антонина и чума Юстиниана в Риме сыграли решающую роль в том, что мы называем историей древних «империй».

Принимая во внимание значительную численность их населения и все возрастающие масштабы торговли на дальние расстояния, нет никаких сомнений в том, что эпидемии стали охватывать больше людей и больше территорий, чем прежде. Тем не менее в конце IV тысячелетия до н. э. Месопотамия стала исторически новой средой для эпидемий. К 3200 году до н. э. Урук был самым большим городом мира с населением в 25–50 тысяч жителей, которые вместе со своим домашним скотом и зерновыми завершили процесс концентрации раннего убейдского периода. Как самые демографически богатые территории южные аллювиальные равнины были особенно подвержены эпидемиям: аккадское название эпидемического заболевания «буквально означало „верную смерть“ и применялось в отношении эпидемий и животных, и людей»⁷. Как будет показано далее, именно концентрация и беспрецедентные масштабы торговли породили уникальную новую уязвимость — к болезням, связанным со скученностью.

Задолго до широкого распространения одомашненных зерновых сама по себе оседлость создала условия для скученности, ставшие идеальными «кормовыми площадками» для патогенов. Разрастание крупных деревень и небольших городов на аллювиальных равнинах Месопотамии обеспечило увеличение плотности населения в 10–20 раз по сравнению с той, что *Homo sapiens* достигал когда-либо прежде. Логика скученности и распространения болезней предельно проста. Представьте, например, загон с 10 курами, где одна из них заражена паразитом, который распространяется через помет. Через некоторое время — оно зависит от размеров огороженной территории, активности домашней птицы и легкости передачи паразита — заражается другая курица. Теперь вместо 10 кур представьте 500 кур в одном загоне — шансы того, что вторая курица быстро заразится, возраста-

ют как минимум в 50 раз (и т.д. в геометрической прогрессии). Теперь две птицы распространяют паразита с пометом, увеличивая вероятность нового заражения в два раза. Не забывайте, что мы увеличили не только число кур, но и объемы их помета в 50 раз, поэтому очень скоро, и тем скорее, чем меньше огороженная территория, вероятность того, что другие птицы смогут избежать контакта с патогеном, сойдет на нет.

Пока мы обращались к логике скученности и распространения болезней у *Homo sapiens*, однако, как показывает пример, эта логика в равной степени применима к скоплениям любых склонных к заболеваниям организмов, будь то флора или фауна. Феномен скученности характерен для стай птиц, косяков рыб, стад овец, оленей и газелей, полей зерновых. Чем больше генетическое сходство и меньше вариативность, тем выше вероятность, что все представители вида будут поражены одним и тем же патогеном. До начала человеческих путешествий, видимо, перелетные птицы, которые гнездятся вместе, сочетая перемещения на большие расстояния со скученностью, определяли основной вектор пространственного распространения заболеваний. Взаимосвязь инфекций со скученностью была известна и учитывалась задолго до того, как были выяснены реальные механизмы распространения заболеваний. Охотники и собиратели знали достаточно, чтобы держаться подальше от крупных поселений, а рассеяние по территории издавна считалось способом избежать контакта с эпидемическими заболеваниями. В позднем Средневековье Оксфорд и Кембридж имели чумные дома в сельской местности, куда отправляли студентов при первых признаках заболевания. Скученность может быть смертельно опасной: траншеи, демобилизационные лагеря и десантные корабли в конце Первой мировой войны стали идеальными условиями для зарождения масштабной и смер-

тоносной пандемии гриппа 1918 года. Социальные скопления людей — ярмарки, военные лагеря, школы, тюрьмы, трущобы, религиозные паломничества (например, хадж в Мекку) — исторически были источниками инфекционных заболеваний, откуда они впоследствии распространялись.

Сложно переоценить важность оседлости и обусловленной ею скученности: практически все инфекционные заболевания, вызываемые микроорганизмами, которые адаптировались под *Homo sapiens*, появились лишь в последние десять тысяч лет, а многие из них — в последние пять тысяч лет. В строгом смысле слова все инфекционные заболевания — это «цивилизационный эффект». Эти исторически новые болезни — холера, оспа, свинка, корь, грипп, ветряная оспа и, вероятно, малярия — стали результатом городской жизни и, как будет показано далее, сельского хозяйства. До самого последнего времени в совокупности они были главной причиной человеческой смертности. Это не значит, что дооседлые сообщества не страдали от паразитов и болезней — просто они не были связаны со скученностью, а, скорее, характеризовались длительным латентным периодом и/или нечеловеческим источником: брюшной тиф, амебная дизентерия, герпес, трахома, проказа, шистосомоз и филяриатоз⁸.

Связанные со скученностью заболевания также называются «зависимыми от плотности популяции» или, в терминологии современного здравоохранения, «острыми инфекционными». Для многих вирусных заболеваний, которые сегодня зависят от человека как носителя, если знать механизм заражения, длительность инфекционного периода и устойчивость приобретенного иммунитета, можно определить минимальную численность популяции, необходимую инфекции, чтобы не исчезнуть по причине отсутствия новых носителей. Эпидемиологи любят приводить пример кори на изоли-

рованных Фарерских островах в XVIII–XIX веках: принесенная морями эпидемия опустошила острова в 1781 году, но благодаря пожизненному иммунитету выживших острова не знали кори в течение 65 лет — до 1846 года, когда корь вернулась и заразились все, кроме пожилых людей, переживших первую волну эпидемии. На протяжении следующих трех десятилетий корью заболевали только островитяне младше 30 лет. Эпидемиологи рассчитали, что кори ежегодно необходимо минимум три тысячи восприимчивых к заражению носителей для поддержания постоянного уровня заболеваемости, и только население в 300 тысяч человек может обеспечить это число новых носителей. Поскольку численность населения Фарерских островов была намного меньше, для каждой эпидемии им приходилось «импортировать» корь заново. Это значит, что ни одно инфекционное заболевание не могло возникнуть до появления крупных поселений неолита, и это объясняет крепкое здоровье жителей Нового Света, а затем их подверженность патогенам Старого Света. Несколько волн миграции через Берингов пролив примерно в XIII тысячелетии до н. э. прошли до появления инфекционных заболеваний, и, в любом случае, миграционные группы были слишком малы, чтобы обеспечить инфицирование заболеваниями, которые требовали скученности населения.

Описание эпидемиологической ситуации в эпоху неолита не будет полным без уточнения роли домашних животных, комменсалов и выращиваемых зерновых и бобовых. Здесь также срабатывал принцип скученности. Эпоха неолита ознаменовалась не только беспрецедентными скоплениями людей, но и столь же беспрецедентными скоплениями овец, коз, крупного рогатого скота, свиней, собак, кошек, кур, уток и гусей. В той степени, в какой прежде они были «стадными» или «стайными» животными, они уже были носителями характерных

для своих видов патогенов, зависимых от скученности. Оказавшись впервые в истории в близком и постоянном контакте, проживая на территории одной домашней усадьбы, они сразу начали обмениваться огромным количеством инфекций. Высказываются разные оценки, но считается, что из 1400 известных патогенных организмов человека от 800 до 900 являются зоонозными, т.е. они появились не у человека как носителя. Для большинства патогенов *Homo sapiens* — это последний носитель, «тупик», потому что люди не передают их другим животным.

Таким образом, многовидовой переселенческий лагерь был не только историческим собранием млекопитающих в прежде невиданных масштабах и степени близости, но также собранием всех видов бактерий, простейших одноклеточных, гельминтов и вирусов, которые питались этими млекопитающими. Победителями в этой условной гонке вредителей оказывались те патогены, что быстро адаптировались к новым носителям в домохозяйстве и размножались. В результате произошел первый массовый переход патогенов через видовые барьеры и возник новый эпидемиологический порядок. Естественно, рассказывает об этом переходе испуганный *Homo sapiens*. Впрочем, этот рассказ вряд ли был бы менее мрачен, если бы рассказчиком была коза или овца, которые, в конце концов, не добровольно начали жить в домашней усадьбе человека. Я оставляю на усмотрение читательского воображения этот образ — не по годам развитой всеведущей козы, которая рассказывает историю распространения заболеваний в эпоху неолита.

Перечень болезней, общих для домашних животных и комменсалов в пределах домашней усадьбы, поражает их количеством. В его устаревшей версии, которая сегодня стала намного длиннее, люди имели 26 общих болезней с домашней птицей, 32 — с крысами и мышами, 35 — с лошадьми, 42 — со свиньями, 46 — с овцами и козами,

50 — с крупным рогатым скотом и 65 — с нашим самым изученным и самым первым одомашненным животным — собакой⁹. Считается, что корь возникла из вируса чумы рогатого скота среди овец и коз, оспа — в результате одомашнивания верблюдов и среди предков грызунов-носителей коровой оспы, грипп — вследствие одомашнивания водоплавающей птицы примерно 4500 лет назад. Список перескакивающих с вида на вид зоонозов расширялся по мере того, как популяции человека и животных разрастались, а контакты на больших расстояниях учащались, и эти процессы продолжались до сих пор. Соответственно, неудивительно, что юго-восток Китая, особенно провинция Гуандун, вероятно, самая большая, плотная и исторически давняя концентрация *Homo sapiens* и рынков свиней, кур, гусей, уток и диких животных в мире, стала мировой чашкой Петри для новых штаммов птичьего и свиного гриппа.

Экология заболеваний позднего неолита не была результатом лишь скученности людей и их одомашненных животных-спутников в постоянных поселениях. Скорее, она была следствием превращения всего домохозяйственного комплекса в основной экологический модуль. Расчистка территорий под земледелие и пастбища создавала совершенно новый ландшафт и экологическую нишу, где было больше солнечного света, пашни и пастбищ, и сюда устремились те представители флоры, фауны, насекомых и микроорганизмов, чьи прежние экологические ниши были потревожены. Некоторые преобразования ландшафта имели преднамеренный характер, как в случае с зерновыми культурами, но большая их часть представляла собой вторичные и третичные побочные эффекты изобретения домашней усадьбы.

Символом побочных эффектов стала концентрация отходов жизнедеятельности животных и человека, в частности экскрементов. Относительная не-

подвижность оседлых людей, домашних животных и их отходов обуславливает повторное заражение теми же разновидностями паразитов. Для комаров и членистоногих, частых переносчиков болезней, отходы — идеальное место для размножения и пропитания. Мобильные группы охотников-собирателей, напротив, часто избавлялись от паразитов, перемещаясь в новую природную среду, где те не могли размножаться. Будучи стационарной, домашняя усадьба со всеми своими людьми, домашней скотиной, зерновыми культурами, экскрементами и растительными отходами стала привлекательной кормовой площадкой для комменсалов — начиная с крыс и ласточек и дальше вниз по цепи хищников до блох, вшей, бактерий и простейших одноклеточных. Родоначальники исторически новой экологии просто не могли знать переносчиков заболеваний, которых невольно породили. Фактически только в конце XIX века благодаря открытиям основателей микробиологии Роберта Коха и Луиса Пастера стало понятно, сколь высокую цену (хронические и смертельные инфекции) человечество платит за отсутствие чистой воды, антисанитарию и загрязнение сточных вод. Поскольку новые разрушительные болезни оставляли людей в неведении, что же их вызвало, процветали народные сказания и народная медицина. И только одно средство от всех болезней — рассеяние — имплицитно указывало на скученность как основную причину заболеваний.

Зависимые от плотности популяции болезни, которые поражали население поздненеолитического многовидового переселенческого лагеря, представляли собой новый и неумолимый инструмент естественного отбора в виде патогенов, которых не знали наши предки. Вероятно, немало древних поселений первых оседлых народов было истреблено болезнями, к которым у них не было иммунитета. В отношении небольших дописьменных

обществ почти невозможно оценить роль эпидемий в смертности населения, а большинство свидетельств с древних кладбищ неубедительны. Однако вполне вероятно, что именно болезни скученности, особенно зоонозные, обусловили демографический спад в начале эпохи неолита. Со временем, хотя длительность этого периода неизвестна и различается для разных патогенов, многочисленные популяции развили определенный иммунитет ко многим патогенам, которые, в свою очередь, стали эндемическими, что означало начало стабильных и менее смертельно-опасных взаимоотношений патогенов с носителями. В конце концов только те, кто выжил, смогли родить детей! Некоторые болезни, например коклюш и менингит, угрожают очень молодым, тогда как другие, даже в случае заболевания ими в очень раннем возрасте, относительно безвредны и формируют у человека иммунитет: полиомиелит, оспа, корь, свинка и инфекционный гепатит¹⁰.

Как только болезнь обретает эндемический характер для оседлого населения, она становится менее опасной и часто протекает у большинства носителей в субклинической форме. Тогда группы, у которых отсутствует или слаб иммунитет к патогену, оказываются однозначно уязвимы для него, если вступают в контакт с населением, для которого патоген стал эндемическим. Вот почему военнопленные, рабы и иммигранты из далеких или изолированных деревень за пределами радиуса коллективного иммунитета менее защищены от заболеваний и более подвержены тем из них, к которым крупные оседлые сообщества со временем обрели сильный иммунитет. Безусловно, по этой причине столкновение Старого и Нового Света стало катастрофой для иммунологически неискушенных коренных американцев, на протяжении десяти тысяч лет изолированных от патогенов Старого Света.

Заболевания, связанные с оседлостью и скученностью позднего неолита, усугублялись рационом, который во все возрастающей степени состоял из продуктов сельского хозяйства и испытывал дефицит многих необходимых питательных веществ. При прочих равных условиях шансы человека пережить инфекционное заболевание, особенно если это ребенок или беременная женщина, зависели от типа питания. Чрезвычайно высокие показатели смертности среди детей (40–50%) в сообществах древних земледельцев были результатом сочетания рациона, который ослаблял заболевшего человека, с новыми инфекционными заболеваниями, ему угрожавшими.

Подтверждения относительно ограниченного и скудного рациона древних земледельцев обнаруживаются при сопоставлении их костных останков с захоронениями охотников-собирателей, которые жили неподалеку в то же время. В среднем охотники-собиратели были на несколько дюймов (4–6 см) выше, что говорит об их более разнообразном и обильном рационе. Как уже отмечалось выше, сложно преувеличить это разнообразие: оно объяснялось охватом нескольких пищевых сетей (моря, болота, леса, саванна, засушливые районы), каждая из которых отличалась своими сезонными колебаниями доступности пропитания, и даже в случае с растительной пищей разнообразие было ошеломляющим по земледельческим меркам. Например, в ходе археологических раскопок в Абу Хурейре (период охоты и собирательства) были обнаружены следы 192 видов растений, из которых 142 вида были определены, а 118 до сих пор употребляют в пищу современные охотники-собиратели¹¹.

Симпозиум, посвященный оценке воздействия неолитической революции на здоровье человека, сделал следующее заключение на основе палеопатологических данных:

[Пищевой] стресс <...> вряд ли был привычен и широко распространен до того, как оседлость, плотность населения и зависимость от сельского хозяйства достигли высокого уровня. На этом этапе <...> уровень физиологического стресса, а также средние показатели смертности резко выросли. Большинство живших земледелием людей часто страдали от пористого гиперостоза (избыточное разрастание плохо сформированной костной ткани вследствие недостаточного питания, особенно дефицита железа) и *cribra orbitalia* (локальное проявление гиперостоза — в глазницах черепа), также отмечен значительный рост числа и тяжести случаев гипоплазии (зубной) эмали и патологий, связанных с инфекционными заболеваниями¹².

Как правило, от недоедания страдали те, кого мы бы назвали «сельскими женщинами» (теряли кровь при менструации) — видимо, вследствие дефицита железа. До начала сельскохозяйственных занятий рацион женщин обеспечивал им большое количество омега-6 и омега-3 жирных кислот — из дичи, рыбы и ряда растительных масел. Эти жирные кислоты важны, потому что облегчают усвоение железа, которое необходимо для формирования красных кровяных телец, переносящих кислород. Зерновая диета, напротив, не только не содержит незаменимые жирные кислоты, но и фактически препятствует усвоению железа. В результате все первые интенсивные зерновые диеты позднего неолита (на основе пшеницы, ячменя и проса) вели к железодефицитной анемии, которая оставила безошибочно опознаваемые судмедэкспертами костные следы.

Большинство факторов, усугубивших подверженность новым инфекциям, видимо, были обусловлены относительно высоким содержанием углеводов в однообразном рационе без достаточного количества дикоросов и мяса. В рационе, скорее

всего, не хватало ряда важных витаминов и белка. Даже мясо домашних животных, которым иногда удавалось полакомиться, содержало намного меньше важных жирных кислот, чем мясо дичи. Заболевания, характерные для неолитической диеты, например рахит, оставили хорошо идентифицируемые костные следы; обнаружить следы заболеваний, которые влияют на мягкие ткани, намного сложнее (за исключением редких хорошо сохранившихся мумий). На основе знаний о рационе и древних описаний болезней (которых, судя по рациону, не существовало прежде) к результатам неолитических продовольственных практик были отнесены следующие болезни, связанные с питанием: авитаминоз, пеллагра, дефицит рибофлавина и квашиоркор.

А как обстояли дела у зерновых культур? Они тоже были подвержены влиянию своего рода «оседлости» на постоянных полях и в неизменных условиях скученности, а новый, управляемый человеком вариант селекции уменьшил их генетическое разнообразие, чтобы усилить желательные для него характеристики. Как мы увидим далее, как любому другому организму, зерновым культурам угрожали их собственные зависимые от плотности популяции заболевания. Поскольку «и скотоводство, и земледелие часто подвержены эпидемиям, неурожаям и другим несчастьям», Ниссен и Хейне считают, что древние земледельцы предпочитали, если была такая возможность, полагаться на охоту, рыбалку и собирательство¹³. Но и здесь вряд ли можно полагаться на археологические находки: они могут показать, например, что густонаселенная территория была внезапно покинута, однако без письменных источников сложно понять причины ее обезлюдения. Грибок, ржавчина, заражение урожаея насекомыми, шторм, уничтоживший вызревший урожай, как и болезни, влияющие на мягкие ткани, не оставляют никаких следов или оставля-

ют очень слабые. Письменные источники, если таковые имеются, скорее зафиксируют факт «неурожая» или голода, чем их причины, которые часто не понимали даже жертвы несчастий.

Зерновые культуры пережили собственный «растительный» эпидемиологический шторм. Представьте, сколь привлекателен был неолитический сельскохозяйственный ландшафт для патогена или насекомого: он был не только густо засеян, но и, по сравнению с дикими лугами, отведен лишь под две основные культуры — пшеницу и ячмень. Кроме того, на этих постоянных полях урожай собирался более или менее непрерывно по сравнению, например, с подсечно-огневым земледелием, где поле засаживалось в течение года-двух, а затем простаивало под паром десятилетие и дольше. Ежегодное возделывание поля, по сути, превращало его в постоянную кормовую площадку для насекомых-вредителей и болезней растений, не говоря уже о вездесущих сорняках, которые встраивались в те уровни пищевой сети, что не могли существовать без оседлого монокультурного земледелия.

Большие оседлые сообщества неизбежно означали наличие множества пахотных полей в непосредственной близости от себя, где выращивался один вид зерновых, что способствовало соразмерному увеличению популяций вредителей. По аналогии с эпидемиологией скученности людей логично предположить, что многие заболевания урожая, от которых страдали неолитические земледельцы, были вызваны новыми патогенами, которые воспользовались преимуществами столь питательной агроэкологии. Буквальное значение слова «паразит» согласно исходному греческому корню — «рядом с зерном».

Как и людям, зерновым культурам угрожают бактериальные, грибковые и вирусные заболевания, они также сталкиваются со множеством больших и малых хищников (улитками, слизняками,

насекомыми, птицами, грызунами и другими млекопитающими) и с огромным разнообразием эволюционирующих сорняков, которые конкурируют с культурными растениями за питание, воду, свет и пространство¹⁴. Семечко в почве атакуют личинки насекомых, грызуны и птицы. В период роста и развития те же вредители являются для него угрозой, но к ним присоединяется тля, которая высасывает из растения соки и переносит болезни. На этой стадии развития грибковые заболевания особенно разрушительны — милдью (ложномучнистая роса), мокрая головня пшеницы, ржавчина и спорынья (известная как огонь святого Антония при попадании в организм человека). Та часть урожая, что не поддалась этим хищникам, вынуждена конкурировать с сорняками, которые любят вспаханную почву и мимикрируют под зерновые культуры. И даже когда урожай оказывается в амбаре, он все равно может быть атакован — долгоносиками, грызунами и плесенью.

Для современного Ближнего Востока привычно терять несколько зерновых подряд из-за болезней, насекомых или птиц. В проведенном на севере Европе эксперименте урожай ячменя удобрялся, но не защищался гербицидами и пестицидами, — в результате половина урожая была потеряна: 20% — вследствие заболеваний, 12% — съедено животными, 18% — погублено сорняками¹⁵. Связанные со скученностью и монокультурным земледелием болезни постоянно угрожают одомашненным зерновым, поэтому, чтобы они дали урожай, мы, стражи, должны их постоянно защищать. Именно по этой причине древнее земледелие было чудовищно трудоемким. Были придуманы технологии, чтобы сократить затраты труда и улучшить урожайность зерновых: поля были разбросаны на большие расстояния, чтобы не соприкасаться; использовались парование и севооборот; семена закупались в отдаленных регионах, чтобы уменьшить

генетическую однородность; созревающий урожай тщательно охранялся земледельцами, их семьями и огородными пугалами. Но, учитывая подверженность агроэкологии одомашненных зерновых заболеваний, не было никаких гарантий, что урожай переживет все атаки хищников и накормит своего главного стража и хищника — земледельца.

В одном и главном отношении древний нарратив о прогрессе цивилизации оказался, несомненно, верен: одомашнивание растений и животных сделало возможным тот уровень оседлости, что заложил фундамент первых цивилизаций и государств с их культурными достижениями. Однако генетическая основа этого фундамента была чрезвычайно тонка и хрупка: горсть злаков, несколько видов домашних животных и предельно упрощенный ландшафт, который приходилось постоянно удерживать от возврата в лоно дикой природы. И при этом домашняя усадьба никогда не была близка к самодостаточности. Ей постоянно были нужны дотации исключенной из хозяйственного оборота природы: древесина на топливо и для строительства, рыба, моллюски, выпасы скота в лесу, мелкая дичь, дикорастущие овощи, фрукты и орехи. В случае голода земледельцы прибегали ко всем внедомохозяйственным ресурсам, которые обеспечивали пропитание охотников-собирателей.

В то же время домашняя усадьба стала настоящим праздником и местом паломничества для незваных комменсалов и вредителей — больших и малых, вплоть до микроскопических вирусов. Скученность и простота домашней усадьбы сделали ее поразительно подверженной опасности разрушения. Земледелие позднего неолита было первым из множества шагов в развитии особых технологий максимизации производства на основе небольшого числа предпочитаемых человеком видов растений и животных. Заболевание зерновых, домашней скотины или человека, засуха, проливные дожди, на-

шествие саранчи, крыс или птиц — что угодно могло уничтожить всю конструкцию в мгновение ока. Будучи основано на очень небольшой пищевой сети, неолитическое сельское хозяйство было более производительным благодаря концентрации, но одновременно более хрупким, чем охота, собирательство и даже подсечно-огневое земледелие, которое сочетало мобильность с опорой на разные пищевые сети. То, что, несмотря на хрупкость, домохозяйственный модуль, основанный на оседлом земледелии, превратился в господствующий агроэкологический и демографический бульдозер, преобразовавший почти весь мир по своему образцу, — просто чудо.

Несколько слов о рождаемости и населении

Окончательное доминирование неолитического зернового комплекса вряд ли было предрешиено эпидемиологией домашней усадьбы. Вероятно, внимательный читатель не только будет озадачен становлением аграрной цивилизации, но и задастся вопросом, как, учитывая все те патогены, с которыми столкнулись земледельцы неолита, эта новая аграрная форма вообще смогла выжить, не говоря уже о процветании.

Я полагаю, что краткий ответ на этот вопрос — сама оседлость. Несмотря на общее ухудшение здоровья и высокую младенческую и материнскую смертность по сравнению с охотниками и собирателями, оседлые земледельцы демонстрировали беспрецедентно высокие темпы воспроизводства — более чем достаточные, чтобы компенсировать столь же беспрецедентно высокий уровень смертности. Влияние перехода к оседлости на рождаемость убедительно показано в работах Ричарда Ли, который сопоставил только перешедших к оседлости и кочевых бушменов из племени кунг, а также

в других, еще более всесторонних сопоставлениях рождаемости у земледельцев и собирателей¹⁶.

Неоседлые сообщества обычно сознательно ограничивают свое воспроизводство. Логистика кочевого лагеря делает крайне обременительным и даже невозможным наличие двух маленьких детей, которых нужно нести на руках. В результате интервал между рождениями детей у охотников-собирателей составляет порядка четырех лет, что достигается отсроченным отлучением от груди, приемом абортивных средств, безнадзорностью или детоубийством. Кроме того, сочетание физических нагрузок с постной и богатой белками диетой означало более позднее половое созревание, менее регулярные месячные и более раннюю менопаузу. Напротив, для оседлых земледельцев короткий интервал между деторождениями не столь обременителен, как для мобильных собирателей, и, как будет показано далее, ценность детей как рабочей силы в сельском хозяйстве выше. Благодаря оседлости раньше случается менархе; зерновая диета позволяет раньше отлучать детей от мягкой пищи; высокоуглеводная диета способствует овуляции, и репродуктивная жизнь женщины удлиняется.

Учитывая бремя болезней аграрного общества и его хрупкость, демографическое «преимущество» земледельцев перед охотниками-собирателями было незначительным. Однако следует помнить, что за пять тысяч лет («чудо» сложных расчетов) совокупные различия стали огромны. Например, если рассчитать периоды удвоения населения при разных уровнях рождаемости, то ежегодные темпы прироста в 0,014% удвоят население за пять тысяч лет, а все еще крохотные темпы прироста в 0,028% — за половину этого времени (2500 лет), и, конечно, численность вновь удвоится за оставшийся период, т.е. в итоге увеличится в четыре раза. С учетом наличия достаточного времени, небольшое воспроизводственное преимуще-

щество земледельцев превратилось в итоге в ошеломляющее¹⁷.

Демографический рост (если наш примерный расчет реалистичен) мирового населения — с 4 до 5 миллионов за пять тысяч лет — кажется ничтожным. Поскольку в эпоху неолита соотношение земледельцев и охотников-собирателей в 5000 году до н.э. серьезно изменилось в пользу первых по сравнению с 10000 годом до н.э., то вполне вероятно, что даже в этот период демографического спада зерновые земледельцы мира по численности обгоняли охотников-собирателей. Возможны и два других сценария: многие охотники-собиратели начали заниматься земледелием по собственному желанию или по принуждению; аграрные патогены, которые стали эндемическими и менее опасными для земледельцев, оказались смертельными для иммунологически неискушенных охотников-собирателей при контакте двух групп, также как европейские патогены уничтожили подавляющее большинство населения Нового Света¹⁸. Нет однозначных доказательств, которые бы подтвердили или опровергли эти возможные сценарии. Так ли иначе неолитические земледельческие сообщества Леванта, Египта и Китая расширялись и расселялись по аллювиальным низменностям, очевидно, за счет неоседлых народов. Сколь бы неясным ни было предзнаменование, оно сбывалось.

Агроэкология первых государств

Кто бы ни имел серебро, драгоценности, быка или овцу, сядет у ворот того, кто имеет зерно, и проведет там все свое время.

*Шумерский текст
«Спор овцы и зерна»*

В конечном счете люди кланяются тому человеку или группе, кто может и осмеливается завладеть кладом, запасом хлеба или богатством, чтобы вновь раздать их людям.

Д. Г. Лоуренс¹

ЕСЛИ приравнять цивилизацию к государству, а архаичную цивилизацию — к оседлости, земледелию, домашней усадьбе, орошению и городам, то придется признать, что наша историческая хронология в корне неверна. Все эти достижения неолита существовали задолго до того, как мы обнаруживаем нечто похожее на государство в Месопотамии. Имеющиеся сегодня данные заставляют признать, что зачаточные формы государственности возникли благодаря сочетанию запасов зерна с рабочей силой, которое сложилось в позднем неолите и стало объектом контроля и захвата. Как мы увидим далее, это сочетание было единственным материалом, который подходил для строительства государств.

Оседлое население, выращивающее одомашненные зерновые культуры, и небольшие города примерно с тысячей жителей, занимающиеся торговлей, были исключительным достижением неолита и возникли примерно за два тысячелетия до появ-

ления первых государств в 3300 г. до н.э.² Как уточняет Дженнифер Пурнелл, эти первые города

были будто острова посреди болотистой равнины, расположенные на границах и в сердце обширных дельтовых болот <...> Водные пути между ними служили не столько оросительными каналами, сколько транспортными артериями³.

Хотя ранее в регионе и за пределами южных аллювиальных равнин существовали протогородские поселения, очевидно, что здесь, благодаря обилию заболоченных земель, становление городов было более устойчивым, долговечным и беспрестанным, чем где бы то ни было еще⁴.

Протогородской комплекс представлял собой исторически новую и уникальную концентрацию рабочей силы, пахотных земель и продовольствия, которая, будучи «захвачена» (хотя и слово «паразитирование» не является преувеличением), могла превратиться в мощный узел политической власти и привилегий. Неолитический агрокомплекс был необходимым, но недостаточным фундаментом государства — он делал его возникновение возможным, но не гарантированным. В веберовской терминологии речь идет скорее об «избирательном сродстве», чем о причине-следствии. Таким образом, в тот период было возможно и даже распространено оседлое земледелие — на аллювиальных равнинах, с использованием орошения — но без каких бы то ни было форм государственности⁵. Однако никогда не существовало государства без аллювиального зернового земледелия.

Но в таком случае как возникает государство? Смогли бы мы опознать первое древнее государство, если бы увидели его? Здесь нет однозначного ответа, и я склонен трактовать «государственность» как состояние «более или менее», а не как жесткое противопоставление «или-или». У государственности множество правдоподобных атрибутов, и чем их

больше у конкретной формы правления, тем вероятнее, что мы назовем ее государством. Небольшие протогородские поселения оседлых собирателей, земледельцев и скотоводов, которые устанавливали общие правила коллективной жизни и торговли с внешним миром, уже по одной этой причине не могут называться государствами. И традиционный веберовский критерий, согласно которому государство — это территориальная политическая единица, монополизировавшая право на применение насилия, здесь не вполне адекватен, потому что считает само собой разумеющимися многие другие черты государственности. Мы считаем государством институт, в котором существует слой чиновников, занимающихся расчетом и сбором налогов (в форме зерна, труда или звонкой монеты) и подчиняющихся одному правителю или их группе. Мы определяем государство как инструмент исполнительной власти в достаточно сложных, стратифицированных, иерархически организованных обществах с очевидным разделением труда (ткачи, ремесленники, священнослужители, кузнецы, чиновники, солдаты, земледельцы). Некоторые авторы применяют более строгие критерии: например, государство должно иметь армию, оборонительные стены, монументальный ритуальный центр или дворец и, возможно, царя или царицу⁶.

Учитывая столь многообразные признаки, попытки определить точную дату рождения первых государств порождают произвольные предположения, ограничиваемые лишь убедительными археологическими и историческими данными с нескольких мест раскопок. Я предлагаю выбрать из списка атрибутов государственности наиболее приоритетные для ее становления — территорию и специализированный государственный аппарат, т.е. стены, налоги и чиновников. Согласно этому перечню, «государство» Урук однозначно существовало уже в 3200 году до н.э. Ниссен называет период

с 3200 по 2800 год до н. э. «эпохой великих цивилизаций» на Ближнем Востоке, и «Вавилон, безусловно, стал регионом, породившим самые сложные экономические, политические и социальные порядки»⁷. Не случайно знаковым действием для шумерской государственности было строительство городской стены. В Уруке она была возведена в период с 3300 по 3000 год до н. э., в период предположительного правления Гильгамеша. Урук стал первой формой государственности, которая затем воспроизводилась на всех аллювиальных равнинах Месопотамии примерно двадцатью конкурирующими городами-государствами, или «политическими сверстниками». Эти государственные образования были столь малы, что можно было за день пройти пешком расстояние из их центра до внешней границы.

Благодаря политическому и экономическому контролю над скромной сельскохозяйственной периферией и иерархически организованному управлению шумерский город Урук в конце IV тысячелетия до н. э. соответствовал критериям города-государства. Первоначально он считался уникальным по размерам и системе власти, но сегодня у нас есть доказательства того, что уже в первой половине III тысячелетия основные для того периода города Киш, Ниппур, Исин, Лагаш, Эриду и Ур были Уруку под стать⁸.

То, что Урук выглядит особенно внушительно в ряде исследований древних этапов государственного строительства, объясняется не только тем, что он, видимо, был первым государством, но и тем, что оставил массу археологических свидетельств. По сравнению с Уруком знания о других первых центрах государственности в Месопотамии отрывочны. В свою эпоху Урук, скорее всего, был самым крупным городом мира по размерам и числу жителей. Оценки его населения колеблются от 25 до 50 тысяч человек, и оно увеличилось в три раза за двести лет, что вряд ли обусловлено естественным приростом,

учитывая высокий уровень смертности. Поскольку названия Ур, Урук и Эриду явно не шумерские по этимологии, можно предположить, что Урук расширялся за счет иммиграции, замещающей или поглощающей прежнее население. Сохранившиеся барельефы, изображающие военнопленных в кандалах на шее, указывают и на другой способ пополнения городского населения.

Городские стены Урука окружали территорию примерно в 250 гектаров, что в два раза превышает размеры классических Афин три тысячелетия спустя. Опираясь на расчеты Постгейта, согласно которым другой шумерский город Абу Салабих с предполагаемым населением в 10 тысяч человек контролировал сельскую периферию радиусом в 10 километров, можно утверждать, что периферия Урука была по крайней мере в два-три раза больше⁹. Кроме того, обнаружена масса свидетельств того, что храмы мобилизовывали значительные трудовые ресурсы для решения сельскохозяйственных и других задач, о чем говорят тысячи одинаковых чаш, которые, судя по всему, использовались для распределения среди работников продовольственных и пивных пайков. Иные признаки государственности — это специальная группа писцов, солдаты (на полный рабочий день?) с полным обмундированием и усилия по стандартизации мер и весов. Таким образом, мои рассуждения о древних государствах, если не указано иное, основаны на обширной литературе, посвященной Уруку, иногда я упоминаю расположенный рядом и столь же хорошо исторически задокументированный, хотя и проживший более короткий век, город Ур Третьей династии, существовавший на тысячелетие позже.

Если государственное строительство зависело от контроля, сохранения и расширения концентрации зерна и рабочей силы на аллювиальных равнинах, то возникает вопрос: как древние госу-

дарства смогли обрести власть над этими зерно-человеческими модулями? Потенциальные подданные гипотетического государства явно имели прямой и непосредственный доступ к воде и приливо-отливному земледелию, а также к разнообразным ресурсам пропитания помимо земледелия. Одно убедительное объяснение того, как земледельцев удалось объединить на одной территории как подданных государства, — климатические изменения. Ниссен утверждает, что период с 3500 до 2500 года до н.э. характеризовался резким снижением уровня моря и объема воды в Евфрате. Усиливающаяся засуха привела к сокращению реки до ее основного русла и притоков, поэтому население сосредоточивалось вокруг оставшихся водных артерий, а засоление почв в районах, оставшихся без воды, резко уменьшило размеры пахотных земель. Постепенно население достигло поразительной степени концентрации и стало более «городским». Ирригация была крайне важной и стала более трудоемкой — часто требовала подъема уровня воды, поэтому доступ к вырытым каналам был жизненно необходим. Города-государства (например, Умма и Лагаш) боролись за пахотные земли и доступ к воде, чтобы орошать их. Со временем с помощью барщины и труда рабов была создана разветвленная сеть искусственных каналов. Если предлагаемый Ниссеном сценарий порождения засухой демографического последствия в виде концентрации населения верен (сценарий имеет убедительную доказательную базу), то у нас появляется правдоподобная версия становления государств. Недостаток воды для орошения приковывал все больше населения к не страдающим от засухи районам, тем самым исключая или снижая важность альтернативных форм пропитания, таких как собирательство и охота. По мнению Ниссена, «мы уже наблюдали подобное в прежние эпохи, когда наметилась тенденция концентрации поселений вдоль

русел крупных рек, а районы между реками теряли население»¹⁰. Затем климатические изменения, усиливая тот тип урбанизации, при котором 90% населения жили на территории примерно в 30 гектаров, ускорили развитие зерно-человеческих модулей — идеальной основы государственного строительства. Засуха стала его незаменимой служанкой, обеспечивая доставку сконцентрированного населения и зерновых в протогосударственные пространства, которые в ту эпоху просто не могли возникнуть иным способом.

По всей вероятности, практически повсеместно, а не только в Месопотамии первые государства развивались именно таким образом. Высокая концентрация зерна и рабочих на почвах, которые только и могли ее обеспечить (аллювиальных или лессовых), максимизировала возможности присвоения, стратификации и неравенства. Государство колонизировало это ядро как свою производственную базу, увеличивало его размеры, интенсифицировало производство и время от времени создавало инфраструктуру (транспортную и оросительную), чтобы откормить и сберечь ту курицу, что несла ему золотые яйца. В терминах, указанных ранее, можно назвать эти формы интенсификации конструированием элитной ниши посредством изменения ландшафта и экологии так, чтобы повысить производительность среды обитания. Безусловно, только при наличии плодородных почв и доступа к воде можно было полагаться на экологические ресурсы для интенсификации земледелия и демографического роста, поэтому только в таких условиях и могли появиться первые бюрократические государства.

Однако развитие государств в Месопотамии не было линейным. Продолжительность жизни малых форм государственности на аллювиальных равнинах, как и их подданных, была крайне мала. Периоды междоцарствий случались чаще, чем «царствия», а эпизоды краха и распада были обычным

явлением. Как мы уже видели, поздненеолитический протогородской комплекс даже в самых благоприятных условиях был рискованным предприятием. Ему угрожали непредсказуемые ливни, наводнения, нападения вредителей и болезни растений, скота и человека, которые могли смести поселение с лица земли или, что более вероятно, вынудить его жителей спастись бегством, рассеявшись по местности в качестве охотников, собирателей и скотоводов.

К серьезным рискам густонаселенного неолитического комплекса возникновение государства добавило дополнительный слой угроз и хрупкости, пример чему — налоги и войны. Налоги в натуральной форме (зерном, скотом) или в виде трудовых отработок означали, что земледelec должен был работать не только в своем домохозяйстве, но и на фонд ренты, которую элиты присваивали для пропитания и демонстрации власти, хотя в голодные годы могли раздавать населению зерно из своих амбаров, чтобы сохранить подданных. Сложно сказать, насколько тяжелым было налоговое бремя, но оно, несомненно, различалось по историческим периодам и государственным образованиям. Если говорить об аграрной истории в целом, то вряд ли налог зерном составлял меньше пятой части урожая. Получается, что земледельцы постоянно балансировали на грани выживания: неурожай и без налогов означал голод, а неурожай в сочетании с налогами — полное разорение и гибель.

Обнаружена масса свидетельств частых войн между соперничающими городами-государствами южных аллювиальных равнин. Сложно сказать, насколько войны были кровопролитными, но, учитывая ценность человеческих ресурсов для всех первых государств, скорее всего, войны были разрушительными, а не кровопролитными. Согласно одной оценке военных столкновений государств-соседей аллювиальных равнин, их население

всегда балансировало на грани выживания за исключением тех моментов, когда победившая армия возвращалась домой с добычей и данью¹¹. Выигрыш победителя означал проигрыш побежденного, но не только: военные действия означали сожжение засеянных полей, захват зернохранилищ, воровство скота и предметов домашнего обихода, т. е. своя армия была не меньшей угрозой для населения, чем армия врага. Первые государства, переменчивые, как погода, чаще были угрозой для выживания своего населения, чем его благодетелем.

Агрогеография государственного строительства

В самом простом материальном смысле архаические государства были аграрными и нуждались в определенном излишке продуктов земледелия и скотоводства, чтобы его изъять и прокормить свой непродуцирующий класс — чиновников, ремесленников, солдат, священнослужителей и аристократию. Учитывая транспортную инфраструктуру древнего мира, это означало максимальную концентрацию плодородных земель и необходимых для работы на них человеческих ресурсов в минимальном радиусе. Поздненеолитический переселенческий лагерь, возникший на плодородных аллювиальных почвах, оказался удобным и готовым ядром-средоточием людей и зерна, в котором можно было создавать государство.

Можно еще больше конкретизировать географические условия, необходимые для государственного строительства, — только самые плодородные земли, урожайность которых в расчете на гектар позволяла прокормить большое население на компактной территории и гарантировать налогооблагаемый излишек. Речь идет о лессовых почвах (создаваемых ветрами) и аллювиальных (форми-

руемых наводнениями). Вторые, исторический дар ежегодных разливов Тигра, Евфрата и их притоков, стали фундаментом государственного строительства в Месопотамии: нет аллювиальных почв — нет государства¹². Если предсказуемые наводнения без катастрофических последствий позволяли, то развивалось приливно-отливное земледелие на легко обрабатываемом плодородном иле (в Египте вдоль побережий Нила), и тогда плотность населения могла серьезно увеличиться. То же самое можно сказать о древнейших государственных центрах Китая (династии Цинь и Хань), которые появились на лессовых почвах по берегам Желтой реки, — здесь плотность населения достигла редких для доиндустриальных обществ показателей. Чтобы понять логику развития китайской государственности, необходимо знать ее агроэкологию. Как отметил Оуэн Латтимор,

орошение было невероятно плодотворным в лесовом ядре древнего Китая, где почвы были мягкими, без камней, легко обрабатывались, а климат позволял выращивать разные культуры — этот комплекс условий срабатывал везде, где земля была подходящей¹³.

Несомненно, вода была жизненной необходимостью. Как мы уже видели, ее обилие в заболоченных районах стало предпосылкой формирования первых крупных оседлых сообществ. Только хорошо увлажненные аллювиальные почвы в районах с гарантированными осадками или в непосредственной близости от воды для орошения подходили для государственного строительства. Но вода была жизненно важна и по другим причинам. Будучи расположены в поймах рек или вблизи них и специализируясь на зерновом земледелии, ни один древний государственный центр Месопотамии не был экономически самодостаточен. Все они нуждались во множестве товаров, которые произво-

дились в иных экологических зонах (древесина, дрова, кожа, обсидиан, медь, олово, золото, серебро и мёд) и в ходе торговли обменивались на гончарные изделия, одежду, зерно и ремесленные товары государственных образований¹⁴. Большинство товаров приходилось перевозить по воде, а не по суше. Рискну предположить, что утверждение «нет водного пути — нет государства» — не большое преувеличение¹⁵. Ранее уже говорилось, что перевозки на корабле или барже были в несколько раз выгоднее, чем на осле или телеге. Подтверждает экономичность морских перевозок тот поразительный факт, что уже в 1800 году (до изобретения парохода и железной дороги) на корабле можно было добраться из Саутгемптона в Англии до мыса Доброй Надежды примерно за то же время, что доехать на дилижансе из Лондона в Эдинбург¹⁶. И, конечно, корабль мог перевезти намного больше груза. Чудо преодоления водным транспортом огромных расстояний за короткое время означает, что в истории практически нет древних государств, которые не зависели от судоходных путей (морских или речных) в удовлетворении своих потребностей с помощью торговли. Будучи расположены в междуречье Тигра и Евфрата, первые государства аллювиальных равнин пользовались их течением, чтобы сплавлять такие оптовые товары, как древесину, с минимальными затратами труда. Видимо, неслучайно в середине «Эпоса о Гильгамеше» повествуется о сплаве вниз по реке плота из кедра после убийства великана, который охранял великий лес, — из плота были сделаны главные ворота нового города.

В целом преодоление препятствий — важная задача государственного строительства, а судоходные и спокойные на протяжении большей части года реки помогают ее решению. Способствует становлению государств и равнинная территория. Поймы рек равнинны по определению, а пересечен-

ная местность увеличивает транспортные расходы в геометрической прогрессии. Понимая экологическую подоплеку государственного строительства, Ибн Хальдун отметил, что арабы легко завоевывали равнины, но не могли преодолеть горы и ущелья¹⁷.

Изучение первых попыток государственно-го строительства обнаруживает и обратную закономерность — условия, в которых возникновение государств было маловероятным или невозможным. Если концентрация населения помогает становлению государств, значит, его рассеяние, напротив, мешает. Если плодородные и хорошо орошаемые аллювиальные почвы обеспечивали необходимую концентрацию населения, то, следовательно, первые государства не могли возникнуть на неаллювиальных. Засушливые пустыни и горные районы (за исключением плодородных плоскогорий) буквально требуют рассеяния ради выживания и не могли стать ядром государственности. Эти «безгосударственные пространства» часто стигматизируются государственным дискурсом как «варварские» по причине разнообразия хозяйственных практик и типов социальной организации (скотоводство, собирательство и подсечно-огневое земледелие).

Государственный «модуль» требует концентрации рабочей силы преимущественно для оседлого земледелия. Но одной концентрации недостаточно: пример тому — заболоченные районы аллювиальных равнин южной Месопотамии, где возникли первые крупные поселения на Ближнем Востоке¹⁸. Они были густонаселены, но, хотя выращивали несколько злаков, их первые города не оставили следов (однозначных археологических) регулярной распашки полей. Как уже говорилось ранее, здесь применялись разные хозяйственные стратегии: охота и собирательство в водно-болотистых угодьях, сбор диких камышей и осоки, летние выпасы овец,

коз и крупного рогатого скота. Несмотря на высокую плотность и большую численность, население не занималось земледелием.

Реконструкция центра древних городов подтверждает не модель социальной трансформации, запущенной орошаемым зерновым земледелием, а развитие поселений, которое началось <...> с оппортунистической зависимости от прибрежной биомассы¹⁹.

Заболоченные земли обеспечивали накопление богатств и формирование городов, а не государств на протяжении тысячелетия. В отличие от ландшафта плужного земледелия, буйное разнообразие хозяйственных практик в этих районах не способствовало государственному строительству. Чтобы подтвердить подозрение, что дельты крупных рек не благоприятствовали становлению государств в древности, обратимся к примеру дельты Нила. Древнеегипетские государства возникли выше дельты Нила: она была густонаселена и богата ресурсами, но не стала фундаментом государства, а, напротив, считалась зоной враждебной и сопротивляющейся ему. Как и жители заболоченных районов Месопотамии, население дельты Нила добывало пропитание тем, что ловило черепах и рыбу, собирало тростник и моллюсков и почти не занималось земледелием, а потому не стало частью династической истории Египта.

Центры первых государств вдоль берегов Желтой реки тоже возникали в ее верховьях, а не в изменчивых и непредсказуемых районах дельты. Зерновое земледелие (выращивали только просо) было столь же важной основой государственного строительства в Китае, как и выращивание пшеницы и ячменя в Месопотамии. Китайский проект государственного строительства постоянно перемещался с одних плодородных лессовых почв на другие, игнорируя и горные районы (тер-

ритории «внутренних» варваров) между ними, и сложный и многообразный ландшафт дельты Желтой реки.

Злаки порождают государства

Продовольственный фундамент всех главных аграрных государств древности — в Месопотамии, Египте, долине Инда и на побережьях Желтой реки — поразительно схож. Все эти аграрные государства были зерновыми — выращивали пшеницу, ячмень, а на берегах Желтой реки — просо. Возникшие позже древние государства следовали тем же путем, хотя к списку основных культур добавился орошаемый рис, и в Новом Свете — кукуруза. Частичным исключением из этого сценария является государство инков, которое было основано на кукурузе и картофеле, хотя кукуруза играла главную роль как «налоговая культура»²⁰. В зерновом государстве один-два злака были источником пищевого крахмала, единицей натурального налогообложения и основой аграрного календаря, определяющего распорядок жизни населения. Границы зерновых государств формировали экологические зоны аллювиальных почв и доступных источников воды, которые обеспечивали саму возможность государственности. Здесь следует вспомнить введенное Люсьеном Февром понятие «посибизм»: такая экологическая ниша была необходима для государственного строительства (и могла быть расширена за счет управления ландшафтом — строительства каналов и террасирования), но недостаточна²¹. Соответственно, важно отличать концентрацию населения от становления государства: обилие плодородных земель было условием зарождения городов и торговли, но без масштабного зернового земледелия государство не возникало²².

Почему зерновые культуры играли столь важную роль для первых государств? В конце концов, и дру-

гие культуры, особенно бобовые (чечевица, нут и горох), были одомашнены на Ближнем Востоке, а таро и соя — в Китае, но почему они не стали фундаментом государственного строительства? Иными словами, почему в исторических хрониках нет упоминаний «чечевичных государств», нутовых, таро-, саго-, хлебо-древесных, ямсовых, маниоковых, картофельных, арахисовых или банановых? Многие культуры дают больше калорий в расчете на единицу земли, чем пшеница или ячмень, некоторые требуют меньше труда, а поодиночке или вместе обеспечивают сопоставимый уровень питания. Таким образом, многие культуры соответствуют тем же агродемографическим условиям плотности населения и качества питания, что и зерновые, и только орошаемый рис превосходит их по калорийности на единицу земли²³.

Я полагаю, что ключ к пониманию взаимосвязи государства и зерна кроется в том, что только злаки могли стать основой налогообложения: их урожай легко увидеть, поделить, оценить, хранить, транспортировать и «рационализировать». Другие культуры — бобовые, клубневые и крахмалоносные — обладают некоторыми, но не всеми из этих желанных для государства качеств. Чтобы оценить в полной мере уникальные качества злаков, нужно представить себя на месте древнего сборщика налогов, которого интересовали, прежде всего, простота и эффективность работы. Тот факт, что зерновая культура растет над землей и вызревает почти одновременно, облегчает работу любого сборщика налогов. Если армия или сборщики налогов оказывались в нужном месте в нужное время, то могли мгновенно собрать, смолотить и изъять весь урожай. Вражеской армии злаки предельно облегчают реализацию стратегии выжженной земли: можно сжечь все поля с созревшим урожаем и вынудить земледельцев к бегству или голодной смерти. Более того, сборщик налогов или враг мог подождать, когда крестьяне обмолят урожай и сложат его в амбары, чтобы конфи-

сковать все зерно из хранилищ. В случае со средневековой церковной десятиной крестьянин должен был собрать немолоченное зерно в снопы на поле, и сборщик изымал каждый десятый сноп.

Сравните эту ситуацию с той, когда основной культурой является клубневая, например картофель или кассава/маниока. Клубневые вызревают каждый год, но их можно оставить в земле еще на год-два, выкапывая по мере необходимости и храня урожай там, где он вырос, — под землей. Если армия или сборщики налогов хотят получить ваши клубни, им придется выкапывать картофелину за картофелиной, как поступает сам земледелец, и в итоге они получают воз картошки, который стоит (в рыночном или калорийном эквиваленте) намного меньше, чем воз пшеницы, а испортится намного быстрее²⁴. Король Пруссии Фридрих Великий приказывал подданным выращивать картофель, потому что понимал, что вражеским армиям будет непросто разогнать его земледельцев, привязанных к своим клубням²⁵.

«Надземное» одновременное вызревание зерновых обладает тем важнейшим преимуществом, что государственным сборщикам налогов легко оценить размер урожая и рассчитать взимаемые налоги. Эта особенность превращает пшеницу, ячмень, рис, просо и кукурузу в главные *политические* культуры. Налоговый чиновник обычно оценивает поля по качеству почв и, зная среднюю урожайность конкретной культуры на таких почвах, может рассчитать размер налога. Если необходима корректировка по годам, то проводится обследование полей и срез образцов урожая накануне его сбора, чтобы рассчитать предполагаемую урожайность этого года. Как мы увидим далее, государственные чиновники пытались повысить урожайность злаков и тем самым налоговые сборы, навязывая земледельцам определенные сельскохозяйственные технологии. Например, в Месопотамии они настаивали на повторной

вспашке, чтобы раздробить большие комья земли, и на повторном бороновании, чтобы укрепить корневую систему растений и улучшить их питание. Дело в том, что у зерновых подготовка почв, высаживание семян, состояние урожая и его размер более «видимы» и их проще оценить. Сравните эту ситуацию, например, с попыткой оценить и обложить налогом коммерческую деятельность продавцов и покупателей на рынке. Одна из причин государственного недоверия и стигматизации класса купцов в Китае состояла в том, что их богатство, в отличие от доходов рисовых земледельцев, было легко скрыть, предоставить о нем недостоверные сведения и увести от налогов. Можно собирать налоги на рынке, плату за проезд на дорогах или в речных портах, где товары и сделки прозрачны, но сбор налогов с купцов был просто кошмаром для сборщиков налогов.

Тот простой факт, что урожай злаков состоит из небольших зерен (очищенных или нет), т. е. его можно измерить, поделить и оценить, предоставляет огромные управленческие преимущества. Как кусочки сахара или комки песка, зерна злаков можно дробить почти до бесконечности на все меньшие части и при этом точно измерять их вес и объем для бухгалтерского учета. Зерновые меры становились стандартами измерения и стоимости в торговле и сборе дани — для расчета стоимости других товаров, включая труд. Ежедневный рацион низшего класса работников в Умме (Месопотамия) составлял почти два литра ячменя, и для измерения этого объема использовались порционные чаши со скошенным краем — один из самых распространенных археологических артефактов.

Но почему же не возникли нутовые или чечевичные государства? В конце концов, это питательные культуры, как и злаки, их можно интенсивно выращивать, их урожай состоит из небольших зерен, которые можно сушить, они хорошо хранятся, их легко делить и отмерять на порции. Решающим

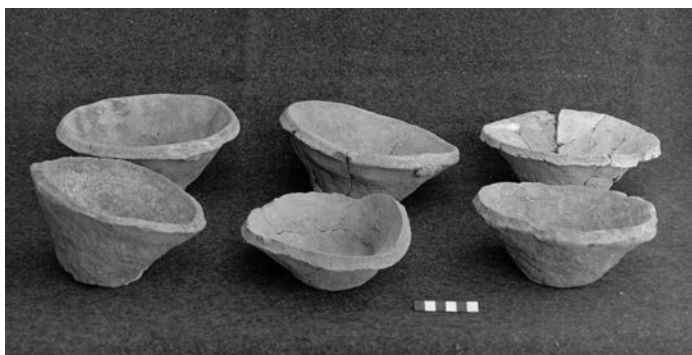

РИС. 10. Порционные (?) чаши со скошенным краем
Фотография любезно предоставлена Сьюзан Поллок.

преимуществом зерновых является их предсказуемый рост и, соответственно, почти одновременное вызревание. Для сборщика налогов проблема большинства бобовых в том, что они дают плоды непрерывно на протяжении длительного периода, поэтому их можно собирать по мере вызревания (что и происходит с бобами и горохом). Если сборщик налогов прибудет слишком рано, то большая часть урожая еще не созреет, а если слишком поздно, то эту же часть урожая налогоплательщики уже съедят, спрячут или продадут. За урожаем культур с четким сроком вызревания сборщику налогов достаточно прийти один раз. Зерновые культуры Старого Света с этой точки зрения прекрасно подходили для государственного строительства. Новый Свет, за исключением промежуточного случая кукурузы (ее урожай можно собрать сразу или оставить дозревать и высушивать на поле), не располагал культурами с четким графиком одновременно вызревающего на всех полях урожая, поэтому здесь не было традиционных для Старого Света праздников урожая в аграрном календаре. Вероятно, предсказуемый период созревания ряда культур является результатом селекционных усилий древних

земледельцев неолита, но если это действительно так, то возникает вопрос, почему они не провели аналогичную селекционную работу для единовременного вызревания нута и чечевицы.

Впрочем, не все так однозначно с налогообложением злаков: хотя конкретная зерновая культура, будучи высажена на поле, созреет за определенный срок, сезонные погодные колебания диктуют разное время ее высаживания на разных полях, поэтому урожай с них тоже будет собираться в несколько разное время. Вполне привычной практикой земледельцев, стремившихся уйти от налогов, был тайный сбор части урожая до того, как зерно полностью созреет. При любой возможности архаические государства прилагали массу усилий, чтобы установить жесткие сроки высадки культур для каждого района. Что касается орошаемого риса, то все соседние поля затапливались примерно в одно и то же время, что задавало четкий график посадок (или пересадок), но рис — единственная культура, которая требует подобных условий.

Кроме того, зерновые культуры прекрасно подходят для перевозки навалом. Даже в архаичных условиях можно было с прибылью перевезти телегу зерна на большее расстояние, чем любой другой продовольственный товар. При наличии водного транспорта огромные объемы зерна можно было перевозить на значительные расстояния, расширяя тем самым сельскохозяйственную периферию, которую надеялось подчинить и обложить налогами любое древнее государство. Один документ эпохи Третьей династии Ура (конец III тысячелетия до н. э.) содержит сведения о том, что баржи перевозили половину всего урожая ячменя, собранного вокруг Ура, в царские зернохранилища²⁶. Еще раз подчеркну: сборщик налогов в первых государствах Месопотамии, а если уж на то пошло, то до начала XIX века, воспринимал сочетание аграрного

государства с судоходной рекой или побережьем как благословение — брак, заключенный на небесах. Например, Рим выяснил, что перевозить зерно (обычно из Египта) и вино по Средиземному морю было намного дешевле, чем на повозках по суше, если расстояние превышало 100 миль²⁷.

Поскольку стоимость зерновых культур на единицу объема и веса выше, чем практически любого другого продукта, и они хорошо хранятся, злаки оказались идеальны для пропитания и налогообложения. Их можно было оставить в необработанном виде до тех пор, пока в них нет необходимости. Их было удобно распределять среди работников и рабов, взимать как дань, обеспечивать ими солдат и войска, компенсировать с их помощью нехватку продовольствия или голод, кормить город, оказавшийся в осаде. Сложно представить древние государства без зерна как основы их социально-экономической мощи.

Если зерно и, соответственно, поступление налогов заканчивалось, государственная власть начинала разрушаться. Могущество древнекитайских царств держалось только на пахотных землях в бассейнах Желтой реки и Янцзы. За пределами этого экологического и политического центра оседлого орошаемого-рисового земледелия жили ускользавшие от налогов кочевые скотоводы, охотники-собиратели и подсечно-огневые земледельцы. Их называли «дикими» варварами, которые «не были нанесены на карту». Территория Римской империи, невзирая на все ее имперские амбиции, не очень выдавалась за границы зоны зернового земледелия. Римское правление на севере Альп было сконцентрировано в зоне, которую археологи, опираясь на найденные на раскопках в Швейцарии артефакты, называли латенской культурой, — здесь плотность населения была выше, сельское хозяйство более устойчиво, а города (оппидумы) больше; за пределами зоны начиналась ясторфская

культура — малонаселенная территория скотоводства и подсечно-огневого земледелия²⁸.

Этот контраст — отрезвляющее напоминание, что бóльшая часть мира и его населения находилась за границами древнейших зерновых государств, которые занимали очень небольшую экологическую нишу, которая благоприятствовала интенсивному земледелию. Вне досягаемости государств оставалось множество недоступных для их контроля хозяйственных практик, наиболее важными из которых были охота и собирательство, морская рыбалка и сбор моллюсков, садоводство, подсечно-огневое земледелие и специализированное скотоводство.

Для государственного сборщика налогов такие хозяйственные практики были фискально непригодны — они не возмещали расходы на свой контроль. Охотники и собиратели (на суше и на море) были столь рассеяны и мобильны, а их «урожаи» столь разнообразны и недолговечны, что отслеживать их, не говоря уже о налогообложении, было практически невозможно. Садоводы, которые прекрасно одомашнили корнеплоды и клубневые культуры задолго до того, как был посажен первый злак, могли припрятать небольшой надел земли в лесу и оставлять бóльшую часть урожая в земле до тех пор, пока он им не понадобится. Подсечно-огневые земледельцы часто сажали зерновые, но на их полях росли десятки культур с разным периодом вызревания. Кроме того, подсечно-огневые земледельцы сменяли поля каждые несколько лет, а иногда и места проживания. Специализированное скотоводство как ответвление сельского хозяйства разочаровывает потенциального сборщика налогов по тем же причинам — рассеяние и мобильность. Османская империя, основанная скотоводами, сталкивалась с огромными трудностями, пытаясь получить налоги с пастухов. Чиновники пытались собирать налоги раз в году, когда пас-

тухи находились на одном месте в период отела и стрижки овечьей шерсти, но и это оказалось сложно организовать. Руди Линднер, исследователь османского правления, пришел к следующему выводу:

османская мечта о рае оседлой жизни с предсказуемыми налоговыми сборами с мирных земледельцев не оставляла места кочевым скотоводам <...> Кочевники следили за малейшими изменениями климата, чтобы получить максимальный доступ к хорошим пастбищам и пресной воде, поэтому постоянно перемещались в пространстве²⁹.

Так или иначе, незерновые народы, т.е. бóльшая часть населения мира, придерживались хозяйственных практик и моделей социальной организации, которые противостояли попыткам их налогообложения: территориальная мобильность и пространственное рассеяние, изменчивый размер групп и сообществ, разнообразные и легко скрываемые источники пропитания, крайне малое число пространственно фиксированных ресурсов. Но это не означает, что незерновые народы формировали замкнутые миры, — наоборот, как уже отмечалось ранее, между ними активно шла торговля, причем не по принуждению, а как добровольный коммерческий или бартерный обмен товарами между разными экологическими зонами к их взаимной выгоде. Однако народы, которые придерживались особых хозяйственных практик, часто воспринимались как особый тип людей, несмотря на торговое партнерство с ними. Например, римляне считали главной чертой варваров то, что они употребляли в пищу молочные продукты и мясо, а не зерно. Для жителей Месопотамии аморреи были «варварами» за гранью понимания, потому что якобы «не знали зерна <...> ели сырое мясо и не хоронили мертвых»³⁰.

Разные хозяйственные практики, описанные выше, не следует воспринимать как автономные и непроницаемые. Сообщества могли менять свой жизненный уклад и действительно неоднократно меняли его, часто придумывали столь сложные сочетания практик, что они не поддаются однозначной категоризации. Не следует забывать и о том, что выбор хозяйственного уклада часто был политическим — диктовался позиционированием по отношению к государству.

Стены создают государства: защита и ограничение свободы

К середине III тысячелетия до н.э. большинство городов на аллювиальных равнинах Месопотамии было обнесено стенами. Впервые в истории государство обрело оборонительный панцирь. И хотя размеры обнесенной стенами территории обычно были скромными (в среднем от 10 до 33 гектаров), возведение и поддержание такого оборонительного периметра были трудоемкой задачей, даже если он строился постепенно, частями. Само по себе наличие стены говорит о том, что она защищает нечто ценное или укрывает его от внешних посягательств. Наличие стен — верный признак оседлого земледелия и хранения продовольствия. Соответственно, когда город-государство разрушался вместе со своими оборонительными стенами, оседлое земледелие, как правило, тоже исчезало с этой территории. Для того времени было характерно разрушение стен побежденного города государством-победителем. Сконцентрированные в одном месте ценные ресурсы искушали грабителей и требовали защиты. Их пространственная концентрация упрощала защиту, а ценность оправдывала затрачиваемые усилия. Вот почему крестьянство изо всех сил держалось за свои поля и сады,

дома, амбары и скот — их сохранение было вопросом выживания. Неудивительно, что в «Эпосе о Гильгамеше» царь-основатель государства возводит городские стены, чтобы защитить свой народ. Следует ли на этом основании считать создание государства результатом совместных усилий (возможно, общественного договора) подданных-земледельцев и их правителя (а также его воинов и инженеров) по защите урожаев, семей и скота от нападений других государств или безгосударственных народов?

На самом деле все было намного сложнее. Как земледелец пытался защитить свой урожай от хищников (людей и нелюдей), так и государственные элиты были заинтересованы в охране «мышечного каркаса» своей власти — земледельческого населения и зернохранилищ, привилегий и богатств, политических и ритуальных полномочий. Оуэн Латтимор и другие авторы считали, что Великая Китайская стена (или стены) была построена, чтобы удержать китайских земледельцев-налогоплательщиков внутри государства, а не только чтобы удержать варваров (кочевников) за его пределами. Иными словами, городские стены были призваны сохранить внутри своего диаметра основы государственности. Так называемые антиаморрейные стены между Тигром и Евфратом также должны были удержать земледельцев в государственной «зоне», а не только аморреев — за ее границами (значительное их число уже расселилось по аллювиальной равнине). По мнению одного ученого, возведение стен стало результатом усиления централизации власти в Уре Третьей династии: их строили, чтобы не позволить мобильному населению ускользнуть от государственного контроля или чтобы защититься от тех, кто был принудительно выдворен за городские стены. Таким образом, «задачей стен было обозначение пределов политического контроля»³¹. Удер-

жание и контроль населения — главные причины возведения стен и их основные функции, подтверждающие, что бегство подданных было серьезной проблемой для древних государств (более подробно — в главе 5).

Письменность создает государства: ведение записей и учет

Быть управляемым значит,
что каждое ваше действие,
каждая ваша сделка отмечена,
занесена в реестр, учтена, обложена
налогом, проштампована,
измерена, пронумерована,
оценена, лицензирована,
санкционирована, предупреждена,
предотвращена, изменена,
уточнена, наказана.

Пьер-Жозеф Прудон

Крестьянство благодаря долгим наблюдениям за искусством государственного строительства, всегда понимало, что государство — это машина, ведущая записи, учет и замеры. Поэтому, когда в деревне появлялся землемер с геодезическим оборудованием или переписчики с блокнотами и опросными листами, чтобы зарегистрировать домохозяйства, подданные понимали, что не за горами такие напасти, как воинский призыв, барщина, изъятие земли, подушные поборы или новые налоги на землю. Они догадывались, что за государственной машиной принуждения скрываются груды бумаг — списки, официальные документы, налоговые сводки, реестры населения, нормативные акты, инструкции, приказы, которые в большинстве своем их озадачивали и были за пределами их понимания. Крестьянское мировоззрение четко идентифицировало государственную документацию как источ-

ник своего угнетения, поэтому первым шагом многих крестьянских восстаний было сожжение дотла местной администрации, где хранилась вся эта документация. Осознав тот факт, что государство *видит* территории и подданных через свои записи, крестьянство решило, что *ослепление* государства положит конец его бедам. Как точно подмечено в древней шумерской поговорке, «у человека может быть и король, и господин, но бояться он должен сборщика налогов»³².

Южная Месопотамия была сердцем не одного, а нескольких взаимосвязанных экспериментов в сфере государственного строительства с 3300 по 2350 год до н.э. Подобно Воюющим царствам Китая и поздним греческим полисам, южные аллювиальные равнины стали колыбелью соперничавших городов-государств, жизнь которых изобиловала взлетами и падениями. Наиболее известны из них Киш, Ур и, прежде всего, Урук, где происходило нечто удивительное и не имевшее исторических аналогов. С одной стороны, группы священников, сильных мужчин и местных лидеров расширяли и институционализировали те структуры власти, что прежде опирались только на идиоматику родства. Впервые в истории они создали нечто напоминавшее современное государство, хотя и не мыслили происходившее в такой терминологии. С другой стороны, тысячи земледельцев, ремесленников, торговцев и работников как бы были перепрофилированы в подданных, для чего были подсчитаны, обложены налогами, призваны на военную службу, принуждены к труду и подчинены новой форме контроля.

Примерно в то же время появились первые формы письменности³³. Почти одновременное возникновение первых государств и первых форм письменности искушает сделать грубый функционалистский вывод, что будущие чиновники изобрели системы обозначений, которые име-

ли первостепенное значение для государственного строительства. Действительно, невозможно помыслить даже самые древние государства без систематических технологий количественного учета, даже если таковой имел форму узелкового письма инков (*кипу*). Безусловно, первое условие государственного присвоения (для любых целей) — инвентаризация имеющихся ресурсов (населения, земли, урожая, поголовья скота и складских мощностей). Однако эта информация, как и кадастровая съемка, быстро устаревает. Государственная экспансия требовала постоянного документального учета поставок зерна, отработанной барщины, реквизиций, счетов и т.д. Как только государственное образование разрасталось до нескольких тысяч подданных, ему требовались иные системы исчисления и формы документооборота, чем память и устная традиция.

В качестве убедительного примера взаимосвязи государственного управления и письменности можно привести Месопотамию, где она использовалась, по сути, для бухгалтерского учета за полтысячелетия до того, как начала отражать те цивилизационные достижения, что мы сегодня с ней связываем, — литературу, мифологию, хвалебные гимны, царские родословные и генеалогии, исторические хроники и религиозные тексты³⁴. Например, величественный «Эпос о Гильгамеше» датируется Третьей династией Ура (около 2100 года до н.э.), т.е. тысячелетием позже первого использования клинописи для государственных и коммерческих нужд.

Какие выводы о реальном управлении на местах в Шумере можно сделать из коллекции клинописных табличек, которые были восстановлены и переведены? Как минимум они показывают, как много усилий было потрачено на создание системы обозначений, которая позволила правителям и храмовым чиновникам оценивать рабочую

силу и ее производительность, а также отбирать у населения зерно и труд. Безусловно, мы хорошо знаем современную бюрократию и понимаем, что документы не всегда отражают реалии жизни: их подделывают и заполняют неверными сведениями в личных интересах или в угоду начальству. Правила и положения, скрупулезно прописанные на бумаге, могут вообще не работать на практике. Земельные реестры могут быть подтасованы, утрачены или быть неточны. Порядок ведения записей, как и порядок на плацу, часто скрывает чудовищный хаос в реальном управлении и на поле битвы. Записи часто показывают нам некоторую утопическую картину государственного управления, которая похожа на классификационную модель Линнея своей логикой — категории и единиц измерения и, самое главное, объекты наблюдения. Я полагаю, здесь подходит образ «государства-интенданта с нездоровым блеском в глазах». Как бы подтверждая необузданную страсть чиновничества к учету, главным символом царской власти в Шумере был «стержень и линии» — наверняка инструменты землемера³⁵. Далее мы рассмотрим это государственное воображение на практике в кратком обзоре систем управления в Месопотамии и Древнем Китае.

Древнейшие административные документы (клинописные таблички) из Урука Четвертой династии (3300–3100 годы до н. э.) — это списки, списки и списки, в основном рабочих, зерна и налогов. Темы сохранившихся табличек в порядке частоты встречаемости таковы: ячмень (в форме пайков и налогов), военнопленные и рабы — мужчины и женщины³⁶. Предметом заботы Урука Четвертой династии, как позже и других центров государственности, была численность населения. Навязчивой идеей всех древних царств было ее максимальное увеличение — обычно эта идея стояла за завоеванием территорий. Именно население —

РИС. 11. Клинописная табличка с изображением пополнения и изъятия складских запасов

Фотография любезно предоставлена Британским музеем.

земледельцы, ремесленники, солдаты и рабы — было богатством государства. Зависимая от Ура Умма, где было найдено множество клинописных табличек, датируемых примерно 2255 годом до н.э., была поразительно развита для своего времени, занимая 100 гектаров земли и располагая населением в 10–20 тысяч человек — внушительным с точки зрения управления. Фундаментом системы учета в Умме была перепись населения по параметрам местожительства, возраста и пола — по ним рассчитывалось подушное налогообложение, барщина и воинский призыв. Это был «имманентный» проект, так никогда и не реализованный на практике, видимо, за исключением храмового хозяйства и подневольной рабочей силы. Земельные наделы (храмовые и частные) проектировались (размеры, качество почвы и ожи-

даемая урожайность) таким образом, чтобы можно было дать им налоговую оценку. Ряд шумерских государственных образований, особенно Ур Третьей династии, напоминают командно-административную экономику — жестко централизованную (на бумаге, вернее на глиняных табличках), милитаризованную, строго регламентированную и похожую на воинственную Спарту среди греческих полисов. Одна клинописная табличка упоминает 840 порций ячменя, отмеренных, по всей вероятности, в скошенные чаши (предмет массового производства в ту эпоху?) объемом в два литра. На других табличках записаны пайки пива, крупы и муки, что говорит о повсеместности трудовых бригад, состоявших из военнопленных, рабов и отработывавших барщину.

Главными элементами государственного строительства в древности были стандартизация и абстрактное мышление, необходимые для учета и распределения рабочей силы, зерна, земли и продовольствия. Крайне важным для стандартизации стало изобретение (благодаря письменности) номенклатуры основных типов документов — счетов, рабочих заказов, трудовых взносов и пр. Создание и навязывание письменной системы кодировки в городах-государствах привело к вытеснению общепотребительных речевых оборотов и стало доминирующей технологией сокращения расстояний в небольших царствах. Были введены трудовые нормы для таких задач, как вспашка, боронование и сев. Были заданы «рабочие периоды», показывающие соотношение «кредита и дебета» в рабочих заданиях. Для рыбы, масла и тканей были введены критерии классификации и оценки качества, опирающиеся на вес и структуру. Скот, рабы и работники классифицировались по полу и возрасту. Таким образом, мы видим здесь в зачаточном состоянии всю систему статистического учета, жизненно необходимую расширяющемуся государству, которое

стремилось выжать как можно больше из своих территорий и населения. Другой вопрос — насколько грозной вся эта система регламентации была на практике.

В Древнем Китае письменность возникла вдоль берегов Желтой реки на тысячелетие позже. Вероятно, она начала формироваться в регионе культуры Эрлитоу, но свидетельств тому не сохранилось. Наиболее известные образцы этой письменности относятся к эпохе династии Шан (1600–1050 годы до н.э.) — это гадальные кости. С этого момента и до Эпохи воюющих царств (476–221 годы до н.э.) письменность использовалась постоянно, особенно в государственном управлении. Однако лишь в период славного, короткого и реформаторского правления династии Цинь (221–206 годы до н.э.) связь между письменностью и государственным строительством стала наиболее очевидна. Династия Цинь, подобно Третьей династии Ура, была одержима порядком и систематизацией, поэтому добилась вполне исчерпывающей оценки и полной мобилизации своих ресурсов. По крайней мере на бумаге амбиции династии Цинь были безмерны. Ни в Китае, ни в Месопотамии письменность сперва не предназначалась для фиксации устной речи.

Непременным условием стандартизации и простоты, к которым стремилась династия Цинь, была обновленная и унифицированная система письма: из нее была удалена четверть идеограмм, она стала более геометрически четкой и применялась на всей территории царства. Поскольку письмо не было транскрипцией речевого диалекта, то обрело своего рода универсальность³⁷. Как и в других древних и быстро разросшихся государствах, стандартизация также затронула чеканку монет, единицы веса, длины и объема (в том числе систему измерений зерна и земли). Власть стремилась искоренить многообразие местных традиционных

практик измерения, чтобы впервые в истории центральная администрация смогла точно оценить имевшиеся в ее распоряжении богатства, а также свои производственные и человеческие ресурсы. Главной целью было создание централизованного государства, а не сильного города-государства, довольствовавшегося периодическим сбором дани с созвездия окружавших его квазинезависимых городов-спутников. Придворный историограф династии Хань Сыма Цянь высоко оценивал достижения Шан Яна, императора династии Цинь, превратившего царство в суровую военную машину: «Для полей он построил *цань* и *ма* (горизонтальные и вертикальные дороги) и задал границы <...> уравнивал военные и земельные налоги и ввел стандарты измерения объема, веса и длины»³⁸. Позже были унифицированы рабочие нормы и орудия труда.

В ситуации регионального военного соперничества конкурировавшим государствам приходилось выжимать максимум из своих ресурсов, что означало создание новых и совершенствование имевшихся ресурсов с помощью доступных технологий. Скрупулезная регистрация домохозяйств для упрощения подушевого налогообложения и воинского призыва, как и переписи все увеличивающегося населения, была признаком сильной власти. Пленники размещались вблизи царского двора, перемещения населения ограничивались нормативными актами. Одной из ключевых черт государственного строительства в древних аграрных царствах были попытки удержать население на одном месте и не допустить его самовольных перемещений. Физическая мобильность и рассеяние — проклятие сборщика налогов.

К счастью для него, земля остается на одном и том же месте. Однако, когда династия Цинь признала частные землевладения, она провела их тща-

тельную кадастровую оценку, привязав каждый клочок пашни к конкретному владельцу/налогоплательщику. Земельные наделы были классифицированы по критериям качества почвы, возделываемых культур и колебания осадков, что позволило налоговым чиновникам рассчитать ожидаемую урожайность и налоговые ставки. Также налоговые чиновники династии Цинь ежегодно оценивали урожай на корню, что, по крайней мере теоретически, позволяло корректировать налоговые ставки с учетом реальных урожаев.

Таким образом, главной задачей государственных чиновников, которую они решали с помощью письменности, статистического учета, переписей и измерений, был переход от грабежа в чистом виде к более рациональным формам отъема труда и продовольствия у подданных.

Этот проект, несмотря на его исключительную важность, вряд ли был единственным инструментом государства, стремившегося так изменить ландшафт своей подконтрольной территории, чтобы она стала более плодородной, а ее ресурсы было проще оценивать и легче изымать. Хотя не древние государства придумали орошение и способы контроля воды, они расширили оросительные системы и каналы, чтобы упростить транспортное сообщение и увеличить зерновые посевы. При любой возможности государства увеличивали численность и усиливали контроль над своим трудоспособным населением, насильственно переселяя подданных и военнопленных. Введенная династией Цинь система «равных полей» должна была обеспечить каждому подданному достаточный надел земли, чтобы платить налоги и пополнять царское войско.

Понимая важность населения, в эпоху династии Цинь государство не только запретило ему покидать свою территорию, но и официально вве-

ло элементы пронаталистской политики — налоговые льготы для женщин, родивших новых подданных, и их семей. Неолитический переселенческий лагерь был ядром древнейших государств, но искусство государственного строительства в тот период состояло преимущественно в хитроумной политической перекройке ландшафта для упрощения обогащения (больше посевов зерновых, больше населения и выше его плотность) и в создании информационных технологий (письменных записей), которые облегчали доступ государства к ресурсам. Однако именно усилия по всестороннему (вширь и вглубь) политическому проектированию пространства могли стать причиной гибели самых амбициозных древних государств: гиперрегламентированная Третья династия Ура не продержалась и столетие, а династия Цинь правила всего пятнадцать лет.

Если письменность столь неразрывно связана с государственным строительством, то что происходит, если государство исчезает?

Имеющиеся немногочисленные данные свидетельствуют о том, что без армии государственных чиновников, административных документов и иерархической коммуникации область применения письменности резко сокращается (если она в принципе сохраняется). Это неудивительно, учитывая, что в древнейших государствах писать умел очень узкий слой, в основном чиновники.

Примерно с 1200 по 800 годы до н.э., в «темные века» древнегреческой истории, полисы распались. Когда письменность возродилась, это было не прежнее линейное письмо Б, а совершенно новый вид письма, заимствованный у финикийцев. Однако в «темные века» греческая культура не исчезала, а сохранялась в устных формах — в этот период были созданы «Илиада» и «Одиссея», записанные позже.

Распад Римской империи в V веке, несмотря на ее обширную литературную традицию, привел к почти полному исчезновению латыни за пределами всего нескольких религиозных учреждений. Видимо, в древнейших государствах письменность возникала как, в первую очередь, инструмент государственного строительства, а потому была столь же хрупка и мимолетна, как сами первые государства.

А что, если грамотность в первых обществах была одним из способов коммуникации, как земледелие — одним из способов выживания?

Разные технологии земледелия были известны задолго до их широкомасштабного распространения только в определенных экологических и демографических условиях.

То же самое можно сказать о письменности: мир не был «темен» до ее изобретения, после которого все общества либо обрели письменность, либо стремились к этому. Первые формы письменности были артефактом государственного строительства, концентрации населения и расширения территорий, а потому оказались непригодны для иных условий.

Один исследователь древней письменности Месопотамии предположил, хотя и бездоказательно, что во всех других регионах она отвергалась из-за своей неразрывной связи с государством и налогами — точно также вспашка долго отвергалась, поскольку однозначно ассоциировалась с тяжелым трудом:

[Почему] все самобытные сообщества на периферии отказывались использовать письменность, хотя многие археологические культуры испытывали влияние развитой южной Месопотамии? Можно предположить, что этот отказ от сложностей был сознательным. Но каковы его причины?..

Вероятно, дело не в недостаточном уровне интеллектуального развития для восприятия сложной письменности: жители периферии оказались столь умны, что на протяжении по меньшей мере 500 лет ускользали от репрессивных государственных структур, и письменность была навязана им только после военного завоевания <...> Каждый раз периферия отвергала все сложные технологии даже в случае их прямого воздействия <...> и тем самым еще полтысячелетия избегала закабаления государством³⁹.

ГЛАВА 5

Контроль населения: неволя и война

В изобилии людей — честь
короля, нужда в людях —
погибель принца.

Пословица

Если народ рассеивается и его
не удержать, город-государство
превратится в грудку руин.

*Древнекитайское руководство
по управлению*

Это правда, я признаю, что оно
[королевство Сиам] больше
моего, но и вы должны
признать, что король Голконды
правит людьми, а король
Сиам — лесами и комарами.

*Из обращения короля Голконды
к посетителю из Сиам, примерно
1680 год*

В большом доме со множеством
слуг дверь можно оставлять
открытой; в маленьком доме
с несколькими слугами двери
нужно закрывать.

Сиамская поговорка

ВЫШЕ приведено сразу несколько эпиграфов, чтобы показать ту степень озабоченности обретением и контролем населения, что составляла суть искусства управления первыми государствами. Контроль над плодородным и хорошо увлажненным участком аллювиальной равнины ничего не значил до тех пор, пока не начинал

приносить плоды благодаря труду живших здесь земледельцев. Определение древних государств как «машин по производству населения» недалеко от истины, но только если мы признаем, что «машина» была в плохом состоянии и часто ломалась, причем не только из-за ошибок в государственном управлении. Государство очень сосредоточенно следило за численностью и производительностью своих «одомашненных» подданных — как пастух оберегает свое стадо, а земледелец ухаживает за своим урожаем.

Императив собирания людей, расселения их вблизи центра власти, удержания их на месте и принуждения к производству излишков, превышающих их потребности, — вот суть искусства управления первыми государствами¹. Если не обнаруживалось оседлого населения, которое могло стать ядром государственного строительства, то его приходилось собирать для этой цели. Таков был руководящий принцип испанской колонизации в Новом Свете, на Филиппинах и повсеместно. Концентрация (зачастую принудительная) коренных народов в поселениях вокруг центра испанской власти в колониях считалась частью цивилизационного проекта, но в то же время эти поселения выполняли важную задачу — обслуживали и кормили конкистадоров. Христианские миссии (любых деноминаций), появлявшиеся среди рассеянного населения колоний, начинали с того же самого — собирали вокруг себя занятое производительным трудом население, и уже отсюда занимались обращением в христианство.

Способы собирания населения и принуждения его к производству излишков менее важны, чем сам факт того, что здесь производились излишки, которые присваивались элитами, в производстве не участвовавшими. Эти излишки не существовали до тех пор, пока первые формы государственности не создали их. Вернее, пока государство не извле-

кает и не присваивает излишки, любая потенциальная дополнительная производительность, которая в принципе возможна, «потребляется» сферой досуга и культурным развитием. До того как появились централизованные политические структуры типа государства, преобладал, по выражению Маршалла Салинса, домашний способ производства². Доступ к ресурсам — земле, пастбищам и охоте — был открыт для всех благодаря членству в группе, будь то племя, клан или семья, которая контролировала эти ресурсы. За исключением изгнания, индивиду не был запрещен прямой и независимый доступ к любым источникам пропитания, которые были в распоряжении конкретной группы. В ситуации отсутствия как принуждения, так и шанса на капиталистическое накопление не было стимулов для производства больше того, что требовал местный прожиточный минимум и стандарты комфорта. Соответственно, не было никаких причин работать еще усерднее в сельском хозяйстве — единственным критерием была достаточность. Логика этой модели крестьянского хозяйства была описана с убедительной эмпирической детализацией А. В. Чаяновым: помимо всего прочего, он показал, что если в семье было больше работников, чем неработавших иждивенцев, то она сокращала трудовые усилия, как только достигала уровня достаточности³.

Для целей нашего исследования важно, что крестьянство, если продукции достаточно для удовлетворения его базовых потребностей, не будет автоматически производить излишки, которые будут присвоены элитами, а должно быть вынуждено делать это. В демографических условиях раннего государственного строительства, когда традиционные средства производства были многочисленны и не монополизированы, появление излишков было возможно только в рамках той или иной формы несвободного, принудительного труда — барщины, вынужденных поставок зерна и других продук-

тов, долговой кабалы, крепостного права, круговой поруки и уплаты дани, а также разных форм рабства. Как мы увидим далее, каждое древнейшее государство использовало свое уникальное сочетание видов принудительного труда и нуждалось в сохранении хрупкого баланса между максимизацией государственных излишков с одной стороны и риском провоцирования массового бегства подданных, особенно при наличии открытой границы, — с другой. Лишь значительно позже, когда мир оказался как бы полностью оккупирован государствами, а средства производства стали принадлежать или управляться исключительно государственными элитами, контроль средств производства (земли), без институтов закабаления, стал достаточен для того, чтобы обеспечивать излишки. Как отметила Эстер Бозеруп в своей классической работе, пока существуют иные источники пропитания, «невозможно заставить членов низшего класса отказаться от их поиска каким-либо иным способом, кроме личной несвободы. Когда плотность населения повышается настолько, что позволяет контролировать землю, нет необходимости держать низшие классы в кабале: достаточно лишить рабочий класс права быть независимыми земледельцами» — собирателями, охотниками-собирателями, подсечно-огневыми земледельцами, скотоводами⁴.

В первых государствах надежный уровень несвободы низших классов означал удержание их в зерновом центре и недопущение их бегства, чтобы избавиться от тяжелого труда и/или самого рабства⁵. Предпринимая всевозможные усилия, чтобы воспрепятствовать бегству подданных и наказывать за него (древнейшие своды законов заполнены соответствующими предписаниями), архаичное государство все же не обладало средствами, чтобы исключить небольшой отток населения даже в нормальных условиях. В тяжелые времена, скажем, в случае неурожая, необычайно высоких налогов или войны,

эта тонкая струйка беглецов превращалась в смертельное для государства кровотоечение. Помимо сдерживания этого оттока, большинство архаичных государств стремились восстановить свои демографические потери разными способами, включая войны для захвата рабов, их покупку у работорговцев и принудительное переселение целых сообществ поближе к зерновому центру.

Численность населения зернового центра, при условии, что он контролировал плодородные земли достаточных размеров, была надежным и почти безошибочным индикатором его относительного богатства и военного мастерства. Помимо выгодного расположения на торговых и водных путях или поразительно мудрых правителей, сельскохозяйственные технологии, как и методы ведения войн, были весьма статичны и зависели преимущественно от рабочей силы. Государство с самой большой численностью населения обычно было самым богатым и, как правило, в военном отношении превосходило более мелких соперников. Одним из доказательств этого важнейшего факта является то, что наградой победителя в войне чаще были пленники, а не территория, т. е. проигравшим, особенно женщинам и детям, победитель сохранял жизни. Много столетий спустя Фукидид признал логику сохранения рабочей силы, воздав хвалу спартанскому полководцу Брасиду за то, что он договорился о мирной капитуляции и тем самым увеличил налоговую базу и рабочую силу Спарты, не погубив жизни спартанцев⁶.

Искусство ведения войн на аллювиальных равнинах Месопотамии с конца периода Урука (3500–3100 годы до н. э.) и на протяжении двух тысячелетий было схожим и состояло не столько в завоевании территории, сколько в собирании населения в зерновом центре. Благодаря оригинальному и скрупулезному исследованию Сета Ричардсона мы знаем, что подавляющее большинство войн

на аллювиальных равнинах велось не между крупными и известными городами-государствами — это были небольшие военные кампании, посредством которых каждое крупное государственное образование завоевывало независимые сообщества в собственных внутренних районах, чтобы увеличить свое трудоспособное население и тем самым свою власть⁷. Государственные образования стремились и силой, и убеждением собрать «неусмирённые» и «рассеянные» народы в одно «стадо безгосударственных народов под государственным контролем». Как отмечает Ричардсон, этот процесс был неизменным императивом для государств, поскольку они теряли «свое население и в результате действий, и в пользу безгосударственных групп». Хотя государства претендовали на якобы искусное управление подданными, на самом деле они постоянно прилагали усилия, чтобы компенсировать потери от их бегства и смертности, как правило, проводя насильственные кампании, чтобы заполучить новых подданных из числа «не облагаемых налогами и неуправляемых» народов. Кодексы законов Древнего Вавилона явно озабочены беглецами и побегами, а также попытками вернуть их на назначенное им место жительства и работы.

Государство и рабство

Рабство не было изобретено государством. Разные формы порабощения (индивидуального и общинного) широко практиковались безгосударственными народами. Фернандо Сантос-Гранарос задокументировал множество форм общинного рабства в доколумбовой Латинской Америке, многие из которых сохранились и в период колониального рабства после Конкисты⁸. Хотя в целом рабство смягчали процессы ассимиляции и восходящей мобильности, оно было распространено среди корен-

ных американских народов, нуждавшихся в рабочей силе. Несомненно, закабаление людей было известно на древнем Ближнем Востоке до появления первых государств. Аналогично оседлости и одомашниванию злаков, которые предшествовали государственному строительству, первые государства лишь развили и расширили масштабы института рабства как основополагающего инструмента максимизации численности трудоспособного населения и излишков, которые государства могли присвоить.

Невозможно преувеличить центральную роль закабаления (в той или иной форме) в развитии государств вплоть до недавнего времени. Как отметил Адам Хохшильд, в 1800 году примерно $\frac{3}{4}$ мирового населения фактически жили в неволе⁹. В Юго-Восточной Азии все первые государства были рабовладельческими и работорговыми: до конца XIX века самым ценным грузом малайских торговцев в островной части Юго-Восточной Азии были рабы. Старики из «коренного народа» (*оринг-сли*) Малайского полуострова и из горных народов Северного Таиланда вспоминают истории своих родителей и дедушек-бабушек о страшных набегах работорговцев¹⁰.

Учитывая разнообразие форм, которые закабаление принимало в истории, возникает искушение предположить, что «без рабства нет государства». Известен вопрос Мозеса Финли «Была ли греческая цивилизация основана на рабском труде?» и его громкий и подтвержденный документально ответ — «да»¹¹. Рабы составляли абсолютное большинство, возможно даже $\frac{2}{3}$, афинского общества: институт рабства воспринимался как само собой разумеющийся, поэтому никогда не возникал вопрос о его отмене. Согласно Аристотелю, некоторые люди, по причине отсутствия у них рациональных способностей, являются рабами по природе и их нужно использовать как рабочий скот, как орудия труда. В Спарте рабы составляли еще большую

долю населения, чем в Афинах. Однако различие, к которому мы вернемся позже, состояло в том, что большинство рабов в Афинах были пленниками из числа народов, что не говорили на греческом, тогда как рабы в Спарте были преимущественно «илотами» — местными земледельцами, которых Спарта завоевала и с помощью общинного закрепощения заставляла работать и производить все необходимое для «свободных» спартанцев, т. е. речь идет о присвоении зернового комплекса оседлого населения военизированным государством на этапе его строительства.

Имперский Рим, государственное образование столь мощное, что по масштабам с ним мог соперничать лишь самый восточный его современник — Китай династии Хань, превратил большую часть средиземноморского бассейна в огромный невольничий рынок. Каждая военная кампания Рима служила прикрытием для работорговцев и солдат, которые пытались разбогатеть, продавая или получая выкуп за лично захваченных пленников. По одной из оценок, только Галльские войны привели к появлению около миллиона новых рабов, а в Риме и Италии в эпоху Августа рабы составляли от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всего населения. Повсеместность рабов как товара подтверждается тем фактом, что в классический период раб превратился в «стандарт» измерения: в какой-то момент (следует учитывать рыночные колебания) пара рабочих мулов стоила трех рабов.

Рабство и кабала в Месопотамии

В самых ранних, плохо отраженных в исторических документах небольших городах-государствах Месопотамии наличие рабства и других форм кабалы не подлежит сомнению. Как нас убеждает Финли, «догреческий мир — шумеров, вавилонян, египтян и ассирийцев... — был миром без свободных лю-

дей в том смысле, в каком запад сегодня использует это понятие»¹². Однако вопрос касается, скорее, масштабов рабства, его форм и того, насколько оно было важно для функционирования государств¹³. Среди исследователей сложилось общее мнение, что, хотя рабство, несомненно, существовало, оно играло относительно незначительную роль в экономике¹⁴. После знакомства со скудными (по общему убеждению) историческими свидетельствами я хочу оспорить это мнение. Хотя в Месопотамии рабство не играло столь же принципиально важную роль, как в Афинах, Спарте или Риме классического периода, оно все равно имело решающее значение по трем причинам: обеспечивало рабочую силу для производства самого важного экспортного товара — тканей; поставляло дешевый пролетариат для самой тяжелой работы (например, строительства каналов и стен); служило одновременно символом и наградой за привилегированный статус. Я надеюсь убедительно показать, сколь важным рабство было для государственных образований Месопотамии. Если принять во внимание и другие формы несвободы (долговая кабала, принудительное переселение и барщина), то невозможно отрицать значение подневольного труда для поддержания и расширения зерно-трудового модуля в центре государств.

Отчасти споры о роли рабства в древнем Шумере обусловлены терминологией. Различие точек зрения объясняется в том числе тем, что здесь использовалось множество слов, которые могли одновременно обозначать и «раба», и «слугу», «подчиненного», «подчиненное лицо» или «крепостного». Тем не менее случаи покупки и продажи людей (владение движимым имуществом) прекрасно описаны, хотя неизвестно, насколько широко они были распространены.

Самой очевидной категорией рабов были захваченные в ходе войн пленники. Учитывая постоян-

ную потребность в рабочей силе, большинство войн были захватническими, их успех измерялся количеством и качеством пленников — мужчин, женщин и детей. Среди выделенных И. Дж. Гельбом источников подневольной рабочей силы — домашние рабы, долговые, рабы, купленные на рынке у их похитителей, завоеванные народы, возвращенные обратно и принудительно расселенные группами, военнопленные — последние два наиболее важны¹⁵. Обе категории рабов — это военная добыча. В одном списке из 167 военнопленных оказалось мало шумерских и аккадских имен (т. е. местных жителей); подавляющее большинство происходили из горных районов и территорий к востоку от Тигра. Одна идеограмма «раба» в Месопотамии III тысячелетия представляла собой сочетание знаков «гора» и «женщина», т. е. обозначала женщин, захваченных в ходе военных вылазок в горы или обменянных работоторговцами на товары. Родственная идеограмма, где знак «мужчина» или «женщина» сочетался со знаком «чужая земля», вероятно, тоже обозначала раба. Если целью войн был, в первую очередь, захват пленных, то имеет смысл рассматривать их скорее как работоторговые набеги, чем как обычные военные кампании.

Единственным значимым и исторически задокументированным рабовладельческим институтом в Уруке были подконтрольные государству текстильные мастерские, где работало около десяти тысяч женщин. В большинстве источников они упоминаются как рабыни, но среди них могли быть должники, неимущие, подкидыши и вдовы, как и в работных домах викторианской Англии. Некоторые историки этого периода утверждают, что женщины и подростки, взятые в плен в ходе войн, а также жены и дети должников составляли основу рабочей силы в текстильном производстве. Исследователи этой текстильной «промышленности» подчеркивают, сколь решающее значение она

имела для элит, чья власть зависела от постоянно-го притока металлов (в частности меди) и другого сырья из-за пределов бедной ресурсами аллювиальной равнины. Государственное текстильное предприятие производило основной торговый товар, который можно было обменивать на необходимые ресурсы. Мастерские представляли собой своего рода изолированный «гулаг», чей подневольный труд поддерживал новый слой религиозной, гражданской и военной элиты. Не менее важны они были и с демографической точки зрения. По разным оценкам население Урука в 3000 году до н.э. составляло 40–45 тысяч человек, и тогда 9 тысяч текстильных работниц — по крайней мере 20% жителей Урука, и это не считая пленников и рабов в других секторах экономики. Для обеспечения этих и других государственных работников зерновыми пайками был необходим внушительный административный аппарат для оценки, сбора и хранения зерна¹⁶.

В ряде письменных источников из Урука часто упоминаются несвободные работники, особенно рабыни иностранного происхождения. Согласно Гильермо Алгазу, они были основной рабочей силой для государственной администрации Урука¹⁷. Писцы записывали работников в группы (как иностранцев, так и местных жителей) по возрасту и полу, по аналогии с описанием «подконтрольных государству стад домашних животных». «Таким образом, для писцов Урука и институтов, которые их нанимали, эти работники выступали как „одомашненные“ люди, т.е. в статусе, полностью эквивалентном домашним животным»¹⁸.

Что еще мы можем сказать об организации жизни, труде и отношении к пленникам и рабам? Несмотря на фрагментарность данных, достаточно детальная и уникальная картина вырисовывается из описания 469 рабов и военных пленников, привезенных в Урук и содержавшихся в «доме пленных» в годы

правления Рим-Анума (примерно 1805 год до н. э.). «Скорее всего, подобные дома пленных существовали повсеместно в Месопотамии, а также в других регионах древнего Ближнего Востока»¹⁹. Такой «дом» выполнял функцию своеобразного бюро по распределению рабочей силы. Пленники обладали широким спектром навыков и опыта и выдавались индивидам, храмам и военным офицерам в качестве лодочников, садовников, сборщиков урожая, пастухов, поваров, артистов, ткачей, гончаров, ремесленников, пивоваров, для ухода за животными, ремонта дорог, молотбы зерна и т. д. В обмен на предоставляемую рабочую силу «дом», но, очевидно, не сам работный дом, получал муку. Его хозяева стремились создавать небольшие трудовые бригады и часто перемещать их, тем самым сводя к минимуму угрозу восстаний и побегов.

Другие исторические источники свидетельствуют, что с рабами и пленниками плохо обращались. Многие из них изображены в шейных кандалах или в физически угнетенном состоянии. «На цилиндрических печатях мы часто встречаем изображения сцены, где правитель контролирует своих людей, избивающих дубинками закованных в кандалы заключенных»²⁰. Обнаружено множество описаний того, как пленников умышленно ослепляли, но неизвестно, насколько общепринятой была эта практика. Вероятно, самым убедительным доказательством жестокого обращения с пленниками является вывод ученых, что находящаяся в рабстве часть населения не воспроизводила себя. Поражает и количество пленников, которые указаны в списках как умершие, и непонятно, по какой причине — из-за тяжелого марш-броска, переутомления или недоедания²¹. Я полагаю, что столь небрежное уничтожение ценной рабочей силы объясняется не столько культурным презрением к военнопленным, сколько тем, что новых пленников войны было очень много и их легко можно было заполнить.

РИС. 12. Заключенные в шейных кандалах

Фото любезно предоставлено Иракским музеем в Багдаде (Ахмедом Камелем).

Как и следовало ожидать, самые веские косвенные данные о жизни рабов и пленников относятся к более поздним периодам после Третьей династии Ура, которые оставили множество клинописных табличек. Крайне сомнительно, что по ним можно проследить историю вплоть до Третьей династии Ура или уточнить трактовку периода Урука (около 3000 года до н.э.). Но в эти более поздние периоды отчетливо проявились элементы аппарата рабовладельческого «управления». Появились охотники за головами, специализировавшиеся на обнаружении и возвращении беглых рабов. Беглецы были поделены на «недавно» и давно сбежавших, «погибших» и «возвращенных», хотя вряд ли удавалось вернуть много беглых рабов²². Во многих источниках упоминаются случаи, когда население покидало города по самым разным причинам — голода, угнетения, эпидемий или войн. Несомненно, среди них были и военнопленные, хотя неизвестно, возвращались они обратно на родину, предпочитали

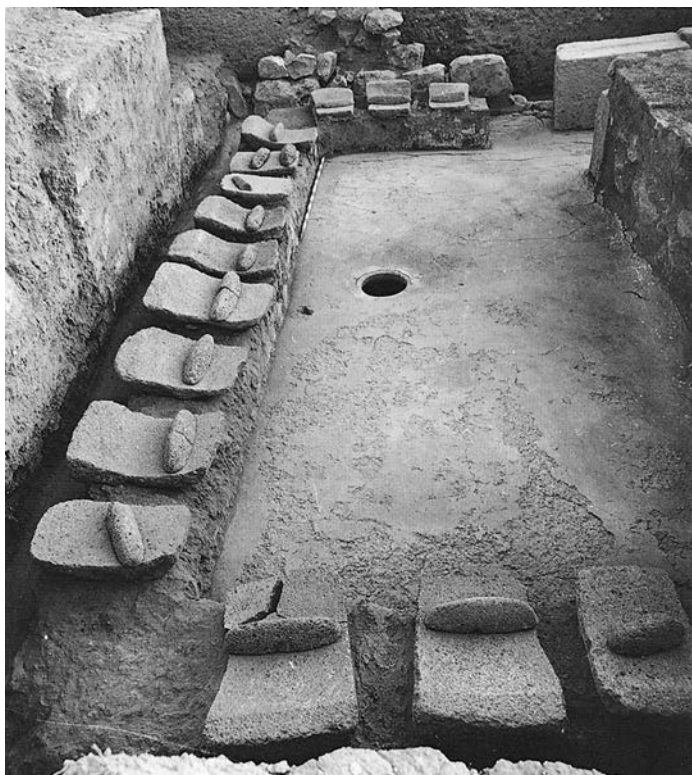

РИС. 13. Молотильня начала II тысячелетия
(город Эбла)

Перепечатано из книги: Postgate, *Early Mesopotamia*.

бежать в другой город (где им, безусловно, были бы рады) или заняться скотоводством. В любом случае бегство было главной политической проблемой для городов аллювиальных равнин: созданный позже известный кодекс Хаммурапи изобилует наказаниями за пособничество или подстрекательство рабов к бегству.

Любопытное описание условий жизни рабов и закабаленных должников в эпоху Третьей династии Ура обнаружилось в утопическом гимне-

«небылице». Перед началом строительства главного храма (Энинну) проводился ритуал временного прекращения «обычных» общественных отношений ради радикального эгалитарного момента, и поэтический текст описывает то, чего *не* происходило в этом ритуале-исключении:

Рабыня была равной своей хозяйке
 Раб шел рядом со своим хозяином
 Сироту не принесли в дом к богатому
 Вдову не привели к обладающему властью
 Кредитор не вошел в дом человека
 Он [правитель] отменил метод кнута и пряника
 Хозяин не бил раба по голове
 Хозяйка не давала пощечины рабыне
 Он [правитель] отменил все долги²³

Изображение утопического пространства, в котором отсутствуют обычные горести бедных, слабых и закабаленных, прекрасно показывает повседневные условия их жизни.

Египет и Китай

Существовало ли рабство в Древнем Египте, по крайней мере в Древнем царстве (2686–2181 годы до н. э.), — вопрос остро дискуссионный. Я не могу дать на него ответ, потому что он зависит от того, как определяется «рабство» и о каком именно периоде в истории Древнего Египта идет речь²⁴. Как недавно отметил один исследователь, здесь возможны различия без противопоставления, поскольку барщина и трудовые повинности подданных тоже были очень обременительны. Наставление стать писцом так описывает тяжелую долю подданного: «Стань писцом. Это спасет тебя от тяжелого труда и убережет от всех видов работы. Это освободит тебя от мотыги, кирки и необходимости таскать корзину. Это избавит тебя от самой трудной работы и предотвра-

тит твои мучения, ибо не будет над тобой множества господ и многочисленных хозяев»²⁵.

Захватнические войны месопотамского типа велись в Египте в эпоху Четвертой династии (2613–2494 годы до н.э.): «иностранных» военнопленных клеймили и насильно переселяли на царские «плантации» или территории храмов и других государственных институций, где требовалась рабочая сила. Из того, что мне удалось узнать, хотя масштабы древнего рабства неизвестны, представляется, что в эпоху Среднего царства (2155–1650 годы до н.э.) было широко распространено нечто подобное движимому рабству. Пленников пригоняли после военных кампаний, ими владели и продавали работоторговцы. «Спрос на кандалы был столь высок, что храмы регулярно делали заказы на их производство»²⁶. Вероятно, рабы передавались по наследству — в описях наследуемого имущества указан домашний скот и люди. Также была распространена долговая кабала. Позже, в эпоху Нового царства (XVI–XI века до н.э.) широкомасштабные военные кампании в Леванте и против «морских народов» привели к пленению тысяч людей, и многие из них были доставлены в Египет и массово переселены в качестве земледельцев или работников смертельно опасных карьеров и шахт. Видимо, некоторые из этих пленников были среди тех строителей царских гробниц, что устроили одну из первых исторически зафиксированных забастовок против царских чиновников, когда те отказались доставить им продовольственные пайки. «Мы пребываем в крайней нужде <...> будучи лишены всего необходимого <...> Воистину мы уже умираем, мы больше не живем» — записал писец от их имени²⁷. Другие завоеванные группы должны были выплачивать ежегодную дань металлом, стеклом и, видимо, рабами. Я считаю, что наличие в Древнем и Среднем царствах неких форм рабства несомненно, и вопрос заключается в том,

какую роль оно играло в государственном управлении Египта.

То, что нам известно о недолговечной династии Цинь и последовавшей за ней ранней династии Хань, усиливает впечатление, что древнейшие государства были машинами по производству населения и стремились всеми доступными средствами увеличить свою рабочую силу²⁸. Рабство было лишь одним из таких средств. Династия Цинь полностью оправдывала свою репутацию одного из первых примеров тотального системного контроля. При ней существовали рынки рабов, ничем не отличавшиеся от рынков лошадей и крупного рогатого скота. В районах за пределами династического контроля бандиты хватали всех, кого могли, и продавали на невольничьих рынках или требовали за них выкуп. Столица обеих династий была переполнена военнопленными, захваченными государством, генералами и солдатами. Как и большинство древних войн, военные кампании обеих династий включали в себя «каперство», т. е. самой ценной добычей были пленники, которых можно было продать. Вероятно, значительную часть земледельцев в эпоху династии Цинь составляли рабы, захваченные в плен в военных кампаниях, люди, попавшие в долговую кабалу, и «преступники», приговоренные к каторжным работам²⁹.

Главным инструментом заполнения максимального числа подданных было принудительное переселение всех жителей завоеванных территорий, особенно женщин и детей. Так, ритуальный центр побежденных был разрушен, а его точная копия построена в столице династии Цинь — Синь-яне, обозначая создание нового символического центра. Для государственного управления в Древней Азии и повсеместно было характерно, что доблесть и харизма лидера измерялись его способностью собрать множество людей вокруг царского двора.

Рабство как кадровая стратегия

Наконец, война помогла сделать великое открытие — людей, как и животных, можно одомашнить. Вместо того чтобы убивать поверженного врага, его можно закабалить; в обмен на жизнь его можно заставить работать. По важности это открытие сопоставимо с приручением животных <...> Уже в древние исторические времена рабство было основой промышленности и потенциальным инструментом накопления капитала.

Гордон В. Чэйлд
«Человек создает себя»

Если на секунду представить себя на месте начальника хозяйственного снабжения, ответственного за поставки рабочей силы, и посмотреть на ситуацию с его чисто стратегической точки зрения, то станет понятно, почему рабство, обычно представленное военнопленными, имело преимущества по сравнению с другими формами присвоения прибавочного продукта. Первое преимущество связано с тем, что завоеватели брали в плен в основном людей трудоспособного возраста, выращенных за счет другого общества, и эксплуатировали их в самые продуктивные годы жизни. Завоеватели часто отклонялись от военного маршрута, чтобы захватить пленников с определенными навыками, которые потом могли работать как строители лодок, ткачи, изготовители металла, оружейники, золотых и серебряных дел мастера, не говоря уже об артистах, танцорах и музыкантах. С этой точки зрения захват рабов — это своего рода набег, а его добыча — рабочая сила и навыки, которые рабовладельческому государству теперь не нужно развивать самому³⁰.

Поскольку пленников захватывали в территориально разбросанных районах, у них было разное происхождение и их отрывали от семей (практически всегда), то они оказывались вырваны из своего социального окружения и одиноки, поэтому их было легко контролировать и ассимилировать. Если военнопленные происходили из сообществ, которые воспринимались как чуждые их захватчиками, то пленники считались не заслуживающими аналогичного с хозяевами социального обращения. В отличие от местных подданных, такие военнопленные практически не имели социальных связей и вряд ли были способны на коллективное протестное действие. Принцип социального обособления (янычар, евнухов, придворных евреев) долгое время использовался правителями, чтобы окружить себя искусными и политически безопасными слугами. Однако если численность рабов высока, они сконцентрированы в одном месте и связаны этническими узами, то социальная атомизация не срабатывает. В этом смысле показательны многочисленные восстания рабов в Греции и Риме, тогда как в Месопотамии и Египте (по крайней мере до эпохи Нового царства) рабство не имело таких масштабов.

Среди рабов особенно ценились женщины и дети. Женщин часто брали в домохозяйства в качестве жен, наложниц или служанок, а дети, как правило, быстро ассимилировались в низком статусе. В течение одного-двух поколений они и их потомки обычно становились членами местного общества, причем ниже в социальной иерархии находился новый слой недавно захваченных рабов. В нуждавшихся в рабочей силе государственных образованиях (индейские сообщества и малайское общество могут выступать историческими примерами) повсеместным было как рабство, так и быстрая культурная ассимиляция вместе с социальной мобильностью. Например, нередко пленник

малайцев женился на местной девушке, а потом сам организовывал экспедиции для захвата рабов. Учитывая, что такие общества постоянно приобретали рабов, они, безусловно, оставались рабовладельческими, но, если смотреть на них в разрезе поколений, то первые пленники становились почти неотличимы от своих похитителей.

Рабыни были столь же важны с репродуктивной точки зрения, как и рабочая сила. Вследствие высокой младенческой и материнской смертности в древних государствах, а также потребности патриархальной семьи и государства в аграрном труде рабыни были демографическим дивидендом. Рождение ими детей, видимо, играло важную роль в смягчении неблагоприятных последствий концентрации населения и проживания в домашней усадьбе. Я не могу не провести очевидную параллель с одомашниванием животных, которое требовало контроля воспроизводства. В стаде домашних овец обычно много овцематок и всего несколько баранов — чтобы максимизировать репродуктивный потенциал стада. Аналогичным образом рабыни репродуктивного возраста высоко ценились как «производители» за их вклад в функционирование древних государств как машин производства населения.

Постоянное поглощение рабов низшими уровнями социальной иерархии — важный инструмент социальной стратификации и отличительная черта древнего государства. По мере того как захваченные ранее рабы и их потомки становились частью общества, более низкие социальные уровни пополнялись новыми пленниками, что укрепляло границу между «свободными» подданными и рабами, хотя со временем она становилась все более проницаемой. Можно предположить, что большинство рабов, не отданных в тяжелую работу, были монополизированы политическими элитами древних государств. Если взять в качестве показательного примера знатные домохозяйства Греции или Рима, то в значи-

тельной степени их претензии на высокий статус обосновывались выставленным напоказ внушительным количеством слуг, поваров, искусных мастеров, танцоров, музыкантов и куртизанок. Сложно представить себе первые сложные системы социальной стратификации древнейших государств без рабов (пленных в войнах) в самом низу иерархии и без элитарных групп, зависящих от этих рабов, — на ее вершине.

Безусловно, и за пределами домохозяйств жило множество рабов. В греко-римском мире плененные солдаты противника, особенно если они оказали жестокое сопротивление, могли быть казнены, но все же бо́льшая их часть использовалась для выкупа или становилась военным трофеем армии победителя. Государство, которое зависело от своих немногочисленных производителей, вряд ли разбазаривало столь важную добычу древнего военного искусства. Хотя до нас дошли лишь бесценные крохи информации о распределении военнопленных в Месопотамии, известно, что на греко-римских территориях они использовались как доступный и дешевый пролетариат на самых тяжелых и опасных работах: на серебряных и медных рудниках, в каменоломнях, на рубке леса и как гребцы на галерах. Число занятых здесь рабов было огромным, но поскольку они работали там, где находились ресурсы, то их присутствие было малозаметным и представляемая ими угроза общественному порядку воспринималась как намного менее серьезная, чем если бы все они находились в центре городов³¹. Не будет преувеличением охарактеризовать эти работы как древний «гулаг», принимая во внимание их бригадный характер и высокий уровень смертности.

Необходимо подчеркнуть две особенности этого сектора рабского труда. Во-первых, шахты, каменоломни и заготовки древесины имели важнейшее значение для военных и монументально-строительных задач государственных элит. В небольших

месопотамских городах-государствах аналогичные запросы элит были более скромными, но не менее жизненно важными. Во-вторых, роскошь владения доступным и заменяемым пролетариатом состоит в том, что оно освобождает подданных от самой унижительной тяжелой работы и тем самым предотвращает мятежные настроения, которые такой труд может породить, при этом удовлетворяя все военные и монументально-строительные амбиции элит. Помимо разработки карьеров, добычи полезных ископаемых и заготовок леса, на которые люди идут добровольно только в полном отчаянии или за очень высокую плату, сюда можно включить гужевые перевозки, пастушество, производство кирпича, рытье каналов и дноуглубление, гончарное дело, изготовление угля и работу гребцом на лодках и кораблях. Вполне вероятно, что древнейшие государства Месопотамии приобретали все эти товары, отдавая тяжелый труд и его контроль на «аутсорсинг». Тем не менее с материальной точки зрения большая часть государственного строительства зависит именно от этих работ, поэтому крайне важно, кто их выполняет — рабы или подданные. Как вопрошает Бертольд Брехт в стихотворении «Вопросы читающего рабочего»:

Кто воздвиг семивратные Фивы?
 В книгах названы имена повелителей.
 Разве повелители обтесывали камни и сдвигали
 скалы?
 А многократно разрушенный Вавилон —
 Кто отстраивал его каждый раз вновь?³²

Грабительский капитализм и государственное строительство

Очевидное свидетельство одержимости древних государств обретением рабочей силы, будь то в Плодородном полумесяце, Греции или Юго-Восточной

Азии, — то, насколько редко их хроники хвастаются захватом территорий, поэтому бессмысленно искать в них некое подобие призыва Германии в XX веке к завоеванию *lebensraum* («жизненного пространства»). Триумфальные описания успешных военных кампаний, после восхваления доблести генералов и войск, обычно хотели впечатлить читателя количеством и ценностью награбленного. Победа Египта над королями Леванта при Кадеше (1274 год до н.э.) породила не только победную песнь, восхваляющую храбрость фараона, но и опись добычи, в частности скота и пленников — столько-то лошадей, столько-то овец, столько-то крупного рогатого скота, столько-то людей³³. Как и повсеместно, пленников часто распределяли по их навыкам и ремесленным умениям, т. е. составлялась своего рода опись обретенных завоевателями талантов. Завоеватели в принципе стремились заполучить рабочую силу, но ремесленники и артисты усиливали великолепие их царских дворов. Как правило, города и деревни побежденных народов уничтожались, чтобы пленникам было некуда вернуться. Теоретически вся добыча принадлежала правителю, но в действительности награбленное делилось между генералами и солдатами, которые забирали скот и пленников в свои домохозяйства, получали за них выкуп или продавали. В истории Пелопонесских войн Фукидид описывает несколько подобных завоеваний, добавляя, что большинство войн начиналось, когда созрел урожай, чтобы его тоже можно было захватить в качестве добычи или на прокорм скоту³⁴.

Предложенное Максом Вебером понятие «грабительский капитализм» подходит для описания огромного количества подобных войн — соперничавших государств или против безгосударственных народов на их периферии. Применительно к войне «грабительский капитализм» обозначает лишь то, что цель военной кампании — получение при-

были. Например, группа военачальников разрабатывает план вторжения в другое маленькое царство, помышляя о добыче в виде золота, серебра, скота и пленников. Это своего рода «акционерное общество», вся деятельность которого сводится к грабежу. В зависимости от того, сколько солдат, лошадей и оружия каждый заговорщик вкладывал в совместное предприятие, предполагаемая выручка делилась пропорционально инвестициям. Безусловно, такое предприятие крайне опасно — его участники (если это не финансовые покровители) потенциально рискуют своими жизнями. Несомненно, у таких войн есть и иные стратегические цели, например контроль торговых путей или сокращение противника, но для первых государств захват добычи, особенно пленников, был не просто побочным продуктом военной кампании, но ее главной задачей³⁵. Множество древнейших государств Средиземноморья систематически вели войны для захвата рабов, чтобы удовлетворять потребности в рабочей силе. Во множестве исторических примеров (в древней Юго-Восточной Азии и имперском Риме) войны были способом обретения богатства и комфортной жизни. Каждый их участник, начиная с командиров и заканчивая простыми солдатами, ожидал вознаграждения в виде собственной доли награбленного. Учитывая степень вовлеченности мужчин призывного возраста в военные кампании по захвату рабов, характерную для имперского Рима, очевидна его озабоченность самообеспечением рабочей силой для производства зерна и животноводства. Со временем огромный приток рабов позволил землевладельцам и солдатам-крестьянам заменить большую часть аграрной рабочей силы рабами, которые не подлежали призыву на военную службу.

Несмотря на относительное отсутствие убедительных данных о масштабах рабства в Месопотамии и Древнем Египте, хочется предположить,

что рабовладельческий сектор, воздвигнутый на фундаменте зерновых комплексов первых городов, несмотря на его скромные размеры, стал основополагающим компонентом мощного государства. Приток захваченных рабов удовлетворял потребности первых государств в рабочей силе, смягчая их демографические проблемы. Крайне важно и то, что рабы, за исключением незначительного числа искусных ремесленников, были заняты в самых унижительных и тяжелых видах труда, часто вдалеке от домохозяйств своих владельцев, играя главную роль в материальном и символическом поддержании их власти. Если бы государства извлекали трудовые ресурсы для подобных занятий из подданных в своих зерновых центрах, то рисковали бы спровоцировать их бегство или восстание, а возможно, и то и другое одновременно.

Особенности рабства и закабаления в Месопотамии

Как было отмечено выше, историки и археологи любят говорить, что «отсутствие доказательств не является доказательством отсутствия». Рассмотренные нами свидетельства рабства и закабаления, несомненно, существуют, однако они столь разрозненны, что убедили ряд ученых, будто масштабы рабства и закабаления были незначительны. Ниже я надеюсь объяснить, почему по обнаруженным в Месопотамии данным кажется, что рабство играло здесь менее навязчиво-основополагающую для государства роль, чем в Греции или Риме. Причины тому — скромные размеры и незначительные географические масштабы контроля месопотамских государственных образований, происхождение их закабаленного населения, разрешенные «субподряды» в сфере несвободного труда, важность барщины свободных подданных и возможная роль общинных

форм рабства. Изучая научные исследования труда в Месопотамии, я обнаружил, что по крайней мере в ряде проектов монументального строительства от подданных (не рабов) требовалось значительно меньше труда, чем считалось ранее, а иногда такие проекты сопровождались ритуальными пиршествами после завершения строительства³⁶.

Вот три очевидные причины того, почему Месопотамия третьего тысячелетия не кажется нам столь же рабовладельческим обществом, как Афины или Рим: меньшая численность населения первых государственных образований, сравнительно меньшее число оставленных ими документальных источников и относительно небольшая контролируемая ими географическая зона. Афины и Рим были грозными морскими державами, которые импортировали рабов со всего известного на тот момент мира и привозили почти всех своих рабов из самых разных и самых дальних стран, не говорящих по-гречески или по-латыни. Этот социокультурный факт в значительной мере объясняет типичную ассоциацию государственных народов с цивилизацией, а безгосударственных — с варварством. Напротив, месопотамские города-государства захватывали пленников недалеко от дома, поэтому, видимо, они были культурно близки своим похитителям. Соответственно, можно предположить, что, если это позволялось, рабы могли быстро ассимилироваться, восприняв культуру и нравы господ. Если речь шла о молодых женщинах и детях (обычно самых ценных пленниках), то смешанный брак или статус наложницы помогал забыть об их социальном происхождении через несколько поколений.

Происхождение военнопленных — осложняющий ситуацию фактор. Большинство исследований рабства в Месопотамии описывают пленников войны как тех, кто не говорил ни на аккадском, ни на шумерском. Однако войны между города-

ми-государствами аллювиальных равнин были обыденностью того времени. Если на самом деле большинство пленников в Месопотамии были добычей межгородских войн, т.е. результатом обмена подданными из прежде независимых местных сообществ, то, учитывая их общую культуру, скорее всего, пленники без лишних слов и усилий превращались в подданных пленившего их города-государства, видимо, пропуская этап формального рабства. Чем больше культурные и лингвистические различия между рабами и господами, тем легче провести и поддерживать социальную и юридическую границу, которая задает жесткую социальную дифференциацию, характерную для рабовладельческих обществ. Так, в Афинах в V веке до н.э. существовал внушительный класс (более 10% населения) метеков, название которых обычно переводится как «жители-чужеземцы». Они могли свободно жить и торговать в Афинах, имели обязательства (но не привилегии) граждан (например, должны были платить налоги и нести воинскую повинность), и значительную их часть составляли бывшие рабы. Конечно, если мы задаемся вопросом, действительно ли города-государства Месопотамии отчасти утоляли свою ненасытную жажду рабочей силы, поглощая военнопленных и беженцев из культурно схожих сообществ, и даем на этот вопрос положительный ответ, то тогда эти пленники и беженцы, видимо, становились не рабами, а особой категорией «подданных», а со временем полностью ассимилировались.

Как большинство западных потребителей сегодня никогда не окажется в тех условиях, в которых воспроизводятся материальные основания их жизни, так и греки в Афинах почти не замечали примерно половину рабского населения города-полиса, которая работала в карьерах, на шахтах, в лесах и на галерах. Государства Месопотамии в меньшей степени нуждались в мужской рабочей силе, чтобы

добывать камень, медь для вооружений, древесину для строительства, на дрова и уголь. Все эти работы велись на большом расстоянии от поймы рек, поэтому были относительно незаметны для жителей центра, но не для государственных элит. Вероятно, феномен «экспансии Урука» — обнаружение культурных артефактов Урука на его периферии и в горах Загрос — отражает попытку создать или контролировать торговые пути для получения жизненно важных товаров, отсутствовавших на аллювиальной равнине³⁷. Несомненно, рабов захватывали в этой зоне экспансии, но непонятно, считал ли Урук рабов и военнопленных главной добычей, взимал ли дань с покоренных народов в необходимых ему товарах или же в обмен на них торговал зерном, тканями и предметами роскоши. В любом случае принудительный труд применялся в непосредственной близости от Урука (видимо, это были переданные торговым партнерам субподряды), поэтому оставил столь мало или вообще не оставил о себе клинописных свидетельств.

И, наконец, во многих древних государствах широко использовались две формы общинного рабства, которые имеют семейное сходство с рабством, но не были зафиксированы в текстовых источниках так, чтобы мы считали их рабством. Первую форму можно назвать массовой депортацией в сочетании с принудительным общинным переселением. Лучшие описания этой практики оставило нам Новоассирийское царство (911–609 годы до н. э.), где она применялась в огромных масштабах. Хотя новоассирийское царство существовало намного позже, чем интересующий нас период, ряд ученых утверждают, что схожие формы закабаления использовались значительно раньше в Месопотамии, египетском Среднем Царстве и Хеттской империи³⁸.

В Новоассирийском царстве массовая депортация и принудительное переселение систематически применялись на покоренных территориях. Все

их население вместе с домашним скотом перемещалось с периферии царства поближе к его центру, где принудительно расселялось, как правило, для занятий земледелием. Безусловно, как и в других войнах ради захвата рабов, часть пленников присваивалась частными лицами или превращалась в трудовые бригады, однако отличительной чертой депортаций и принудительного переселения было то, что бо́льшая часть захваченного сообщества сохранялась и перемещалась на поселение туда, где за его производственной деятельностью было легко следить и присваивать ее результаты. Здесь работал механизм концентрации рабочей силы и зернового производства в центре государства, но на «оптовом уровне» — целые аграрные сообщества начинали служить государству как готовые строительные модули. Даже принимая во внимание склонность придворных писцов к преувеличениям, следует признать беспрецедентные масштабы переселений, например более 200 тысяч вавилонян были переселены в центр Новоассирийского царства. Общее число депортаций просто ошеломляет³⁹, и они требовали работы специалистов: чиновники составляли скрупулезные описи захваченного населения (его собственности, навыков и скота) и должны были обеспечить его всем необходимым для перемещения на новое место жительства с минимальными потерями. Видимо, иногда пленников переселяли на земли, оставленные ранее подданными государства, что позволяет предположить, что массовые принудительные переселения были попыткой компенсировать массовый исход населения или его сокращение вследствие эпидемий. Многих пленников называли «*сѣк-нуту*» — «пленник, призванный обжить землю».

Новоассирийская политика не была историческим новшеством. Хотя мы не знаем, насколько распространены были переселения в Месопотамии, на протяжении человеческой истории ими занима-

лись все государства-завоеватели, особенно в Юго-Восточной Азии и Новом Свете. Для целей нашего исследования самое важное — что перемещенные сообщества необязательно упоминаются в исторических записях как рабы. После переселения, особенно если сообщество не слишком отличалось от основного населения в культурном отношении, оно могло превратиться в обычных подданных, со временем едва отличимых от прочих земледельцев государства. Некоторая путаница с трактовкой древних шумерских понятий, например «*ерин*», — следует переводить их как «подданный», «пленник войны», «военный поселенец» или просто «крестьянин», — видимо, обусловлена различиями типов подданных, которые отражали происхождение их «подданства».

Последний тип закабаления, который был исторически распространен, но также не упоминался в исторических записях как рабство, — модель спартанской илотии. Илоты — это аграрные сообщества Лаконии и Мессинии, которые подчинялись Спарте. До сих пор ведутся споры о том, как они оказались под контролем Спарты: вероятно, Мессиния была завоевана, но некоторые ученые считают, что илоты — это те, кто предпочел не участвовать в войнах, или те, кто был коллективно наказан за восстание в прошлом. В любом случае илоты принципиально отличались от рабов: жили целыми общинами, ежегодно подвергались унижениям в ходе спартанских ритуалов и, как подданные всех архаичных аграрных государств, должны были поставлять своим господам зерно, масло и вино. За исключением того, что они не подверглись депортации и принудительному переселению как пленники войны, во всех иных отношениях илоты были крепостными земледельцами полностью военизированного общества.

Такова иная архаичная формула организации комплекса из рабочей силы и зерновых, который

служил модулем государственного строительства, обеспечивая излишки урожая. Вероятно, хотя неизвестно как именно, некоторые города-государства Месопотамии возникли в результате завоевания или перемещения аграрного населения внешними военными элитами. Ниссен предупреждает о необходимости критически оценивать риторику стигматизации безгосударственных народов и призывает помнить о постоянных взаимных обменах гор и равнин: «даже массовое заселение месопотамской равнины в середине IV тысячелетия могло быть частью этого процесса <...> Прельстившись письменными источниками, <...> мы усвоили точку зрения жителей равнин»⁴⁰. Тот факт, что названия городов Ура, Урука и Эриду не являются шумерскими по происхождению, говорит о возможности набега или захвата контроля военизированной группировкой аграрного общества. Вероятно, зерновой центр расширился и обогащался за счет принудительных переселений военнопленных с периферии и других городов. В любом случае такие древнейшие общества не были похожи и на самом деле не были рабовладельческими в характерном для Афин или Рима смысле. Тем не менее очевидна центральная роль закабаления и принуждения в создании и поддержании основополагающего зерно-трудового модуля первых аграрных государств.

Гипотетическое уточнение об одомашнивании, тяжелом труде и рабстве

Как мы уже знаем, не государства изобрели рабство и закабаление — они существовали в бесчисленном множестве догосударственных обществ. Однако государства совершенно точно изобрели огромные общества, основанные на систематическом принудительном труде пленников. Даже если доля ра-

бов в государстве была намного меньше, чем в Афинах, Спарте, Риме или Новоассирийском царстве, рабство и труд пленников все равно играли столь жизненно важную и стратегическую роль в поддержании государственной власти, что сложно представить, как иначе эти государства смогли бы так долго просуществовать.

А что, если в качестве плодотворной догадки мы серьезно отнесемся к утверждению Аристотеля, что раб — это орудие труда и потому может восприниматься как домашнее животное типа вола? Ведь Аристотель говорил об этом совершенно серьезно. Что, если мы будем рассматривать рабство, военнопленных земледельцев, илотов и т. п. как государственные проекты по принудительному одомашниванию класса слуг по аналогии с тем, как наши неолитические предки одомашнили овец и крупный рогатый скот? Конечно, эти проекты до конца так и не были реализованы, но такая интерпретация событий не кажется притянутой за уши. Алексис де Токвиль обращался к этой аналогии, когда оценивал возрастающее мировое господство Европы: «Наблюдая то, что происходит в мире, можно прийти к мысли, что европеец занимает по отношению к людям других рас такую же позицию, как сам человек по отношению к животным. Он заставляет их работать на себя, а если ему не удастся сломить их сопротивление, он их уничтожает»⁴¹.

Если заменить «европейца» на «древние государства», а «людей других рас» на «пленников войны», то, я полагаю, это не сильно исказит суть утверждения. Пленники — по отдельности и в совокупности — были неотъемлемой частью государственного механизма производства и воспроизводства наряду с домашним скотом и зерновыми полями государственного «домохозяйства».

Я уверен, что если развивать эту аналогию дальше, то она прояснит очень многое в истории. Возьмем вопрос воспроизводства: суть одомашнивания

составляет установление человеческого контроля над воспроизводством растений и животных, т.е. ограничение их свободы и забота о селекции и темпах воспроизводства. В войнах за пленников предпочтение отдавалось женщинам репродуктивного возраста, что отражает заинтересованность государств в их воспроизводственных услугах в той же степени, что и в их труде. Было бы полезно, но, увы, невозможно оценить значение деторождения рабынь в демографическом росте и стабильности древних государств в свете тех эпидемиологических вызовов, с которыми они сталкивались. «Одомашнивание» нерабынь в первых зерновых государствах можно трактовать схожим образом. Сочетание собственности на землю, патриархальной семьи, разделения труда внутри домохозяйства и главного государственного интереса (максимизация численности населения) породило эффект «одомашнивания» репродуктивных способностей женщины.

Одомашненное тягловое или вьючное животное освобождает человека от значительной части тяжелой работы. Примерно то же самое можно сказать о рабах: помимо и сверх изнурительного плужного земледелия, военные, ритуальные и городские задачи новых государственных центров требовали беспрецедентных масштабов и разнообразия труда. Разработка карьеров, работа в шахтах и на галерах, строительство дорог и каналов, лесозаготовки и другие виды неквалифицированного труда даже в более современные эпохи выполнялись осужденными, крепостными или доведенным до отчаяния пролетариатом. Это те виды работ вдали от дома, которыми гнушаются «свободные» люди, включая крестьян. Однако эти опасные и тяжелые работы были необходимы для выживания древнейших государств. Они не могли заставить свое аграрное население выполнять их, опасаясь его бегства или восстаний, поэтому принуждали к этим

работам захваченное в плен и одомашненное чужое население, которое можно было заполучить только благодаря рабству — это давняя, абсолютно безуспешная и последняя в истории попытка превратить в жизнь аристотелевский принцип «человеческого орудия труда».

Хрупкость первых государств: разрушение и демонтаж

ЧЕМ БОЛЬШЕ читаешь о древнейших государствах, тем больше удивляешься тому искусству управления и импровизации, что позволило им возвыситься. Их уязвимость и хрупкость так очевидны, что объяснять приходится их редкое появление и удивительные случаи долголетия. Раннее государственное строительство можно представить в виде четырех- или пятиярусной пирамиды, в которую пытаются выстроиться школьники, но она постоянно разрушается еще до завершения. Если же, вопреки всем препятствиям, пирамида готова, включая вершину, то аудитория, затаив дыхание, следит за тем, как она подрагивает и раскачивается, предвидя ее неизбежное крушение. Если акробатам повезет, то последний из них, изображающий вершину пирамиды, переживает миг триумфального позирования перед зрителями. Если развить эту метафору немного дальше, то можно сказать, что сегменты пирамиды по отдельности достаточно стабильны — их можно назвать ее элементарными единицами или строительными блоками. Однако создаваемая ими сложная структура оказывается шаткой и склонной к разрушению. Неудивительно, что она быстро распадается, удивительно, что ее вообще смогли создать.

Как политическая структура, формируемая поверх оседлого земледельческого сообщества, государство обладает всеми уязвимостями оседлых зерновых поселений. Как уже отмечалось ранее,

оседлость не обретаётся раз и навсегда. За пять тысячелетий нерегулярных проявлений оседлости до возникновения государств (семь тысячелетий, если учитывать доаграрную оседлость в Японии и Украине) археологи обнаружили сотни поселений, которые создавались, забрасывались, возможно, переносились, а потом вновь были покинуты. Причины оставления поселений и их последующего возрождения, как правило, неясны, среди возможных факторов называют климатические изменения, истощение ресурсов, болезни, войны и миграцию в обильные пропитанием регионы. Общее сокращение числа скромных оседлых поселений, существовавших до 10500 года до н. э., скорее всего, обусловлено резким похолоданием позднего дриаса — ледниковым периодом. Внезапная и широко-масштабная гибель в 6000 году до н. э. культурно-го комплекса, связанного с оседлыми поселениями в долине реки Иордан и известного как докерамический неолит Б, объясняется разными причинами — климатическими изменениями, болезнями, истощением почв, сокращением водных ресурсов и демографическим давлением. Самое главное то, что, как подвид оседлых зерновых сообществ, государство было подвержено тем же рискам распада, что и они, и в то же время его хрупкость была обусловлена опасностями, специфичными для государства как политического образования.

Убеждение в хрупкости первых архаичных государств вполне единодушно, а в отношении причин этой хрупкости консенсуса не наблюдается, и имеющиеся малочисленные свидетельства вряд ли могут помочь. Роберт Адамс, обладающий непревзойденными знаниями по истории государств Древней Месопотамии, выражает некоторое удивление фактом существования Третьей династии Ура, в которой на протяжении столетия сменилось пять царей. Хотя это государство тоже распалось, оно поставило своего рода рекорд стабильности на фоне го-

ловокружительной скорости появления и исчезновения других царств. Адамс описывает цикл централизации ресурсов и следующий за ним неравномерный, но необратимый спад, который связывает с давлением децентрализации и «местной самодостаточности»¹. Норман Йоффе, Патришиа Макэнани и Джордж Коугилл, намного глубже, чем другие авторы, переосмыслившие понятие «крушение/падение/крах», убеждены, что «концентрация власти в древних цивилизациях, как правило, была хрупка и недолговечна»². Сайприан Брудбэнк, исследовавший государственные образования Месопотамии, Леванта и Средиземноморья в более общем смысле, пришел к тому же выводу, отметив их «запутанный паттерн основания и оставления, расширения и сжатия под давлением местных и более широких возможностей и невзгод»³.

Что же означает «падение» в словосочетаниях «падение Третьей династии Ура» примерно в 2000 году до н.э., «падение Среднего царства Египта» в 2100 или «падение минойской дворцовой цивилизации» Крита в 1450 году? По крайней мере оно означает оставление и/или разрушение монументального дворцового комплекса, что обычно интерпретируется не как перераспределение населения, а как значительная или даже катастрофическая утрата социальной сложности. Если население остается, то, скорее всего, рассеивается по мелким поселениям и деревням⁴. Элиты высокого уровня исчезают, строительство монументальных зданий прекращается, заканчивается использование письменности в административных и религиозных целях, резко сокращается широкомасштабная торговля и перераспределение, специализированное ремесленное производство для элитного потребления и торговли уменьшается или прекращается. В совокупности эти изменения часто воспринимаются как прискорбный откат от цивилизации. Здесь важно подчеркнуть, что такие изменения

необязательно означают сокращение регионально-го населения и ухудшение его здоровья, благополучия или питания — как мы увидим далее, напротив, они могут означать улучшения. И, наконец, «крах» центра государства влечет за собой скорее переформатирование и децентрализацию культуры, чем ее исчезновение или распад.

История понятия «крушение/падение/крах» и порождаемых им меланхолических ассоциаций заслуживает внимательного изучения. Наши первоначальные сведения и удивление архаичными государствами проистекают из так называемого героического периода в археологии, случившегося в начале XX века, когда были обнаружены монументальные центры древнейших цивилизаций и начаты их раскопки. Помимо оправданного благоговения перед культурными, эстетическими и архитектурными достижениями первых цивилизаций, наметилась конкурентная борьба империй за присвоение их великих родословных и артефактов. Кроме того, благодаря школьным учебникам и музеям доминирующие стандартные изображения древних государств превратились в иконические: пирамиды и мумии Египта, афинский Парфенон, Ангкор Ват, гробницы воинов в Сиане. Соответственно, гибель этих археологических суперзвезд стала восприниматься как конец света. Но на самом деле речь идет лишь об утрате любимых объектов классической археологии — скоплений руин относительно редких централизованных государств вместе с их письменными источниками и предметами роскоши. Если мы вспомним метафору человеческой пирамиды, то речь идет лишь о внезапном исчезновении вершины конструкции, к которой было приковано все наше внимание.

Когда исчезает вершина, мы должны быть благодарны все увеличивающейся группе археологов, чье внимание было сосредоточено не на вершине, а на основании пирамиды и составляющих ее эле-

ментах. Накопленные ими знания о неустойчивых типах поселений, формах торговли и обмена, осадках и структуре почв, изменчивых сочетаниях хозяйственных стратегий позволяют увидеть намного больше, чем лишь бросающую вызов гравитации вершину пирамиды. Благодаря их сведениям мы можем понять возможные причины «крушений» и, что более важно, уточнить значение краха государства в каждом конкретном случае. Одна из главных идей этих ученых состоит в том, чтобы усматривать в, казалось бы, крахе лишь распад более крупных и более хрупких политических единиц на их более мелкие и более стабильные элементы. Хотя «крах» означает сокращение социальной сложности, небольшие ядра власти, например компактные небольшие поселения аллювиальных равнин, сохранялись намного дольше, чем мимолетные чудеса государственного управления, которые соединяли эти ядра в огромные царства или империи. Йоффе и Коугилл справедливо заимствовали у теоретика управления Герберта Саймона термин «модульность»: это состояние, в котором элементы, формирующие более крупное образование, в целом независимы и могут быть разделены — в терминологии Саймона это образование «практически разложимо на составные части»⁵. Соответственно, исчезновение венчающей пирамиду вершины необязательно влечет за собой хаос, не говоря уже о травме, для составляющих ее более долговечных и самодостаточных элементов. Вторая Йоффе и Коугиллу, Ханс Ниссен предостерегает нас от ошибочного восприятия «конца периода централизации как „крушения“, а периода, в течение которого прежде единая территория была разделена на более мелкие части, — как эпохи политической нестабильности»⁶.

Ни оседлость, ни полностью от нее зависимое государственное строительство не были раз и навсегда обретенными. Были периоды — и весьма затяж-

ные — когда исчезали крупные поселения, а оседлость сокращалась до собственной слабой тени в прошлом. Примерно с 1800 по 700 год до н.э. — на протяжении более чем тысячелетия — поселения Месопотамии занимали менее $\frac{1}{4}$ своей прежней территории, а городские поселения — лишь $\frac{1}{16}$. Такая ситуация наблюдалась по всему региону, поэтому ее нельзя объяснить локальными непредвиденными обстоятельствами, скажем, жестоким правителем, локальной войной или неурожаем конкретного злака. Столь широкомасштабное рассеяние населения говорит о крупных региональных факторах, таких как климатические колебания, вторжения скотоводов, серьезные сбои в торговле, медленное, но повсеместное ухудшение состояния окружающей среды, которое внезапно достигло критического уровня. Среди исследователей нет единого мнения о том, какие причины имели решающее значение, но, очевидно, что рурализация, а не урбанизация доминировала в Месопотамии на протяжении тысячелетия после падения Третьей династии Ура, видимо, в результате набегов кочевых скотоводов⁷.

Помимо вмешательства климатических факторов, которые резко ограничивали экологические возможности человека, например позднего дриаса (резкое похолодание, начавшееся в 6200 году до н.э. и продлившееся два-четыре века) или малого ледникового периода, необходимо признать и фундаментальную структурную уязвимость зернового комплекса, который был фундаментом всех первых государств. Оседлый образ жизни сложился в очень специфических экологических нишах, в частности на аллювиальных и лесовых почвах. Позже, причем значительно позже, первые централизованные государства появились в еще более ограниченных экологических зонах, состоявших из ядра плодородных и увлажненных почв и судоходных рек и способных прокор-

мить большое количество выращивающих зерновые культуры подданных. За пределами этих редких и предпочтительных для создания государств районов продолжали процветать сообщества собирателей, охотников и скотоводов.

Районы формирования государств были, прежде всего, структурно уязвимы для тех хозяйственных неудач, что мало зависели от искусности или некомпетентности правителей. Главной структурной уязвимостью была абсолютная зависимость от единственного ежегодного урожая одного-двух основных злаков. Если случался неурожай — по причине засухи, наводнения, урагана, нашествия вредителей или заболевания растений, — то население оказывалось в смертельной опасности, как и их правители, зависевшие от производимых населением излишков. Как мы уже видели, подданным и их скоту угрожали инфекционные заболевания по причине большего скопления населения, чем у территориально рассеянных собирателей. И, наконец, как мы увидим далее, зависимость элит от сельскохозяйственных излишков и способов их транспортировки означала, что государство было крайне зависимо от населения и размещенных вблизи его центра ресурсов, и эта зависимость могла подорвать его стабильность.

Таким образом, древнейшие государства были результатом искусного баланса, и очень многое должно было сложиться нужным образом, чтобы они могли рассчитывать хотя бы на недолговечную жизнь. Например, в древней Юго-Восточной Азии редкое государство пережило больше двух-трех царствований, потому что любые проблемы, необязательно связанные с созданием государства, могли легко его разрушить. Периодические распады большинства царств были «предопределены», а поскольку трудности, с которыми они сталкивались, были крайне многообразны, то коронер-археолог вряд ли сможет определить конкретную причину их кончины.

Заболевания древних государств: острые и хронические

Самые первые государства на Ближнем Востоке, в Китае и Новом Свете возникли на совершенно неизведанной территории в том смысле, что их основатели и подданные не могли предвидеть ожидавшие их экологические, политические и эпидемиологические опасности. Иногда, особенно если есть письменные источники, причины исчезновения государств достаточно очевидны: успешное вторжение иной культуры, которая вытеснила врага, например разрушительная война между государствами, гражданская война или восстание внутри государства. Однако чаще за исчезновением государств стоят более коварно-сокрытые факторы или же такие катастрофы, как наводнения, засухи и неурожай, которые имеют глубокие кумулятивные причины. Я уверен, что они представляют для нас особый интерес по крайней мере в силу двух обстоятельств. Во-первых, в отличие от более непредвиденных событий типа вторжения, эти причины имеют систематический характер, что позволяет напрямую связать их с государственным управлением и тем самым получить уникальную возможность увидеть структурные противоречия древнего государства. Во-вторых, эти причины, как правило, игнорируются историческим анализом: считается, что за ними не стоит конкретный человеческий агент, осуществлявший прямой и непосредственный замысел, и что часто они не оставляют очевидных археологических следов, позволяющих их однозначно идентифицировать. Свидетельства роли этих причин в смертности государств столь же гипотетические, сколь косвенные, но есть основания полагать, что их значение недооценивается.

Заболевание: гипероседлость, движение и государство

Мы уже рассмотрели в длительной исторической перспективе причины возникновения инфекционных заболеваний, связанных со скученностью и с одомашниванием животных. Есть все основания утверждать, что становление первых государств поверх неолитических зерно-скотоводческих комплексов усугубило подверженность населения разрушительным эпидемиям. Причины тому — размеры поселений, торговля и война.

Города, которые впервые появились на болотистых окраинах аллювиальных равнин до государств, в апогее своего развития имели население порядка пяти тысяч человек. Первые государства, как правило, были в четыре раза больше, а иногда и в десять раз. С увеличением государств возрастали и риски. Если внезапный закат культуры докерамического неолита Б примерно в 6000 году до н.э. действительно был результатом эпидемии, то значительно бóльшие масштабы древних государств два тысячелетия спустя явно сделали их еще менее устойчивыми к эпидемическим заболеваниям. Более крупные скопления людей и животных представляли собой более подходящую среду для инфекционных заболеваний, и эффект одновременно скученности и большой численности увеличил скорость распространения инфекционных заболеваний в геометрической прогрессии.

Микробы и паразиты перемещаются с помощью людей и животных. В отличие от ограниченных масштабов торговли отдаленных друг от друга прежних государств, объемы и географические расстояния торговли более крупных и экспансивных элит, стремившихся максимизировать свое богатство и выставить его на всеобщее обозрение, выросли в геометрической прогрессии. Сами государства тоже нуждались в большем количестве

ресурсов, чем прежние оседлые сообщества, причем в ресурсах другого типа, результатом чего стал взрывной рост сухопутной и особенно морской торговли. Исследователи древней торговли Гильермо Алгаз и Дэвид Венгроу делают смелые выводы, например, говоря о «всемирной системе Урука» примерно с 3500 по 3200 годы до н. э. — интегрированном мире торговли и обмена, который простирался от Кавказа на севере до Персидского залива на юге и от Иранского нагорья на востоке до Восточного Средиземноморья на западе⁸. Урук и его соперники нуждались в ресурсах, которых не было на аллювиальных равнинах и которые приходилось привозить издалека: медь и олово для орудий труда, оружия, доспехов, декоративных и повседневных изделий; древесина и уголь; известняк и карьерный камень для строительства; серебро, золото и драгоценные камни для демонстрации роскоши. В обмен на эти товары мелкие государства аллювиальных равнин отправляли торговым партнерам ткани, зерно, керамику и ремесленные изделия. Для нас важно то, что результатом неимоверного расширения масштабов коммерции стало аналогичное расширение зоны инфекционных заболеваний, в которой впервые встретились разные группы болезней. Соответственно, «всемирная система Урука», несмотря на грандиозность термина, служит лишь маломасштабным прообразом интеграции китайских, индийских и средиземноморских групп болезней примерно в 1 году до н. э., которая породила первые всемирные разрушительные пандемии типа чумы Юстиниана, уничтожившей от 30 до 50 миллионов человек в VI веке. По иронии судьбы торговля, обеспечившая монументальное величие мелких государств аллювиальных равнин, видимо, сыграла столь же важную роль и в их исчезновении.

Государства печально известны и другим своим пристрастием — к войнам, которые имели чудовищные эпидемиологические последствия. С точки

зрения чистой демографии нет более действенного инструмента массового перемещения и переселения населения, чем война. Армия и группы беженцев и пленников представляют собой мобильный инфекционный модуль, сохраняющий и распространяющий множество болезней, традиционно связанных с войной: холера, тиф, дизентерия, пневмония, брюшной тиф и т. п. Маршрут движения армий и беженцев издавна известен как путь распространения инфекций, от которого стремилось уклониться мирное население. Если, как в случае древних войн, главный приз победителя — это пленники, которые перемещались в его царство, то эпидемиологические последствия войн мало чем отличались от торговли, но, видимо, распространение инфекционных заболеваний здесь имело бóльшие масштабы. Несомненно, в добычу победителя входил и четвероногий скот врага, который нес в столицу победителя свои болезни и паразитов.

Насколько важную роль сыграли заболевания, распространяемые торговлей и войной, в упадке первых государств? Сложно сказать наверняка, потому что археологические данные предоставляют мало информации. Я подозреваю, что болезни ответственны за многие внезапные исходы населения из государственных центров древнего мира, потому что им нет иных объяснений. А если отталкиваться от того, что мы знаем об эпидемиях в римском и средневековом мире, то подозрение становится правдоподобной догадкой. Поскольку заболевания, обусловленные скученностью, были ранее неизвестны, население древних государств не понимало механизмов их распространения. Впрочем, понимание, что вспышки смертельных эпидемий связаны с торговым судоходством, сухопутными караванами, армиями и их пленниками, явно сложилось очень рано⁹. Первым инстинктивным решением перепуганных горожан была изоляция заболевших и прекращение любых контактов с предполагае-

мыми источниками заражения. Карантин и изоляция морских путешественников (позже институционализировавшиеся в форме лазаретов) явно появились в той или иной форме вместе с новыми страшными эпидемиями. В то же время жители древнейших городов явно понимали, что бегство и рассеяние по территории вдаль от смертельной эпидемии было самым надежным способом избежать заражения. Они инстинктивно стремились как можно быстрее раствориться в сельской местности (где тоже, несомненно, боялись заболеть), а первые государства прилагали всевозможные усилия, чтобы остановить их.

Если данная трактовка реакции древних государств на первые эпидемии в целом верна, то она позволяет реконструировать правдоподобный сценарий исчезновения крупных поселений вследствие болезней. Как только начиналась эпидемия, при условии, что на тот момент большая часть населения оставалась в городском центре, она уничтожала достаточно людей, чтобы свести на нет жизнеспособность города как центра государства. Если предположить более реалистичный вариант развития событий (большинство населения смогло убежать), то результат эпидемии был менее разрушительным с точки зрения смертности, но городской центр, от которого зависело выживание государства, все равно оказывался заброшен. При любом варианте развития событий государственный центр как средоточие власти исчезал в кратчайшие сроки. Однако второй сценарий необязательно предполагал сокращение населения — скорее, его рассеяние по более безопасным сельским районам. Например, документально зафиксирована эпидемия разрушительной чумы в 1320 году до н. э., которая пришла в Египет от хеттов и вызвала голод, потому что выжившие земледельцы отказывались платить налоги и забрасывали поля, а оставшиеся без довольствия солдаты занялись грабежом¹⁰. Мы не можем

узнать, как часто эпидемии уничтожали древнейшие государства, но благодаря войнам, вторжениям и торговле болезни были очевидной причиной деурбанизации в поздней Римской империи и средневековой Европе. Так, в 166 году римские войска, вернувшиеся после военной кампании из Месопотамии, принесли домой инфекционное заболевание, которое, видимо, погубило от четверти до трети населения Рима¹¹.

Экоцид: исчезновение лесов и засоление почв

Тот факт, что первые государства были творениями первозданными, следует подчеркивать в любом исследовании их расцвета и упадка. Как уже говорилось, их подданные и элиты не могли предвидеть те эпидемиологические последствия, что породило венчаемое ими уникальное скопление зерновых, людей и животных. Также никто не мог предугадать, сколь беспрецедентное давление это скопление окажет на окружающую среду вследствие своих уникальных и неустойчивых потребностей. Я рассмотрю два главных экологических ограничения, которые угрожали существованию государств: исчезновение лесов и засоление почв¹². Каждое из них прекрасно задокументировано с древнейших времен. По большей части они отличаются от эпидемических заболеваний тем, что имеют долгосрочный характер и развиваются постепенно, т. е. скорее незаметно подкрадываются, чем внезапно атакуют. Если эпидемия могла уничтожить город буквально за считанные недели, то нехватка дров или постепенное заиливание каналов и рек вследствие вырубки лесов похожи на постепенное экономическое удушение — столь же смертельны, но менее зрелищны.

Аллювиальные равнины южной Месопотамии были естественным результатом эрозии почв под влиянием Тигра и Евфрата, которые вымыва-

ли почвы в верховьях и переносили их в свою пойму, поэтому первые аграрные общества зависели от питательных веществ, накопленных за тысячелетие в низовьях рек. Однако по мере расширения крупных поселений этот процесс перешел в новую фазу — росла их потребность в древесине и дровах, отсутствовавших на болотистых почвах аллювиальных равнин. Обнаружено множество свидетельств уничтожения лесов в верховьях Евфрата, начиная с III тысячелетия до н.э. в городе-государстве Мари, где вырубка лесов ради древесины и топлива сочеталась с чрезмерным стравливанием пастбищ¹³.

Потребность древних государств в древесине была ненасытной и значительно превышала аналогичную потребность даже крупных оседлых сообществ. Помимо расчистки территорий под земледелие и выпас скота, вырубки лесов ради приготовления пищи и обогрева, строительства домов и гончарных печей, первым государствам были необходимы огромные объемы древесины для выплавки железа и других металлов, изготовления кирпича, соли и крепежей для шахт, строительства кораблей, монументальной архитектуры и известковой штукатурки, причем последняя требовала неимоверного количества дров. Учитывая сложности транспортировки древесины на большие расстояния, очевидно, что государственные центры быстро истощили скромные запасы лесов вблизи своих поселений. Будучи расположены на судоходных водных путях, обычно реках, почти все древние государства пользовались плавучестью древесины и течением рек, чтобы рубить лес по берегам верховий и сплавлять его в свой центр.

Из практических соображений, связанных с заготовкой и транспортировкой леса, деревья вырубались как можно ближе к реке, чтобы минимизировать затраты труда. По мере того как побережья верховий обезлесивали, древесину начинали добывать

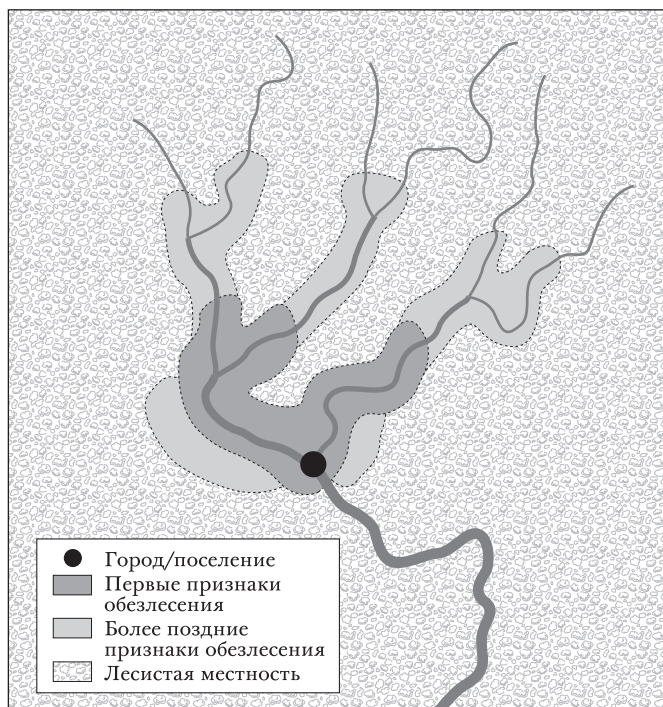

РИС. 14. Модель обезлесения верховий рек гипотетического государственного центра

все выше и выше по течению и/или рубили небольшие деревца, которые было легко доставить на берег и спустить вплавь. Обнаружено множество свидетельств обезлесения в классическом древнем мире, например афинский запрос на древесину для строительства флота у Македонии и дефицит древесины в Римской республике¹⁴. Намного раньше, в 6300 году до н.э., в неолитическом городе Айн Газаль не осталось деревьев в пешей доступности от поселения, и запасы дров истощились. В результате поселение распалось на разбросанные по долине деревушки, что случалось со множеством неолитических поселений в долине реки Иордан, когда

они превышали экологические возможности своих лесных районов¹⁵.

Почти безошибочный признак того, что город-государство столкнулся с дефицитом доступных дров в непосредственной близости от себя, — доля потребности в древесине, которая удовлетворялась углем. Хотя уголь необходим для высокотемпературного производства, например обжига керамики, гашения извести и выплавки металлов, он, как правило, не использовался для бытовых нужд до тех пор, пока не были исчерпаны запасы древесины. Искключительным преимуществом угля является то, что он дает больше тепла на единицу веса и объема, чем сырое дерево, поэтому его экономически выгодно перевозить на большие расстояния. Однако очевидный недостаток угля заключается в том, что его приходится сжигать дважды, т. е. он требует большего расхода древесины. Чем меньше дров можно собрать в местных лесах вблизи поселений, тем выше вероятность, что они будут замещены привозимым издалека углем.

Нехватка дров сдерживала рост города-государства, но обезлесение берегов реки вверх по течению создавало иные и более серьезные проблемы. Первая из них — эрозия и заиливание почв. Поскольку древнейшие государства были порождением аллювиальных равнин и их плодородного ила, темпы заиливания почв вследствие утраты берегами рек растительности или расчистки под зерновые поля таили в себе особые опасности ускоренной эрозии почв, которые было сложно предвидеть. Первые государства располагались на очень пологих равнинах, большую часть года течение их водных потоков было медленным, и ил оседал там, где течение было самым медленным. Если город-государство зависел от орошения, то каналы со временем переполнялись илом, что еще больше замедляло течение и требовало по крайней мере барщины, чтобы очистить каналы и сохранить производство зерновых.

Другая угроза обезлесения имела скорее катастрофический, чем незаметно подкрадывающийся характер. Леса — в Древней Месопотамии они состояли преимущественно из дуба, бука и сосны — выполняли функцию удержания в почве влаги (ее обеспечивали дожди поздней зимы) и ее медленного высвобождения (просачиванием) с начала мая. Результатом обезлесения или расчистки полей было то, что водные потоки отдавали дождевую влагу в ил намного быстрее, что порождало более внезапные и мощные регулярные наводнения¹⁶, которые угрожали жизнеспособности города-государства. Если, как это часто случается, заиливание почв приводит к подъему русла реки почти до уровня ее берегов, то река становится неустойчивой и перепрыгивает из одного русла в другое по мере их заиливания. Постепенное заиливание в сочетании с паводком и половодьем может вызвать катастрофически крупное наводнение. С исторической точки зрения Желтая река в Китае — классический пример широкомасштабных наводнений и изменчивых путей к морю, которые ответственны за гибель миллионов людей. Вероятно, даже Иерихон, одно из крупнейших догосударственных поселений неолита, пострадал от разрушения русла реки в середине IX тысячелетия до н.э. Как пишет Стивен Митен, его «врагом были паводковые воды и грязевые потоки. Иерихон жил в постоянной опасности, поскольку увеличение количества осадков и расчистка полей разрушили отложения на палестинских холмах, и их мог принести на окраину деревни ближайший ручей»¹⁷. Помимо катастрофического наводнения, которое могло уничтожить большую часть города-государства и его посевов, река могла изменить течение в разгар паводка и оставить город на засушливой возвышенности, лишив его главной транспортной и торговой артерии.

И, наконец, последнее и более гипотетическое следствие обезлесения и заиливания почв — рас-

пространение малярии. Считается, что малярия — это «болезнь цивилизации» в том смысле, что она возникла в результате расчистки земель под сельскохозяйственные нужды. Дж. Р. Макнил высказал интригующее предположение, что малярия связана с обезлесением и морфологией рек. Несущая ил река, пересекающая пологую прибрежную равнину, по мере замедления течения будет откладывать все больше ила. По мере накопления он будет создавать дамбы и барьеры, препятствующие впадению реки в море и заставляющие ее отступать и растекаться, создавая тем самым малярийные болота, которые оказываются одновременно и антропогенными и необитаемыми¹⁸.

Заиливание и истощение почв — два антропогенных результата появления государства, выращивавшего зерновые и занимавшегося орошением, которые угрожали его существованию. Вода для орошения содержит растворенные соли, которые растения не забирают из почвы, поэтому со временем соли накапливаются в ней и, если не вымываются, убивают растения. Будучи лишь временным решением, промывка почв повышает уровень грунтовых вод: соли сохраняются в почве, но после промывки поднимаются к поверхности и впитываются корнями растений. Ячмень более устойчив к соли, чем пшеница, поэтому один из способов адаптации к засолению почв — высаживание ячменя вместо более предпочтительной пшеницы. Однако и в случае перехода на ячмень, если грунтовые воды и, соответственно, соли поднимаются к поверхности почвы, урожайность резко снижается¹⁹. Пологость равнин и низкий уровень осадков в южной Месопотамии усугубляли проблему, и эксперт в этих вопросах, Р. Адамс, убежден, что засоление почв было главным фактором экологического упадка региона после 2400 года до н. э.²⁰ Земледельцы Месопотамии были вынуждены держать зерновые поля под паром каждые два-три года, чтобы сохранить

их способность давать урожай. Сельскохозяйственные записи эпохи Третьей династии Ура упоминают поля, «расположенные в солоноватой воде», в «соленом месте», на «засоленных почвах» и содержащие «огромное количество соли», как причину низких урожаев злаков²¹.

Вполне вероятно, что даже на плодородных аллювиальных равнинах, где обусловленное орошением засоление почв не было основной проблемой, урожайность зерновых со временем снижалась. Все-таки на тот момент у людей было очень мало опыта в непрерывном ежегодном возделывании злаков на одном и том же участке земли. В Айн Газале урожайность зерновых снижалась еще до первых государств, и, учитывая интенсивность земледелия в центре зерновых государств, можно предположить, что средняя урожайность еще больше снизилась. Пастбища, видимо, тоже подвергались чрезмерному выпасу, что сокращало их способность прокормить домашний скот.

Объясняя хрупкость первых государств и причины их исчезновения, следует отличать случаи «внезапной смерти» (например, исчезновение Ларсы в 1720 году до н. э.) от постепенного ослабления и медленной кончины. Хотя эпидемии и великие наводнения могли быть результатом кумулятивных сокрытых эффектов, они являются примером «внезапной смерти». Исчезнувшие таким образом государства гасли, как свет, хотя большая часть их населения выживала, спасшись бегством и рассеявшись. Заиливание и засоление почв и снижение урожаев фигурировали в исторических записях как устойчивый или неравномерный исход населения и участвовавшие неурожаи. В подобных случаях необязательно присутствует драматический поворотный момент — скорее, почти незаметное угасание. Применительно к таким процессам слово «крушение» звучит слишком пафосно: для вовлеченных в них подданных государства они были столь обыденны-

ми, что воспринимались как привычные практики рассеяния и реорганизации поселений и способов хозяйствования. Лишь государственные элиты переживали такие события как трагедию «краха».

*Политицид: войны и эксплуатация
центра государства*

То, что тема «крушения» в принципе возникает, — следствие появления поселений, обнесенных стенами и с монументальными постройками в центре, а также распространенного ошибочного предположения, что подобные поселения и есть «цивилизация». Как было отмечено ранее, по самым разным причинам население догосударственных постоянных поселений, руководствуясь теми или иными соображениями, могло на время или навсегда оставить их. Эти исходы, зафиксированные археологами, были весьма массовыми, но не становились «историческими событиями», пока речь не шла об обнесенных стенами государственных центров. Камни и бутовая кладка имеют значение: они обеспечивают впечатляющее место раскопок, музейные артефакты и каноническую родословную для великого национального прошлого. Цивилизации, которые, как, например, Шривиджая на Суматре, были созданы из бранных материалов, исчезли почти бесследно и вряд ли появятся на страницах учебников истории, тогда как Ангкор-Ват и Боробудур продолжают жить как светочи цивилизации.

Государство ответственно за изобретение войн не в большей степени, чем за изобретение рабства, но именно оно расширило масштабы этих институциональных изобретений, сделав их главными направлениями своей деятельности, что превратило прежние скромные, но постоянные догосударственные набеги в войны с другими государствами с той же целью — захвата пленников. В войне двух государств за пленников проигравший оказывался

буквально стерт с лица земли. Вот же он — «крах»! Обычным делом было убить или увести бо́льшую часть населения, разрушить святыни, сжечь дома и посевы, т.е. полностью уничтожить проигравшее государство. Исключением была мирная капитуляция одной из сторон, за которой следовала уплата дани, а иногда заселение побежденных территорий людьми победителя — более мягкая альтернатива, но не менее губительная для проигравшего государства. Если в войне участвовало много соседних государственных образований сопоставимого размера, как, например, на аллювиальных равнинах Месопотамии, китайские «воюющие царства» до эпохи династии Цинь, греческие полисы и империи майя («государства-сверстники»), то государства быстро сменяли друг друга, их крушение было обычным делом.

Постоянные войны и торговля рабочей силой усугубляли хрупкость древних государств. Во-первых, что очевидно, они перенаправляли трудовые ресурсы на строительство стен, оборонительные работы и наступательные операции, вместо того чтобы задействовать их в производстве продовольствия в объемах, хотя бы превышающих прожиточный минимум. Во-вторых, государства вынуждали основателей и строителей городов выбирать местоположение и планировку, в которых военно-оборонительные задачи преобладали над соображениями материального изобилия. В результате появились более обороноспособные, но менее экономически устойчивые государства.

Несмотря на потенциальные корыстные выгоды войны для победителей, следует учитывать и связанные с ней риски гибели и плена. Видимо, многие подданные государств-сверстников делали все возможное, чтобы избежать воинского призыва, включая бегство. Проигрывавшее войну государство обнаруживало, что рабочая сила утекала из него (можно вспомнить массовые дезертирства белых

бедняков из армии Конфедерации на последних этапах Гражданской войны в США в 1864 году). Фукидид писал о распаде афинской коалиции, когда кампания против Сиракуз провалилась: «С тех пор как мы потеряли превосходство над врагом, наши слуги бегут к неприятелю; часть наемников, насильно завербованная во флот, сразу же стала разбегаться по разным городам»²². Поскольку люди были источником жизненной силы первых государств, решительное поражение в войне предвещало их крах²³.

И, наконец, легко уничтожить город-государство мог и внутренний конфликт: сражение правопреемников, гражданская война или восстание. Отличительной чертой внутренних конфликтов стал новый ценный приз, достойный борьбы за обладание им: окруженный стенами и производящий излишки злаков городской центр вместе с населением, домашним скотом и запасами. Борьба за контроль выгодного местоположения всегда имела особое значение даже для догосударственных обществ, но эпоха древних царств серьезно подняла ставки: они представляли собой запасы основного капитала — каналов, оборонительных сооружений, исторических записей, зернохранилищ, а часто и выгодное местоположение с точки зрения почв, воды и торговых путей. Эти активы формировали узлы власти, от которых было трудно отказаться, вероятно, поэтому за них велись свирепые и не стесняющиеся в средствах битвы.

Как награда в межгосударственной войне или в гражданском конфликте, зерно-поселенческий комплекс оставался ядром политической власти. В межгосударственных войнах и набегах безгосударственных народов победитель стремился либо уничтожить его и перенести движимые активы в собственный политический центр, либо, если это было возможно, обложить его данью. В случае междоусобной войны борьба шла за монопольное пра-

во присваивать ресурсы, сосредоточием которых был государственный центр.

Для понимания причин того, почему древние государства часто сами копали себе могилу, чрезмерно эксплуатируя центральную зону вокруг царского двора, нужно вспомнить транспортные ограничения и сдерживающие факторы присвоения. Как было показано выше, рост цен на дрова и, соответственно, домашнее потребление угля, возраставшее в геометрической прогрессии, увеличивали стоимость сухопутного присвоения оптовых товаров и делали ее непомерно высокой при перевозке товаров на значительные расстояния. По сути, эта логика определяла реальные границы государственного контроля до тех пор, пока транспортные технологии сохранялись в неизменном виде. Учитывая тягловую скот и телеги пологих аллювиальных равнин, способность древнейших государств реквизировать зерно вряд ли превышала радиус в 48 километров. Важнейшим исключением был водный транспорт, который, благодаря серьезному снижению сопротивления пути, значительно расширил зону перевозок таких сыпучих товаров, как зерно. Таким образом, аграрное ядро государства — это зона, откуда оптовые поставки товаров в центр не требовали непомерно высоких транспортных затрат. Однако главное здесь то, что самая прибыльная для контроля зона — самая близкая к столице или легко доступная по судоходным водным путям. Соответственно, в пределах этой зоны сосредоточены символы и источники власти: зернохранилища, главные святыни, чиновники, преторианцы, центральные рынки, самые плодородные и увлажненные сельскохозяйственные земли и, что не менее важно, жилища дворцовых и храмовых элит.

Именно эта центральная зона была источником государственной власти и социальной сплоченности. Но она же была и ахиллесовой пятой государства — сокращалась первой и самым радикальным

образом в любой кризисной ситуации²⁴. Эта зона находилась ближе всего к государственному центру, была самой ценной и насыщенной ресурсами, поэтому могла дать самый большой «урожай» трудовых ресурсов и зерновых. Опрометчивый правитель с военными или монументально-строительными амбициями, опасавшийся вторжения или внутренних врагов, испытывал искушение пойти по линии наименьшего сопротивления — выкачать все ресурсы из центральной зоны. Два обстоятельства превращали этот путь в опасную азартную игру, которая могла разрушить государство. Во-первых, поскольку аграрные царства зависели от капризов погоды, осадков, вредителей, болезней человека и растений, то их ежегодные урожаи были чрезвычайно изменчивы даже в самых надежных с аграрной точки зрения экологических условиях. В обычных обстоятельствах размер «дохода», который элиты могли выжать из центральной зоны, серьезно колебался. Если элиты настаивали на стабильном, не говоря уже о растущем, притоке зерна и труда, т. е. отказывались учитывать нормальные колебания прибыли, то аграрное население этой зоны было вынуждено брать на себя губительное бремя колебаний урожая, невзирая на свои и без того скудные средства существования. Во всех аграрных экономиках главный вопрос классовых отношений заключается в том, какой класс несет бремя неизбежных потрясений неурожайного года, т. е. какой класс обеспечивает собственную экономическую безопасность за счет других.

Второй фактор, о котором нужно помнить применительно к первым государствам, — их очень ограниченные знания о фактических посевных площадях и возможных и реальных урожаях, особенно по районам и отдельно для пшеницы и ячменя. Хотя государство лучше понимало ситуацию в своем жизнеобеспечивающем центре, чем на окружающих территориях, оно все равно могло рекви-

зирать слишком много зерна в неурожайный год, поставив подданных на грань голодной смерти. Иными словами, помимо хищничества, первые государства не обладали детальным знанием, чтобы менять стратегии присвоения в соответствии с «платежеспособностью» подданных. Как однажды выразился мой коллега, первые государства — это руки, на которых есть «только большие пальцы и никаких иных для тонкой настройки»²⁵. Последствия их ошибочных суждений усугублялись неспособностью контролировать хищнические аппетиты сборщиков налогов на местах, стремившихся набрать побольше для себя.

В чрезвычайной ситуации, когда максимизация налоговых поступлений была вопросом выживания, давление на центральную зону было неизбежным, даже если грозило вызвать бегство населения и/или восстание. Близлежащие районы не были реалистичной альтернативой: как правило, они были более маргинальны с сельскохозяйственной точки зрения, имея низкие и непредсказуемые урожаи; налоги, которые можно было затребовать с этих районов, серьезно уменьшались высокими транспортными расходами на их доставку; сведения об этих ресурсах и контроль над административным аппаратом, необходимым для их присвоения, радикально сокращались по мере отдаления от государственного центра. Элита, убежденная в смертельной опасности или охваченная чрезмерными амбициями, не испытывала угрызений совести, если использовала стратегии, угрожавшие уничтожить курицу, которая несла золотые яйца, — зерновой центр государства. Я полагаю, то, что мы ретроспективно воспринимаем как «крах», часто объясняется сопротивлением и бегством доведенных до отчаяния подданных из центра государства в подобных ситуациях.

Исследователи того, что «крушение» реально означало для государств Месопотамии в 3 тысяче-

летию до н. э., отмечают те же проблемы, с которыми сталкивались те, кто брал на себя бремя риска: «Маловероятно, что центральная власть сократит расходы пропорционально снижению поступлений от некоторых групп общества, — весьма вероятно, что налоговая нагрузка на остальные группы будет увеличена»²⁶. Археологические находки периода поздней аккадской династии (примерно 2200 год до н. э.) указывают, что ядро царства периодически сжималось, поскольку было одновременно самым богатым и самым близким источником доходов. Чиновники государственного центра могли и на самом деле требовали, чтобы подданные сажали больше зерна и сокращали вспаханные под пар участки, тем самым максимально увеличивая быструю прибыль за счет долгосрочной производительности. Два столетия спустя, когда Уру, видимо, угрожали вторжения амореев, оборонявшиеся генералы настолько усилили давление на земледельцев, требуя поставок зерна, что те либо сопротивлялись, либо сбегали. Крушение основанного на зерновых и рабочей силе государства хорошо отражено в отрывке из известного «Плача об Уре»: «Голод заполняет город, как вода <...> Его цари, одинокие, тяжело вздыхают в своем дворце, их люди бросают свое оружие»²⁷.

Египет в конце III тысячелетия до н. э., более крупное и централизованное царство, чем двадцать с лишним соперничавших государств — сверстников Месопотамии, видимо, тоже безжалостно давил на аграрное население своего центра, требуя поставок зерна и трудовых отработок и снижая тем самым уровень его жизни²⁸. То, что плодородная полоса земли вдоль Нила была окружена пустынями по обоим берегам реки, позволяло государству оказывать на население куда большее давление, чем вытерпело бы крестьянство с иными возможностями бегства. Некоторые исследователи подчеркивают крайне минимальный «жизненный набор» поддан-

ных-земледельцев на фоне сумптуарных законов, которые запретили 90% населения носить определенную одежду, владеть предметами роскоши и исполнять ритуалы, закрепленные за элитами²⁹.

Увы, в отсутствие демографических данных, которые позволили бы нам проследить передвижения населения, невозможно понять, увеличивался ли его отток из центра государства по мере того, как оно извлекало все больше зерна и труда из своих подданных. Если предположить, что бегство было возможным и широко распространенным, могло ли государство посредством принудительного переселения пленников войн компенсировать отток — медленный или быстрый — своих доведенных до отчаяния подданных, бегущих из его центра?

Похвала краху государства

Зачем оплакивать «крах», если описываемая им ситуация обычно представляла собой разделение сложного, хрупкого и обычно деспотичного государства на более мелкие автономные фрагменты?³⁰ Одно простое и не вполне очевидное объяснение сожалений о крахе государства состоит в том, что он лишает ученых и экспертов, чья миссия — документальное описание древних цивилизаций, необходимых им исходных данных. У археологов оказывается меньше важных мест для раскопок, у историков — меньше записей и текстов, у музейных экспозиций — меньше безделушек больших и малых. Сняты великолепные и поучительные документальные фильмы, посвященные Древней Греции, Древнему царству Египта и Уруку середины III тысячелетия, но поиски описаний темных времен, которые следовали за этими эпохами, будут тщетны: «темных веков» в Греции, «Первого переходного периода» в Египте и упадка Урука в Аккадской империи. Тем не менее есть веские основа-

ния считать, что подобные «вакантные» периоды открывали для подданных государств путь к свободе и возможности повышения благосостояния.

По сути, я хочу подвергнуть сомнению редко рассматриваемое предубеждение, согласно которому скопление населения в ядре государственных центров — это триумф цивилизации, а распад государства на мелкие политические единицы — это слом или провал политического порядка. Я полагаю, мы должны стремиться «нормализовать» крушение государств как некое начало периодических и, наверное, даже благотворных трансформаций политического порядка. В централизованных командно-нормированных экономиках типа Ура Третьей династии, Крита и Китая династии Цинь проблемы усугублялись, поскольку циклы централизации, децентрализации и перегруппировки составных частей государства были обычным явлением³¹.

«Распад» центра древнего государства имплицитно, но часто ошибочно связывают с человеческими трагедиями, например с высокой смертностью. На самом деле вторжение, война или эпидемия приводили ко множеству смертей, а оставление государственного центра обычно было связано с незначительными жертвами или обходилось без них. Подобные случаи следует рассматривать как перераспределение населения — во время войны или эпидемии исход из города в сельскую местность позволял спасти много жизней, которые невозможно было бы сохранить в городе. Своим очарованием «крах» государства во многом обязан работе Эдварда Гиббона *История упадка и разрушения Римской империи*. Однако и в этом классическом труде утверждается, что речь идет не об утрате населения, а о его перераспределении (несколько нелатинских народов, например готы, стали частью населения)³². В широкой исторической перспективе «падение» Римской империи лишь восстановило «прежнюю мозаичную раздробленность региона»,

которая преобладала здесь до того, как империя была сшита воедино из своих составных частей³³.

Таким образом, вопрос о том, что теряется в культурном смысле, когда крупный государственный центр заброшен или разрушен, является эмпирическим. Безусловно, эта ситуация оказывает влияние на разделение труда, масштабы торговли и монументальную архитектуру. С другой стороны, вполне вероятно, что культура выживет и будет развиваться во множестве небольших центров, но уже без прежнего государственного диктата. Нельзя идентифицировать культуру только с государственными центрами или с расцветом придворной культуры. Категорически нельзя путать благосостояние населения с масштабами власти царского двора или государственного центра. Подданные древних государств часто отказывались от земледелия и жизни в городских центрах, чтобы не платить налоги и избежать призыва на военную службу, эпидемий и угнетения. С одной точки зрения, они, казалось бы, делали шаг назад — к более примитивным способам существования (собирательство или скотоводство). С другой и более широкой точки зрения, этот шаг позволял избавиться от трудовых и налоговых повинностей, спастись от эпидемий, сменить крепостной гнет на большую свободу и физическую мобильность и, вероятно, даже избежать смерти в бою, т.е. отказ от жизни в государстве воспринимался как освобождение. Это не отрицает того факта, что жизнь за пределами государства была связана с хищничеством и насилием другого типа, но у нас нет права считать отказ от жизни в городском центре погружением в пучину жестокости и насилия.

Нерегулярные циклы объединения и рассеяния населения возвращали исходные хозяйственные практики, которые существовали до первых государств. Например, согласно историческим данным, резкое похолодание и засушливость позднего

дриаа вынудили население переселиться на теплые и влажные низменности и создать крупные поселения с большими запасами продовольствия. Напротив, в Месопотамии примерно в 7000 году до н.э. (в конце докерамического неолита А) снижение урожаев и, возможно, болезнь спровоцировали общее рассеяние населения. Учитывая сезонную изменчивость сроков и объемов дождевых осадков, есть основания полагать, что для голодных периодов аграрные народы разработали план действий, который требовал покинуть крупные поселения и расселяться по местности, пока ситуация не улучшалась³⁴. Один исследователь Месопотамии предположил, что понятие «двойственность крестьянства» позволяет преодолеть обычно свято оберегаемую и непроницаемую границу между земледельцами и скотоводами. По аналогии со столь же радикальным предположением Оуэна Латтимора о ханьско-монгольской границе в Китае Адамс считает, что «связь между кочевниками и оседлыми сообществами была дорогой с двусторонним движением: индивиды и группы постоянно перемещались в обоих направлениях этого континуума, реагируя на экологическое и социальное давление»³⁵. То, что многие воспринимают как регресс и цивилизационную ересь, при ближайшем рассмотрении оказывается разумным и традиционным инструментом адаптации к изменчивой окружающей среде.

Способы адаптации, предназначенные для выживания в условиях засухи, были характерны для всех оседлых аграрных обществ того периода. Можно назвать их негосударственной подстройкой под окружающую среду, чтобы отличать от эффектов появления государств. Я полагаю, что в эпоху древнейших государств оставление их центра чаще всего было прямым или косвенным следствием государственного строительства. Принимая во внимание беспрецедентную концентрацию зерновых,

людей и домашнего скота, а также стимулируемую государством экономическую деятельность в городах, привычным был целый ряд эффектов государственного строительства — истощение, засоление и заиливание почв, наводнения, эпидемии, пожары, малярия: ни один из них в догосударственную эпоху не достигал таких масштабов, а теперь любой из них мог постепенно или внезапно опустошить город и уничтожить государство.

И, наконец, самый важный фактор для целей нашего исследования — это прямая политическая причина гибели государств: политцид! Непомерные налоги, уплачиваемые зерном и трудом, гражданские войны и конфликты правопреемников в столице, межгородские войны, жестокие телесные наказания и злоупотребления властью — все это можно назвать эффектами строительства государства, которые по отдельности или в сочетании могли стать причиной его краха. В государстве, озабоченном, в первую очередь, обретением и сохранением рабочей силы, отток населения из зернового центра и устойчивый паттерн «бегства в горы» и обращения к скотоводству в периоды бедствий могли служить своего рода инструментом гомеостаза. Вероятно, признавая, что его подданные пытаются скрыться, государство принимало позитивные меры, чтобы уменьшить их бремя и предотвратить отток. Однако частота распадов древних государств говорит о том, что подобные сигналы от своих подданных они либо не получали, либо игнорировали.

За распадом государства часто следовал период «темных веков». Как значение слова «крах» заслуживает тщательного критического рассмотрения, так и понятие «темные века» требует уточнения: «темные» для кого и в каком смысле? Темные века столь же повсеместны, как и легендарные пики династической консолидации. Само это понятие часто выступает инструментом пропаганды,

с помощью которого проводящая государственную централизацию династия противопоставляет свои достижения тому, что считает разобщенностью и децентрализацией. Называние простого обезлюдения государственного центра и отсутствия монументальных строений и придворных летописей темными веками и приравнивание их к угасанию светоча цивилизации по меньшей мере необоснованно. Действительно, в истории случались периоды, когда вторжения, эпидемии, засухи и наводнения уничтожали тысячи людей и приводили к рассеянию (или закабалению) выживших. К подобным периодам понятие «темные века» подходит в качестве отправной точки анализа. Тем не менее «темнота» эпохи — вопрос эмпирический, а не само собой разумеющийся ярлык. Проблема, с которой сталкиваются историки и археологи, стремящиеся осветить темную эпоху, состоит в том, что наши знания о ней ограничены, — собственно поэтому она и называется «темными веками». Мы сталкиваемся по крайней мере с двумя препятствиями: во-первых, с исчезновением верхушки городской политической власти, которая занималась самоописанием и самовосхвалением. Чтобы понять, что происходило в тот период, нам нужно вести изыскания на периферии — в маленьких городках, деревнях и на скотоводческих стоянках. Во-вторых, если не исчезает полностью, то истощается кладезь письменных источников и барельефов, и мы оказываемся если не в полной «темноте», то в царстве устной культуры, которую сложно отследить и датировать. Вместо детально документировавшего свою жизнь придворного центра, подобия универсального магазина для историков и археологов, мы получаем фрагментированные, рассредоточенные в пространстве и преимущественно отказавшиеся от самоописаний «темные века».

Согласно общепринятой точке зрения, после «краха» Ура Третьей династии в конце III тысяче-

летия до н.э. для аллювиальных равнин Шумера начались «темные века», о длительности которых до сих пор ведутся споры. Многие постоянные поселения опустели. «Когда оседлая жизнь еще теплилась, местные летописи и архивы, которые могли бы зафиксировать этот процесс, видимо, уже не велись»³⁶. Масштабы запустения не вызывают сомнений: как отметил Брудбэнк, «по одной оценке, население южного Леванта сократилось до $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{20}$ своей прежней численности <...> Большинство крупных поселений опустели, вместо них появилась россыпь крошечных недолговечных стоянок»³⁷.

Обычно распад Ура объясняется «вторжением» амореев — скотоводов, видимо, вынужденно оставивших свою родину из-за засухи. Однако, если следовать нашей теории о роли рабочей силы, это вторжение вряд ли повлекло за собой жестокое кровопролитие — скорее, гегемония амореев устанавливалась постепенно. Что случилось с местным населением — до сих пор загадка. Возможно, оно рассеялось по территории, раз нет никаких свидетельств того, что здесь была страшная резня. Другая возможная причина — засуха и/или эпидемия, которая унесла много жизней и разбросала выживших по региону. Вероятно, правление амореев было мягче, чем правление Третьей династии Ура: скорее всего, аморейские правители отменили большинство налогов и трудовых повинностей, чтобы сдержать массовый отток населения и сформировать общество крупных земледельцев, торговцев и свободных подданных. В любом случае речь вряд ли идет о грабежах и зверствах варваров.

Большая часть известной нам истории Месопотамии — это подробно задокументированный трехсотлетний период «расцвета» Ура Третьей династии, Аккадского царства и кратковременного господства Вавилона. Однако Сет Ричардсон напоминает, что этот исторический период был аномаль-

ным: семь столетий из девяти — с 2500 по 1600 годы до н. э. — были эпохой раздробленности и децентрализации³⁸. Нет никаких свидетельств того, что этот период, «темный» в смысле отсутствия светоча государственности, летописавшего собственную жизнь, был мрачным и с точки зрения голода и насилия.

Первые «темные века» Египта, получившие название Первого переходного периода, продлились чуть больше столетия (2160–2030 годы до н. э.) между эпохами Древнего и Среднего царств. Нет никаких свидетельств того, что в этот период население резко сократилось или рассеялось по всей территории государства, — скорее, речь идет о разрыве в преемственности центральной власти. Ее очевидным результатом стало усиление власти правителей провинций, номархов, которые лишь номинально остались верноподданными царского двора. Вероятно, и налоговые поступления в казну сократились, раз провинциальные элиты воспользовались правом подражать ритуалам, которые прежде были закреплены исключительно за элитами центра страны, что стало небольшой демократизацией культуры. В целом Первый переходный период кажется не столько темным веком, сколько кратким эпизодом децентрализации, скорее всего, обусловленным низким уровнем воды в Ниле, что привело к неурожаю и ослаблению центральной власти с точки зрения возможностей контроля подданных. Надписи этого периода свидетельствуют о революции в социальных отношениях (грабежи, расхищения зернохранилищ, господство нищих и нищета господ) не в меньшей степени, чем о лишениях³⁹.

«Темные века» Греции продлились примерно с 1100 по 700 годы до н. э. Многие дворцовые центры были покинуты, часто разрушены и сожжены, торговля значительно сократилась, а линейное письмо Б исчезло. Предполагаемые причины

многочисленны и не подтверждены: вторжение дорийцев или загадочных «морских народов» Средиземноморья, засуха или болезнь. С точки зрения культуры речь, видимо, идет о «темных веках» по отношению к великолепию классической Греции. Однако, как уже говорилось, устные эпосы «Одиссея» и «Илиада» датируются именно «темными веками» в истории Греции и лишь позже были записаны в той форме, в какой дошли до наших дней. Действительно, можно возразить, что подобный устный эпос, который сохраняется благодаря многократному исполнению и заучиванию, формирует более демократический тип культуры, чем тот, в котором судьба текстов зависит не столько от исполнения, сколько от небольшого класса грамотных элит, умеющих читать. Хотя «темные века» Греции представляют собой долгий и полный закат первых полисов, мы практически ничего не знаем ни о жизни в тех небольших разобщенных автономных центрах, что выжили, ни об их роли в создании фундамента для последующего расцвета классической Греции.

Таким образом, можно очень многое сказать от лица типичных «темных веков» о человеческом благополучии. Характерное для них рассеяние населения объясняется, прежде всего, бегством от войн, налогов, эпидемий, неурожаев и воинской повинности, т. е. «темные века» исцеляют самые страшные раны государственной концентрации оседлого населения. Порождаемая «темными веками» децентрализация не только уменьшает тяготы жизни, но и обеспечивает скромный вариант эгалитаризма. И, наконец, при условии, что мы не приравниваем культуру к формированию государственных центров верховной власти, децентрализация и рассеяние способствуют росту разнообразия и перестроению культурного производства.

Я хочу указать на еще одну непризнанную и документально не подтвержденную темную эпо-

ху вдали от государственных центров. Бóльшая часть мирового населения в догосударственные времена состояла из безгосударственных охотников и собирателей. Уильям Макнилл предполагает, что они были демографически истреблены, столкнувшись с новыми болезнями, которые были порождены концентрацией зерновых центров и становились все более эндемическими и потому менее смертельно опасными для городского населения⁴⁰. Если это действительно так, то большинство безгосударственных народов исчезло, не оставив о себе никаких свидетельств и упоминаний, т. е. не попав в письменную историю, что случилось с народами Нового Света, которых уничтожили эпидемии заболеваний, часто распространявшихся вглубь материка с такой скоростью, что европейцы просто не успевали их заметить. Если мы прибавим к списку этих болезней превращение безгосударственных народов в рабов, которое продолжалось даже в XIX веке, то получим «темные века» грандиозной длительности и масштабов для народов «без истории», которые прошли незамеченными для самой истории.

Золотой век варварства

Историю крестьян пишут
горожане
Историю
кочевников — оседлые народы
Историю охотников-
собираателей — земледельцы
Историю безгосударственных
народов — судебные писцы
Подтверждения тому можно
найти в архивах — в разделе
«История варваров».

ЕСЛИ БЫ в 2500 году до н. э. мы посмотрели из космоса на первые государства Месопотамии, Египта и долины Инда (например, Хараппан), то они были бы почти незаметны. Если бы мы проделали то же самое в 1500 году до н. э., то увидели бы больше центров государственности (мая и берега Желтой реки), но их географическое присутствие уменьшилось. Даже в годы расцвета римского и раннеханьского «супергосударств» территории их реального контроля были поразительно незначительными. Что касается населения, то его подавляющее большинство на протяжении всего этого периода (и, вероятно, до 1600 года) составляли безгосударственные народы: охотники, собиратели, в том числе морские, садоводы, подсечно-огневые земледельцы, скотоводы и фермеры, которых не контролировало и не облагало налогами ни одно государство¹. Даже в Старом Свете пограничья государств были весьма обширными и манили тех, кто хотел держаться подальше от государства².

Будучи преимущественно аграрными, государства, за исключением нескольких межгорных долин, выглядели как небольшие архипелаги в ал-

лювиальных поймах горстки крупных рек. Как бы могущественны они ни были, их власть была экологически ограничена увлажненными плодородными почвами, необходимыми для концентрации рабочей силы и зерна — фундамента их власти. За пределами этой «золотой середины» между засушливыми районами, болотами, топями и горами власть государств заканчивалась. Они могли организовать карательные экспедиции и выиграть пару сражений, но власть и контроль — совершенно другое дело. Большинство древних государств, независимо от продолжительности жизни, состояли из напрямую управляемого центра, промежуточной зоны, где подчинение народов государству колебалось вместе с его могуществом и богатством, и зоны, государству неподконтрольной. По большей части государство и не стремилось управлять фискально безнадежными территориями за пределами центра, потому что не смогло бы возместить расходы на их контроль. Напротив, государство старалось обзавестись военными союзниками и доверенными лицами на периферии и посредством торговли получать необходимое дефицитное сырье.

Периферия была не просто *неуправляемой*, или, вернее, еще-неуправляемой территорией, а с точки зрения государственного центра зоной, неподконтрольной «варварам» или «дикарям». Хотя эти понятия вряд ли можно развести, как точные линнеевские категории, обычно «варварами» называли враждебные скотоводческие народы, которые представляли военную угрозу для государства, но, при определенных обстоятельствах, могли стать его частью, а «дикарями» — группы охотников и собирателей, которые считались неподходящим «сырьем» для оцивилизовывания, поэтому их следовало игнорировать, убивать или брать в рабство. Когда Аристотель писал о рабах как орудиях труда, он, вероятно, имел в виду «дикарей», а не всех варваров (например, персов).

Оптика «одомашнивания» полезна для понимания смысла слова «варвары» для первых государств. Зерновые земледельцы и подневольные люди, жившие в государственных центрах, — это одомашненные подданные, а собиратели, охотники и кочевые скотоводы — дикие примитивные неодомашненные народы, или варвары, которых следовало превратить в одомашненных подданных так же, как вредители и хищники дикой природы были превращены в домашних животных. В лучшем случае они считались еще не пойманными, а в худшем — помехой или угрозой, которую нужно устранить. Сорняки на вспаханном и засаженном поле считаются по отношению к домашним растениям таким же вредителем, как варвары для цивилизованной жизни. Они — помеха, как птицы, мыши и крысы, пришедшие незваными гостями на ужин из урожая земледельца, они представляли угрозу для государства и цивилизации. «Неодомашненные» сорняки, паразиты, вредители и варвары угрожали цивилизации зернового государства. Их следовало либо приручить и одомашнить, либо, если это не получалось, уничтожить и жестко убрать из хозяйства.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что использую слово «варварский» в ироничном и критическом смысле. «Варвар» и родственные ему понятия — «дикарь», «неотесанный», «лесной человек», «горный человек» — были изобретены в городских центрах, чтобы описывать и стигматизировать тех, кто не стал подданным государства. В эпоху династии Мин понятие «приготовленный», обозначающее ассимиляцию варваров, подразумевало тех, кто начал вести оседлый образ жизни, был внесен в реестры налогоплательщиков и в принципе подчинялся ханьским магистратам, т.е. «был нанесен на карту». Часто группа с общим языком и культурой делилась на подгруппы «сырых» и «приготовленных» исключительно по критерию того, жили

они внутри или за пределами зоны государственного управления. Как для римлян, так и для китайцев варварство и племенной строй начинались там, где заканчивались их налогообложение и власть. Далее я использую понятие «варвар» и его производные как ироничные краткие обозначения «безгосударственных народов».

Цивилизации и их варварская сумрачная зона

Мы подробно рассмотрели внутренние структурные, эпидемиологические и политические причины поразительной нестабильности древних государств. Они также были подвержены агрессивным нападениям других государств. Однако я уверен, что угроза со стороны варваров была главным фактором, сдерживавшим рост государств на протяжении периода, измеряемого скорее тысячами, чем столетиями. Начиная с аморейского вторжения в Месопотамию, через «темные века» в Греции, распад Римской империи, монгольскую династию Юань в Китае и т.д. варвары были самой страшной угрозой для существования государств или по крайней мере решающим сдерживающим фактором их роста³. Я говорю не столько о «звездах» среди варваров — монголах, маньчжурах, гуннах, моголах и османах, сколько о бесчисленных безгосударственных народах, которые мучили безжалостными набегами оседлые сообщества зерновых земледельцев. Кстати, многие безгосударственные народы, жившие набегами, были полuosедлыми (пуштуны, курды и берберы).

Я полагаю, что лучший вариант концептуализации набегов — рассматривать их как развитую и успешную форму охоты и собирательства. Для мобильных собирателей оседлые сообщества представляли соблазнительную концентрацию ресурсов

для собирательства. Определенное представление о поживе, которую они сулили, можно получить из перечня добычи крупного (и в конечном счете неудачного!) налета горных племен на равнинное поселение в западной Индии в позднеколониальный период: 72 вола, 106 коров, 55 телят, 11 буйволиц, 54 медных и латунных горшка, 50 предметов одежды, 9 одеял, 19 железных плугов, 65 топоров, украшения и зерно⁴.

Я считаю, что период между появлением государств и их господством над безгосударственными народами — это своего рода «золотой век варварства»: в это время по многим причинам «лучше» жилось варварам (именно *потому что* существовали государства) — до тех пор пока государства не стали слишком сильны. Государства были лакомым кусочком для грабежей и сбора дани. Как государство требовало от оседлых зерновых земледельцев свою хищническую долю, так и концентрация оседлого населения вместе с зерном, домашней скотиной, рабочей силой и товарами служила для мобильных хищников источником ресурсов. Если мобильность хищников повышалась благодаря верблюдам, лошадям, стременам или быстрым лодкам с малой осадкой, то масштабы и эффективность набегов значительно возрастали. Возвраты к варварской жизни были бы менее привлекательны без подобных концентраций ресурсов для набегов. Если оценивать несущую способность экологической зоны варваров, то мелкие государства поддерживали ее в той же мере, что обширные поля дикорастущих злаков и миграции дичи. Сложно сказать, кто именно — микропаразиты оседлых сообществ или макропаразиты, периодически совершавшие набеги, — стал более значимым фактором, сдерживавшим рост городов и их населения.

Безусловно, пытаться точно датировать «золотой век варварства» — пустая затея. История и география каждого региона задавали особую конфигу-

рацию взаимоотношений государства и варваров, и со временем она могла меняться. Возможно, аморейские «вторжения» в Месопотамию примерно в 2100 году до н.э. и представляли собой пик «неприятностей» с варварами, но они точно не были единственным источником беспокойства для месопотамских городов-государств со стороны их периферии. Следует помнить, что практически все наши знания о варварских «угрозах» почерпнуты из государственных источников, которые имели корыстные причины преуменьшать или, что более вероятно, драматизировать угрозы, трактуя понятие «варвар» либо слишком узко, либо слишком расширительно.

Признавая сложности, Барри Канлифф все же отважился предположить, что, по крайней мере в Средиземноморье, варварское разрушение мира древних государств длилось более тысячелетия до 200 года до н.э. В рамках этого периода он называет столетие между 1250 и 1150 годами до н.э. временем, когда «все здание централизованного бюрократического дворцового обмена рухнуло»⁵. Реальное запустение многих государственных центров в этот период обычно объясняется нападениями «морских захватчиков», возможно, микенского или филистимского происхождения, о которых мало что известно⁶. Они напали на Египет в 1224 году до н.э., затем вновь в 1186 году до н.э. вместе с кочевниками из пустыни к западу от Нила. Примерно в то же время было построено множество укреплений и башен на севере Средиземноморья, предположительно для защиты от набегов с суши и моря. На протяжении этого долгого тысячелетия значительная часть населения Средиземноморья была вынуждена сменить место жительства не один раз. Как утверждает Канлифф, к 200 году до н.э. «всепроникающий дух набегов почти исчез», но не раньше, чем кельты разграбили Дельфы⁷.

В конце этой эпохи на другом краю евразийского континента династии Цинь и Хань решали свои проблемы с племенной конфедерацией хунну, борясь за контроль над обширными территориями в Ордосской петле Желтой реки. Беннет Бронсон считает, что в центре континента, на Индийском субконтиненте, относительное отсутствие сильных государств объяснялось наличием множества мощных кочевых групп, чьи набеги препятствовали государственной консолидации. С IV века до н.э. и до 1600 года «северные две трети субконтинента породили лишь два достаточно долговечных и охватывающих весь регион государства — Чандрагупту и империю Великих Моголов... Ни одно из них и ни одно мелкое северное царство не просуществовало дольше двух столетий, а повсеместные периоды анархических междуцарствий были продолжительными и тяжелыми»⁸.

Оуэн Латтимор, родоначальник исследований пограничных районов в контексте взаимоотношений Китая с его северным мощным военизированным и кочевым приграничьем, отмечает общую для континента особенность: стены и укрепления против безгосударственных народов, которые протянулись из Западной Европы через Центральную Азию в Китай и сохранялись до монгольских вторжений в Европу в XIII веке. Следующее утверждение звучит несколько экстравагантно, но, поскольку его автором является Латтимор, заслуживает обдумывания: «В древнем цивилизованном мире существовала связанная цепь укрепленных северных границ, протянувшаяся от Тихого океана до Атлантического. Видимо, самые первые пограничные укрепления были построены на территории Ирана. Пограничные стены на западе Римской империи в Британии, а также на Рейне и Дунае, защищали от племен, живших в лесах, горах и на лугах и ставших сегодня кочевыми скотоводами»⁹.

Самым главным подарком для варваров, который преподнесло им появление государств, стала возможность не грабить их, а торговать с ними. Поскольку государства были крайне ограничены с агроэкологической точки зрения, их выживание зависело от множества продуктов за пределами аллювиальных равнин. Государственные и безгосударственные народы оказались естественными торговыми партнерами. По мере роста населения и богатства государств расширялись и их коммерческие обмены с жившими по соседству варварами. В I тысячелетии до н.э. наметился взрывной рост морской торговли в Средиземноморье, который в геометрической прогрессии увеличил объемы и доходность торговли. Соответственно, значительная часть «варварской экономики» была связана с поставками на рынки равнин необходимых государствам товаров и сырья, причем большая их доля экспортировалась в другие порты. В основном варвары поставляли государствам домашний скот в самом широком смысле слова: крупный рогатый скот, овец и, прежде всего, рабов. В обмен они получали ткани, зерно, изделия из железа и меди, керамику и ремесленные предметы роскоши — большая их часть также была товарами «международной» торговли. Группы варваров, которые контролировали один или несколько главных торговых путей (обычно судоходную реку) крупного равнинного государства, получали огромные доходы, и их поселения превращались в центры роскоши, талантов и, если хотите, «цивилизации».

Грабежи и торговля с государствами делали экономическую деятельность пограничий более жизнеспособной и прибыльной, чем она была до появления государств. Однако грабежи и торговля не были альтернативными способами присвоения ресурсов — как будет показано ниже, они эффективно сочетались, имитируя определенные формы государственности.

Варварская география и экология

«Варвары» — это однозначно не культура и тем более не ее отсутствие. Не являются они и «этапом» исторического или эволюционного развития, вершина которого — жизнь в государстве в качестве налогоплательщика согласно историческому дискурсу Рима и Китая об инкорпорации. Для римского императора эта жизнь означала изменение статуса с племенного (дружелюбного или враждебного) на «провинциальный» и в конечном итоге на римский, а для ханьской империи — с «сырого» (враждебного) на «приготовленный» (дружелюбный) и в конечном итоге на ханьский. Промежуточные этапы «провинциальный» и «приготовленный» были особыми типами административного и политического включения в состав государства, за которыми, в идеальном случае, следовала культурная ассимиляция. Со структурно-диагностической точки зрения слово «варварский» проще понять, противопоставив его государству или империи. Варвары — это люди, живущие по соседству с государством, а не в нем. По выражению Бронсона, они «заглядывают в государство, не находясь в нем»¹⁰. Варвары не платили налоги, а если и находились с государством в каких-то фискальных отношениях, то речь шла о коллективной уплате дани.

Описывать государственную географию и экологию в древнем мире относительно легко, опираясь на аграрные и демографические требования государственного строительства. Государства возникали только на плодородных увлажненных пойменных почвах. До второй половины I тысячелетия до н.э., когда большие парусные корабли начали перевозить крупные грузы на значительные расстояния, государствам приходилось жестко контролировать свой зерновой центр. Варварскую географию и экологию намного сложнее описать столь же

кратко, потому что она представляет собой объемную и остаточную категорию, по сути, объединяющую все географические зоны, что не подходит для государственного строительства. Обычно к варварским зонам относят леса и степи, но на самом деле практически любая труднодоступная территория, непроходимая или бездорожная, не подходящая для интенсивного земледелия, могла быть названа варварской. Иными словами, нерасчищенные густые леса, болота, топи, дельты рек, торфяники, пустыни, (вересковые) пустоши, засушливые районы и даже море были отнесены государственным дискурсом в категорию варварских зон. Если переводить их буквально, то множество этнонимов оказываются описаниями географических особенностей народов по версии государственного дискурса: «горные люди», «жители болот», «лесные люди», «народы степей». Единственная причина, по которой кочевые скотоводы степей, горные и морские народы часто упоминаются в государственном дискурсе о варварах, состоит в том, что они не только были вне зоны досягаемости государства, но и обычно представляли для него военную угрозу.

Символическим, а часто и реальным пределом государственного влияния была граница, возведенная между «цивилизацией» и «варварами». Первой великой стеной подобного типа стала 250-километровая «стена земли», воздвигнутая примерно в 2000 году до н.э. между Тигром и Евфратом по указу шумерского царя Шульги. Хотя обычно ее описывают как стену, призванную предотвратить вторжения варваров-амореев (с этой задачей она не справилась), Энн Портер и другие исследователи считают, что ее дополнительной задачей было удержание земледельцев-налогоплательщиков южной Месопотамии внутри ее радиуса¹¹. Для ранней Римской империи варвары «начинались» на восточном берегу Рейна,

и эту границу римские легионы не отваживались переходить после разгромного поражения в битве при Тевтобургском лесу в 9 году. Балканы, «край гор и долин, пересеченный бесчисленными ручьями, с несколькими большими равнинами», также были отделены границей укреплений (римскими пограничными валами)¹².

Варварская география соответствует характеристикам варварской экологии и демографии. Как остаточная категория, она описывает способы хозяйствования и расселения, отличные от принятых в зерновом центре государства. В шумерском мифе богиню Аднигкиду увещевают не выходить замуж за бога-кочевника Марту, потому что «он тот, кто живет в горах <...>, кто посеял много распрей <...>, он не ведает покорности, ест сырую пищу, у него нет дома, он не будет предан земле после смерти <...>». Вряд ли найдется более выразительное зеркальное отражение зернового земледельца, ведущего в своей домашней усадьбе жизнь государственного подданного¹³. В Ли цзи («Книге установлений») династии Чжоу варварские племена мясоедов (в сыром или приготовленном виде) противопоставлены цивилизованным приверженцам «зернового питания». Для римлян отличие их зерновой диеты от галльского рациона из мясных и молочных продуктов было основанием претензий на цивилизованный статус. Варвары были рассеяны и высоко мобильны, жили в небольших поселениях. Они могли быть подсечно-огневыми земледельцами, скотоводами, рыболовами, охотниками-собираателями, просто собирателями или мелкими грабителями-торговцами. Они даже могли сажать зерновые и потреблять их в пищу, но, в отличие от подданных государств, злаки вряд были их основным продуктом питания. Благодаря мобильности, разнообразным источникам пропитания и рассеянию они были неподходящим материалом для присвоения и государственного строительства,

и по этой причине их называли варварами. Перечисленные характеристики имели разную степень выраженности, и это позволяло государству отличать варваров, что были кандидатами на оцивильзовывание, от варваров, что категорически для него не подходили. С точки зрения Рима кельты, которые расчищали землю, выращивали немного зерна и строили торговые города (оппидумы), были варварами «высокого качества», а мобильные группы охотников без института вождей считались совершенно безнадёжными. Как и кельтские оппидумы, варварские сообщества могли быть иерархичными, но, как правило, их иерархии не основывались на наследуемой собственности и были менее дифференцированными, чем иерархии аграрных царств.

Превратности географии приводили к тому, что центральная зерновая часть государства была разбита на районы, скажем, горами и болотами, а значит, в сердце государства могло находиться несколько «неинкорпорированных» варварских зон. Обычно государство обходило или перепрыгивало через эти непокорные зоны, сшивая воедино расположенные по соседству пахотные земли. Например, китайцы различали «внутренних варваров», которые жили в таких изолированных районах, и «внешних варваров» на приграничных территориях. Цивилизационный нарратив древних государств подразумевает или прямо утверждает, что некоторые примитивные сообщества благодаря везению или сообразительности одомашнили зерновые культуры и животных и основали оседлые поселения, а затем сделали следующий шаг — создали города и государства. Они отказались от первобытной жизни ради государства и цивилизации. Соответственно, варвары — это те, кто не совершил переход и остался за пределами городов и государства. После этого великого расхождения возникло две зоны: с одной стороны, цивилизованная зона оседлости, городов и государств, с другой сторо-

ны — примитивная зона мобильных и рассеянных по территории охотников, собирателей и скотоводов. Граница между ними проницаема, но только с одной стороны (так утверждает великий нарратив): примитивные народы могут войти в сферу цивилизации, но совершенно немыслимо, чтобы «цивилизованный» человек когда-либо вернулся в прежнее примитивное состояние.

Сегодня, благодаря историческим данным, мы знаем, что эта точка зрения в корне неверна. Она ошибочна по крайней мере по трем причинам: во-первых, она игнорирует тысячелетия плавных и резких переходов туда-обратно между оседлым и неоседлым образом жизни, а также множество их смешанных сочетаний. Постоянные поселения и плужное земледелие были необходимы для государственного строительства, но они были лишь частью огромного множества способов существования, которые можно было использовать или забрасывать в зависимости от ситуации. Во-вторых, сам факт создания государства и его последующее расширение, как правило, были связаны с перемещениями населения. Часть прежнего поселения поглощалась государством, но другая часть, возможно даже большинство, жителей уходила из зоны его контроля. Фактически многие варвары-соседи государства были беженцами, спасавшимися от последствий его строительства. В-третьих, как мы уже видели, после создания государства появлялось не меньше причин для бегства от него, чем для превращения в подданных. Безусловно, как утверждает традиционный нарратив, государства притягивали людей возможностями и гарантиями безопасности, но верно и то, что высокий уровень смертности вместе с бегством из сферы государственного контроля компенсировали тот факт, что рабство, захватнические войны и принудительные переселения были неотъемлемыми инструментами удовлетворения потребности древнего государства в рабочей силе.

Для нашего исследования важно то, что сразу после возникновения государство не только поглощало, но и извергало подданных. Причины их бегства были крайне вариативны (эпидемии, неурожай зерновых, наводнения, засоление почв, налоги, война и призыв на военную службу) и порождали как постоянный небольшой отток, так и иногда массовый исход. Некоторые беглецы отправлялись в соседние государства, но очень многие, в первую очередь военнопленные и рабы, уходили на периферию, чтобы вести иной образ жизни, т.е. намеренно становились варварами. Со временем все возрастающая доля безгосударственных народов оказывалась не «изначально примитивными» и упорно отказывавшимися вести домохозяйство в пределах государства, а его бывшими подданными, которые приняли решение, пусть и в отчаянных обстоятельствах, держать государство от себя на расстоянии. Этот процесс, детально описанный многими антропологами, включая Пьера Кластра, широко известен и получил название «вторичный примитивизм»¹⁴. Чем дольше существовали государства, тем больше беглецов они выталкивали на свою периферию. Со временем районы, где концентрировались беглецы, превратились в «осколочные зоны»: их лингвистическая и культурная неоднородность свидетельствуют о том, что они заселялись на протяжении длительного периода разными волнами беглецов.

Вторичная примитивизация, или «переход в стан варваров», намного более распространена, чем допускает любой стандартный цивилизационный нарратив. Она особенно ярко проявляется в периоды распада государств и междуцарствий, которые отмечены войнами, эпидемиями и экологическими бедствиями. В таких условиях переход в варварство рассматривался не как прискорбный откат в развитии или жизнь, полная лишений, а как явное улучшение питания, безопасности и со-

циального порядка. Часто превращение в варвара было способом изменить свою судьбу к лучшему. Как отметил Кристофер Бекунит,

кочевники в целом лучше питались и вели более простую и долгую жизнь, чем жители крупных аграрных государств. Наблюдался постоянный отток людей, которые бежали из Китая в царство восточных степей и без колебаний провозглашали превосходство кочевого образа жизни. Аналогичным образом многие греки и римляне примкнули к гуннам и другим народам Центральной Евразии, где жили лучше и где с ними обращались лучше, чем если бы они вернулись к себе на родину¹⁵.

Добровольные переходы к кочевому образу жизни не были редкими или исключительными. Как упоминалось выше, Оуэн Латтимор, говоря о монгольском приграничье Китая, настаивал, что целью Великой Китайской стены (множества стен) было удержание китайских налогоплательщиков в ее границах, а не только предотвращение вторжений варваров, но множество ханьских земледельцев все равно «дистанцировали себя» от государства, особенно в периоды политических и экономических беспорядков, и «с готовностью присоединялись к варварским правителям»¹⁶. Латтимор, как исследователь приграничья в целом, цитирует специалиста по истории поздней западной Римской империи, который обнаружил здесь схожий паттерн: «безжалостные налоговые поборы и беспомощность граждан перед богатыми нарушителями законов» вынуждали римлян искать защиты у Аттилы, вождя гуннов¹⁷. Латтимор добавляет: «Иными словами, бывали времена, когда закон и порядок варваров превосходили закон и порядок цивилизованных народов»¹⁸.

Именно потому, что практика ухода к варварам как бы бросает в лицо цивилизации аргумент

«так было на самом деле», вы не обнаружите ее упоминаний в дворцовых хрониках и официальной историографии — они подрывают основы стандартного цивилизационного нарратива. В VI веке по привлекательности готы ничем не уступали своим историческим предшественникам гуннам. Тотила (король остготов, 541–552) не только принимал рабов и колонов в армию готов, но и обращал их против хозяев-сенаторов, обещая свободу и собственность на землю.

Таким образом, он разрешал и оправдывал то, о чем низшие классы Рима мечтали с третьего столетия — они становились готами из чувства отчаяния по поводу своего экономического положения¹⁹.

Соответственно, многие варвары были не примитивными народами, которые по собственной или чужой воле оказались отсталыми, а политическими и экономическими беженцами, которые сбегали на периферию, чтобы избавиться от навязываемой государством бедности, налогов, рабства и войн. По мере того как государства множились и разрастались, они захватывали все большее число тех, кто голосовал против них. Огромная пограничная зона, как и возможность эмиграции в Новый Свет для бедных европейцев в XIX — начале XX веков, предлагала более безопасный способ избегания тягот государственной жизни, чем восстание²⁰. Не романтизируя жизнь варварского пограничья, Бекуит, Латтимор и другие исследователи убедительно показывают, что уход из государственного пространства на периферию воспринимался не как погружение во внешнюю тьму, а как облегчение условий жизни и даже освобождение. Как только государство слабело или оказывалось под угрозой, у правителей возникало искушение оказывать на сердце государства еще большее давление, чтобы возместить свои потери, и это поро-

ждало порочный круг — еще больший отток населения на периферию. Вероятно, этот сценарий отчасти ответственен за распад централизованных дворцовых государств Крита и Микен (примерно в 1100 году до н.э.). «В условиях бюрократического давления, призванного повысить урожаи, крестьянство в отчаянии уходило из государства, чтобы заботиться только о себе, оставляя подчиненную дворцу территорию обезлюдившей, о чем свидетельствуют археологические данные, — пишет Канлифф. — Распад государства после такого исхода не заставлял себя долго ждать»²¹.

Вернемся ненадолго к императиву рабочей силы. Первые государства были успешны в той мере, в какой могли собрать на присвоенной территории множество зерновых земледельцев вместе с плодородной землей. Основой государственного управления было искусство удержать население на месте или, если это не удавалось, восполнить его потери. Ограничение мобильности могло помочь:

Единственным способом избежать потерь населения, власти и богатства в Центральной Евразии стало строительство стен, ограничение торговли в приграничных городах и такая частота нападений на степные народы, которая была необходима, чтобы уничтожить их или держать подальше²².

Племена — это административная выдумка государств: племена начинаются там, где заканчиваются государства. Антонимом слова «племя» является «крестьянин», т.е. подданный государства. То, что племенной уклад — это, прежде всего, характеристика взаимоотношений с государством, прекрасно отражает римская практика возврата к прежним племенным названиям тех римских провинций, что откололись или восстали против Рима. Тот факт, что варвары, которые угрожали государствам и империям и потому попали в кни-

ги по истории, имеют собственные названия — амо-реи, скифы, хунну (сюнну), монголы, алеманны, гунны, готы, джунгары, — создает впечатление их сплоченности и общей культурной идентичности, что обычно не соответствовало действительности. Каждая из этих групп представляла собой непрочную конфедерацию отдельных народов, объединившихся на короткое время ради военных целей, но считалась перепуганным государством единым «народом». В частности, скотоводы имеют поразительно подвижные структуры родства, что позволяет им принимать и исключать членов группы в зависимости от таких факторов, как доступные пастбища, количество скота и насущные задачи, включая военные. Подобно государствам, они испытывают острую потребность в рабочей силе, поэтому быстро включают беженцев и племенников в свои родственные структуры.

Для Рима и династии Тан племена были территориальными единицами управления, имевшими мало отношения или вообще никакого к характеристикам народов, которые назывались племенами. Огромное множество названий племен на самом деле являются географическими наименованиями — конкретной долины, горной гряды, участка реки или леса. Иногда название племени обозначало особенность группы, например римское название «кимвры» — это «грабители» или «разбойники». Цель римских и китайских правителей была схожей — найти, а если это не удавалось, то назначить лидера или вождя, который будет нести ответственность за хорошее поведение своего народа. В рамках китайской системы *туси* — «использование варваров для управления варварами» — назначался вождь, выплачивающий дань, ему предоставлялись титулы и привилегии, в обмен на которые он отвечал за «свой народ» перед ханьскими чиновниками. Безусловно, со временем эта административная фикция могла обрести автономное суще-

ствование. Как только государства рождали такие фикции, начинался процесс их институционализации царскими дворами, выплатами дани, низшими чинами из представителей племени, земельными записями и общественными работами, которые структурировали ту часть повседневной жизни, что предполагала контакты с государством. «Народ», буквально вызванный к жизни из социальной ткани административным заклинанием, мог принять свою фиктивную сущность как самосознание и даже дерзющую государству идентичность. В эволюционной модели цезаря, описанной выше, племена были предшественниками государств. Принимая во внимание то, что нам известно сегодня, было бы правильнее сказать, что, напротив, государства были предшественниками племен и фактически придумали их как инструмент управления.

Набеги

После набега племени, жившего за пределами аллювиальной равнины, зажиточный горожанин Ура записал свой плач:

Тот, кто пришел с высокогорий, унес с собой мое имущество <...> Болота поглотили мое имущество <...> Люди, не знающие серебра, наполнили свои руки моим серебром. Люди, не знающие драгоценных камней, повесили мои украшения на свои шеи²³.

Плотность зерновых запасов, населения и скота, сконцентрированных в небольшом пространстве, была одновременно источником государственной власти и причиной ее потенциально фатальной уязвимости для набегов мобильных групп²⁴. Государство часто не отличалось богатством от периферии, но их решающим отличием было то, что все богатство государства, как любого оседлого сооб-

щества, было удобно сложено в ограниченном пространстве, а богатство периферии рассредоточено на большой территории. Мобильные племена, совершавшие набеги, особенно если они передвигались верхом, имели и военное преимущество. Они могли приехать в любое место в любое время по собственному усмотрению в количестве, достаточном, чтобы сокрушить слабое место в обороне оседлого сообщества или перехватить торговый караван. Если набег был многочисленным, то племя могло взять и укрепленный город. Преимущество мобильных налетчиков состояло в молниеносности набегов: вряд ли они осаждали укрепленные города, потому что чем дольше они оставались у городских стен, тем больше времени было у государства, чтобы мобилизовать силы и свести на нет тактическое преимущество налетчиков. В досовременную эпоху, вероятно, до изобретения пушек, мобильные армии скотоводов обычно превосходили аристократические и крестьянские армии государств²⁵. Даже в регионах, где не было скотоводов и лошадей, это правило работало: более мобильные народы — охотники-собиратели, подсечно-огневые земледельцы и живущие в лодках на воде — обычно доминировали и собирали дань с оседлых садоводов и земледельцев²⁶.

Здесь показательна известная берберская поговорка «набеги — наше земледелие», упомянутая мной во введении: она раскрывает паразитический характер набегов. Зернохранилища оседлого общества содержат результаты двух и более лет аграрного труда, которые налетчики присваивают в мгновение ока. Содержащийся в загонах домашний скот — это живые зернохранилища, которые можно конфисковать. В добычу налетчиков входили и рабы (для выкупа, продажи или использования): они представляли собой сконцентрированный запас ценности и производительности, на формирование которого оседлые сообщества тратили зна-

чительные средства, а лишались за день. Впрочем, если еще расширить нашу «оптику», то можно сказать, что на самом деле один паразит вытеснял другого, потому что мобильные племена в ходе набегов забирали и рассеивали активы, которые были собственностью государства как обладающего исключительным правом присваивать эти ресурсы²⁷.

Варвары, совершавшие набеги, были в относительной безопасности от возмездия государства. Будучи мобильны и рассеяны, они просто растворялись в горах, болотах и бездорожье степей, где государственные армии преследовали их на свой страх и риск. Армии вполне эффективно выступали против фиксированных в пространстве целей и оседлых сообществ, но были практически беспомощны, противостоя группам без центральной власти, без вождя, с которым можно договориться или победить в битве.

Как отмечает Латтимор, другая причина относительного иммунитета, например монгольских налетчиков к китайскому контрудару, — отсутствие центров власти в степях²⁸. Если верить словам скифского собеседника Геродота в его изложении, кочевники, совершавшие набеги, прекрасно понимали военное преимущество отсутствия недвижимого имущества.

У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно²⁹.

В Средиземноморье в конце II тысячелетия до н. э. главная опасность для государств исходила не из степей и пустынь, а с моря. Судоходное море, также как степи и пустыни, дает налетчикам уникальные возможности — внезапно нападать на прибрежные поселения и грабить их, а иногда захватывать и править ими. Морские кочевники поживились за счет бурного роста средиземноморской торговли и пи-

ратства, играя схожую роль со скотоводами, которые нападали на сухопутные караваны. Царь Угарита, правивший рядом с современной Латакией в Сирии, описал нападение на свое царство в тот момент, когда его колесницы и корабли отсутствовали:

И вот корабли врага пришли сюда; мои города были сожжены, и сотворил враг много зла в моей стране <...> Семь кораблей врага, что приплыли сюда, нанесли нам большой ущерб³⁰.

Помимо известных набегов на Египет и Левант, скорее всего, морские разбойники ответственны за разрушение дворцового Крита и центра Хеттского царства³¹. Они были предшественниками других известных морских разбойников — викингов и «морских цыган» (*оранг-лауты*) в Юго-Восточной Азии. Современное пиратство в Аравийском море указывает на то, что даже сегодня скорость, мобильность и внезапность могут дать по крайней мере временное тактическое преимущество над «квазиоседлыми» контейнеровозами.

Нам мало что известно о «морских пиратах». Вероятно, их командным пунктом был Кипр и они ответственны за несколько волн нападений в течение столетия. Как и скотоводы, совершавшие набеги на суше, они были крайне разнородны по культурному и лингвистическому происхождению. В государственных документах и хрониках они упоминаются как источник угроз и ужаса. Однако современные исследования реабилитировали их, показав, что они были не только разбойниками, но и создателями городов в царствах, которые захватывали.

В набеги встроено фундаментальное противоречие, которое, будучи осознано, объясняет, почему набеги — это предельно нестабильный способ существования, который в большинстве случаев перерождался в свою противоположность. Если довести

эту идею до логического конца, то набеги — это самоликвидирующийся образ жизни. Например, если разбойники напали на оседлое сообщество, увели с собой население и скот, забрали все зерно и все ценные вещи, то поселение будет уничтожено. Зная о судьбе предшественников, вряд ли другие люди захотят создать здесь новое поселение. Если разбойники будут практиковать такие набеги постоянно, то, в случае успеха, вскоре перебьют всю «дичь» в округе, т. е. «убьют курицу, которая несет золотые яйца». В принципе то же самое относится к разбойникам и пиратам, которые нападают на торговые караваны на суше и на море. Если они будут грабить всех подчистую, то торговля либо затухнет, либо, что более вероятно, найдет для себя более безопасный путь.

Зная об этом, разбойники, скорее всего, заменят набеги «защитным рэкето́м»: в обмен на долю товаров, урожая, домашнего скота и других ценностей грабители «защищают» торговцев и поселения от других грабителей и, конечно, от самих себя. Эти взаимоотношения похожи на эндемические заболевания, когда патоген не убивает носителя, а живет за его счет. Промышлявших набегами групп было множество, и каждая из них перешла на сбор «налогов» и охрану конкретных сообществ. Безусловно, набеги все равно случались, часто очень разрушительные, но это были нападения на поселения, которые охраняли другие разбойники. Подобные нападения представляют собой форму не прямой войны противоборствующих групп разбойников. Повседневный и устойчивый защитный рэкет — это долгосрочная стратегия, а не однократный грабеж, поэтому она требует стабильного политического и военного окружения. Длительный защитный рэкет предполагает постоянное изъятие излишков у оседлых сообществ и отражение внешних нападений на основу своего благополучия, поэтому он мало чем отличается от архаических государств³².

Как правило, древние государства не только строили стены и содержали армии, но и часто прибегали к другому средству — платили мощным варварам за то, чтобы они *не* совершали набеги. Эти выплаты имели разные формы: чтобы сохранить лицо, правитель мог преподносить их как «дар» в обмен на номинальное подчинение и дань; это могло быть предоставление группе разбойников монопольного права на контроль торговли в определенном районе или конкретным товаром; выплаты могли быть замаскированы под оплату народного ополчения, которое обеспечивало мир на границе. В обмен на выплаты разбойники соглашались грабить только врагов государства-союзника, а оно часто признавало независимость племени на определенной территории. Со временем, если соглашение имело долгосрочный характер, охраняемая разбойниками территория начинала напоминать квазиавтономную провинцию³³.

Отношения между (Восточной) династией Хань и ее кочевыми соседями хунну примерно в 200 году — яркий пример политического приспособленчества. Хунну совершали молниеносные набеги и успевали отступить обратно в степи до того, как государственные войска могли им ответить. Некоторое время спустя хунну отправляли послов ко двору императора с обещаниями мира в обмен на выгодные условия пограничной торговли или прямые денежные выплаты. Соглашение скреплялось договором, в котором кочевники значились данниками с соответствующими выражениями преданности в обмен на крупные выплаты. «Обратная» дань была непомерной: треть ежегодных государственных выплат шла на то, чтобы откупиться от кочевников. Семь столетий спустя, в эпоху династии Тан, чиновники на тех же условиях ежегодно отсылали уйгурам полмиллиона рулонов шелка. На бумаге все выглядело так, будто кочевники были данниками и подчинялись императору Тан, однако

реальный поток денег и товаров говорит нам обратное. На самом деле кочевники брали взятки у чиновников династии Тан в обмен на ненападения³⁴.

Вероятно, защитный рэкет был более распространен, чем можно судить по документам, поскольку такие соглашения были государственным секретом, раскрытие которого ставило под удар публичный фасад якобы всемогущего государства. Геродот писал, что персидские цари платили ежегодную дань сузианцам (жителям города Суз у подножья гор Загроз на границе аллювиальных равнин Месопотамии), чтобы те не совершали набеги на центр Персидского царства и не угрожали его сухопутным торговым караванам. После нескольких поражений в IV веке до н. э. римляне выплачивали кельтам тысячу фунтов золота, чтобы предотвратить набеги, и то же самое повторили с гуннами и готами.

Если мы сделаем шаг назад в историю и расширим перспективу, то обнаружим, что взаимоотношения государств и варваров представляют собой соревнование двух противников за право присваивать прибавочный продукт оседлого модуля, состоящего из зерновых культур и рабочей силы. Этот модуль является фундаментом и государственного строительства, и богатства варваров. Это приз: однократный набег-грабеж полностью уничтожал поселение, а устойчивый защитный рэкет имитировал государственное присвоение ресурсов и по своей долгосрочной эффективности был сопоставим с производительностью зернового центра государства.

Торговые пути и налогооблагаемые зерновые центры

Первые большие поселения уже зависели от торговли и обменов с другими экологическими зонами, и укрепление крупных государств лишь уси-

лило эту зависимость. Учитывая транспортные ограничения древности, сочетание в Месопотамии и Плодородном полумесяце высоких плоскогорий, межгорных долин, предгорных степей, аллювиальных равнин и судоходных рек обеспечило «вертикальную экономику» выгодных обменов³⁵. Появление Ура и Урука стало возможно только благодаря «продукции» больших высот: камню, рудам, маслам, древесине, известняку, мыльному камню, серебру, свинцу, меди, точильным и драгоценным камням, золоту и, не в меньшей степени, рабам и пленникам. Большинство «продуктов» сплавлялись в долины по рекам. Чем длиннее и судоходнее была река, тем больше возможностей было у государственных образований. Маленькие средиземноморские государства были миниатюрными воплощениями этого правила. Обычно они располагались в аллювиальной долине реки недалеко от побережья и на прилегающих возвышенностях, поэтому могли контролировать торговлю и обмены на территории всего бассейна реки. «Это сочетание было выгодным на протяжении длительного времени благодаря своей непревзойденной способности использовать и интегрировать возможности получения продовольствия и обретения богатства одновременно на суше и на море»³⁶.

Самые известные варвары, «звезды» истории, по сути, ничем не отличались от более древних и меньших по численности безгосударственных народов — охотников и собирателей, подсечно-огневых земледельцев, морских собирателей и пастухов, которые совершали набеги на небольшие государства и торговали с ними. Уникальным отличием варваров стало беспрецедентное увеличение масштабов — конфедераций конных воинов, богатств равнинных государств, объемов и охвата торговли. Акцент на набегах в большинстве исторических хроник понятен, учитывая, какой ужас они вызывали у элит перепуганных государств, которые и снаб-

дили нас письменными свидетельствами. Однако такая трактовка упускает из виду центральную роль торговли и важную роль набегов — скорее средства, чем цели. Очень точно это отметил Кристофер Беквит, подчеркивая важность торговых путей:

Китайские, греческие и арабские исторические источники совпадают в том, что степные народы были заинтересованы прежде всего в торговле. Показательна в этом смысле осторожность, с которой народы Центральной Евразии совершали завоевательные походы. Они пытались избежать конфликтов и стремились заставить города мирно покориться. Только если те сопротивлялись или восставали, следовало воздаяние <...> Завоевания центральноевразийцев должны были предоставить им торговые пути или торговые города. Целью их обретения было обеспечение безопасности захваченной территории, чтобы собирать с нее налоги для оплаты социально-политической инфраструктуры правителей. Если все это похоже на то, чем занимались оседлые периферийные государства, то только потому, что они действительно занимались одним и тем же³⁷.

В целом первые аграрные государства и политические союзы варваров преследовали схожие цели — и те и другие стремились контролировать центры концентрации зерна и рабочей силы вместе с их прибавочным продуктом. Один из множества кочевых народов, живших набегами, монголы, сравнивал аграрное население с *рѣкъ* — «стадами»³⁸. И государства и варвары хотели контролировать торговлю в пределах своей досягаемости, покоряли и грабили государства, их основной военной добычей и главным торговым товаром были люди. С этой точки зрения аграрные государства и варвары были рэкетирами-соперниками, предлагавшими свою защиту.

Связь набегов и торговли хорошо видна на кельтском рубеже Римской империи, особенно

в Галлии. Как уже отмечалось, республиканский Рим часто платил кельтам золотом, чтобы они не совершали на него набеги. Со временем кельтские города (оппидумы) превратились, по сути, в многонациональные торговые посты вдоль речных путей в Римскую империю и контролировали торговлю в регионе. В обмен на зерно, масло, вино, дорогие ткани и престижные товары кельты посылали римлянам сырье, шерстяные ткани, кожу, соленую свинину, дрессированных собак и сыры³⁹.

Потенциальные прибыли от контроля сухопутной и водной торговли расширялись в геометрической прогрессии по мере роста самой торговли. Отчасти развитие торговли объяснялось техническими факторами, например совершенствованием судостроения, парусной оснастки и навигации в открытом море, однако, в первую очередь, оно определялось ростом населения и городов вокруг Средиземного моря, Черного моря и основных рек, впадающих в них. Датировка расширения масштабов торговли весьма произвольна, но Барри Канлифф полагает, что уже к 1500 году до н. э. главные центры концентрации населения в Египте, Месопотамии и Анатолии стали основными потребителями товаров отдаленных рынков, а Крит превратился в главную морскую державу Средиземноморья благодаря торговле⁴⁰. Триста лет спустя печально известные «морские народы» стали контролировать городские прибрежные центры Кипра и вытеснили древние аграрные государства из сферы управления торговлей. Первоначально торговля такими дорогими товарами, как золото, серебро, медь, олово, драгоценные камни, благородные ткани, кедр и слоновая кость, была монополизирована, насколько это было возможно, элитами аграрных государств. Однако к 1500 году до н. э. этой монополии пришел конец, а количество и разнообразие товаров невообразимо возросло.

Торговля на большие расстояния не была чем-то новым: еще до неолита ценные товары, если они были небольшими и легкими, обменивались на огромных расстояниях: обсидиан, драгоценные и полудрагоценные камни, золото и сердоликовые бусины. Новшеством стало не столько разнообразие товаров, сколько то, что она становилась оптовой и велась на все более далекие расстояния через все Средиземноморье. Египет стал «житницей» восточного Средиземноморья, отправляя зерно морем сначала в Грецию, а позже в Рим. Важным отличием новой эпохи стало и то, что товары, которые выращивались, собирались и добывались *за пределами* аграрного центра государств обрели экспоненциально расширяющийся потенциальный рынок. Товары из горных и болотистых районов, с высокогорных плато и морских окраин, которые прежде имели лишь местное хождение, теперь продавались «по всему миру». Огромным спросом пользовались пчелиный воск и битум, необходимые для конопачения судов. Ароматная древесина, например, камфорного и сандалового дерева, как и ароматные смолы, такие как ладан и мирра, высоко ценились. Сложно переоценить значение этой трансформации: внезапно периферия и полупериферия первых государств стали источником ценных товаров, для которых появился внушительный рынок. Собирачество на суше и на море, как и охота, превратились в прибыльную коммерческую деятельность.

Несколько кратких аналогий помогут понять значение произошедшего. В IX веке, по мере роста торговых связей между Китаем и Юго-Восточной Азией, масштабы охоты и собирательства в лесах Борнео резко возросли. Некоторые авторы утверждают, что остров, прежде практически не заселенный, вдруг оказался заполнен лесными собирателями, которые надеялись воспользоваться новыми торговыми возможностями — продажи камфорного дерева, золота, слоновьей и носорожьей кости,

пчелиного воска, редких специй, птичьих перьев, съедобных птичьих гнезд, черепаших панцирей и т. д. Вторая и более поздняя аналогия — мировой спрос на слоновую кость (в Северной Атлантике преимущественно для клавиш пианино и бильярдных шаров), который стал причиной множества межплеменных войн за контроль этой торговли и закономерно привел к уничтожению большей части популяции слонов. Еще один пример — торговля бобровыми шкурами в Северной Америке. Сегодня на китайском и японском рынках спрос на корень женьшеня, гусеничный гриб и грибы мацутакэ превратил собирательство в коммерческую деятельность, которая напоминает золотую лихорадку на Клондайке⁴¹. В меньших, но не в менее революционных для своей эпохи масштабах периферии аграрных государств превращались в ценные с коммерческой точки зрения районы (в некоторых отношениях даже более ценные, чем сами аллювиальные равнины), искусно вплетенные в торговые сети всего Средиземноморья. Никогда прежде охотники и собиратели на суше и на море не имели столь многообещающих коммерческих возможностей.

Центральная Евразия располагала множеством продуктов, которыми могла торговать и которые могла обменивать на товары аграрных государств, особенно после того как судоходство открыло для нее отдаленные рынки. Бекуит приводит обширный перечень таких продуктов, составленный первыми путешественниками. Этот список огромен, но и сокращенная версия дает представление о его разнообразии: медь, железо, лошади, мулы, меха, шкуры, воск, янтарь, мечи, доспехи, ткани, хлопок, шерсть, ковры, ткань для одеял, войлок, палатки, стремена, луки, ценная древесина, льняное семя, орехи и никогда не исчезающие из перечня рабы⁴². Набеги кочевых народов, которые напоминали военные кампании аграрных государств, правильнее всего трактовать как инструмент обретения данников

и контроля над торговыми путями. Набеги не были следствием бедности кочевников, в еще меньшей степени их объясняет желание заполучить блестящие безделушки. Все кочевые сообщества были сложными в том смысле, что занимались земледелием и скотоводством, но имели и внушительный класс ремесленников, поэтому, как правило, не испытывали нужды ни в злаках, ни в технических навыках, которыми обладали аграрные государства.

В широком смысле слова варвары занимали уникальную позицию и потому воспользовались преимуществами (часто занимались и прямыми поборами) взрывного роста торговли. Благодаря мобильности и рассеянию по нескольким экологическим зонам они фактически стали соединительной тканью для оседлых государств, живших за счет интенсивного земледелия. По мере роста масштабов торговли мобильные безгосударственные народы смогли установить контроль над артериями и капиллярами торговой сети и собирать на этом основании дань. Кроме того, их мобильность имела решающее значение для морской торговли в Средиземноморье. Как утверждает один археолог, кочевники моря, по всей вероятности, были моряками, которые предлагали услуги «официальной торговли» и нанимались на службу аграрных царств. По мере развития торговли и расширения ее возможностей они становились все более независимой силой, способной навязывать себя посредством создания прибрежных государств, набегов, торговли и сбора дани, т.е. действуя по аналогии со своими сухопутными двойниками⁴³.

Темные близнецы

Государственные и безгосударственные народы, земледельцы и собиратели, «варвары» и «цивилизованные народы» — это реальные и семиоти-

ческие близнецы. Каждый член пары порождал своего партнера. Невзирая на многочисленные исторические свидетельства обратного, идентифицирующие себя как более «развитого» члена пары (земледельцы, государственные и «цивилизованные» народы) считают свою идентичность неотъемлемой, постоянной и превосходящей любую другую. Наиболее тенденциозная из перечисленных пар (цивилизация-варвары) — результат рождения близнецов. Наиболее четко это выразил Латтимор в понятии «темных близнецов»:

Не только водораздел между цивилизацией и варварством, но и сами варварские сообщества были порождены развитием и географическим расширением великих древних цивилизаций. Уместно говорить о варварах как „примитивных“ только применительно к тем отдаленным временам, когда не существовало цивилизации и предки цивилизованных народов тоже были примитивными. С того момента как цивилизация начала развиваться <...>, она поглощала одни народы с их территориями и вытесняла другие, следствием чего для вторых стало то <...> что они меняли свои экономические практики и экспериментировали с новыми типами специализации, а также развивали новые формы социальной сплоченности и политической организации наряду с новыми способами борьбы. Сама цивилизация породила собственную варварскую чуму⁴⁴.

Хотя Латтимор игнорирует миллионы безгосударственных собирателей на суше и на море и подсечно-огневых земледельцев, которые не были скотоводами, он правильно уловил параллельность эволюции кочевых народов и государств. Кочевники, особенно те, что перемещались верхом и, как «чума», налетали на городские центры, — это сильнейшие соперники государств в борьбе за контроль аграрного прибавочного продукта⁴⁵. Охотники-собиратели и подсечно-огневые земледельцы

по мелочи обкрадывали государство, но политически организованные огромные конфедерации конных скотоводов создавались для того, чтобы извлекать богатства из оседлых государств — по сути, они представляли собой «государства в режиме ожидания», или, по выражению Барфилда, «теневые империи»⁴⁶. Самые поразительные случаи, как странствующее государство, основанное Чингисханом и ставшее крупнейшей в мировой истории империей сопредельных земель, и «империю команчей» в Новом Свете, видимо, следует считать «государствами всадников»⁴⁷.

Взаимоотношения кочевой периферии с прилегающим государством могли иметь самые разные формы, но всегда были очень изменчивы. Крайняя форма хищнического взаимодействия состояла в редких набегах, перемежаемых ответными военными экспедициями государственных армий. Жестокие кампании Цезаря в Галлии — редкий пример успешной экспедиции, которая, несмотря на множество последовавших восстаний, расширила римские владения. В других случаях, например если речь идет о хунну, уйгурах или гуннах, взаимоотношения государства с варварами включали в себя взятки, выплаты и нечто вроде обратной дани. Подобные договоренности, благодаря которым варвары получали часть доходов оседлого зернового комплекса в обмен на отказ от набегов, следует считать де факто совместным суверенитетом государства и варваров. В достаточно стабильных условиях такое равновесие могло приближаться к модели приграничного защитного рэкета, описанной выше. Однако условия редко были столь стабильны — по причине государственного строительства или раздробленности и неустойчивых политических союзов кочевников.

Существовало и два иных «решения», каждое из которых фактически разрушало дихотомию варварства-государства. Первое решение состоя-

ло в том, что варвары-кочевники завоевывали государство или империю и превращались в ее новый правящий класс. Так случилось дважды в истории Китая (династии Юань и Маньчжурская/Цинь) и с основателями Османской империи. Варвары становились новой элитой оседлого государства, жили в его столице и управляли его административным аппаратом. Как утверждает китайская пословица, «можно завоевать царство верхом на коне, но, чтобы управлять им, придется спешиться». Второе решение было более распространенным, но менее известным: варвары становились конницей/наемниками государства, патрулировавшими его дороги и сдерживавшими других варваров. Редкое государство или империя обходились без того, чтобы не брать на службу варваров, часто в обмен на торговые привилегии и местную автономию. Усмирение Цезарем Галлии в значительной степени было обеспечено войсками галлов. В данном случае варвары не завоевывали государство, а становились частью его вооруженных сил, как, например, казаки или гуркхи. В колониальную эпоху эта модель получила название «туземный субимпериализм»⁴⁸. Широкомасштабное использование наемников создает особые риски для оседлого государства, что обнаружила династия Тан, когда наняла тюркских уйгуров, чтобы подавить широкомасштабное восстание Ань Лушаня.

Большинство «специалистов по варварам» согласны, что кочевые скотоводы нуждались в оседлых сообществах в качестве складов рабочей силы и денег и торговых центров. Известно, что кочевые скотоводы принудительно переселяли земледельцев, чтобы подобные склады создать. Кроме того, согласно этой точке зрения конфедерации варваров выступали в роли «теневых империй» по отношению к соседним крупным оседлым государствам и паразитировали на них. Квазипроизводный статус варваров подтверждает то, что они обычно ис-

чезали после распада своего государства-носителя. Как отметил Николай Крадин,

степень централизации кочевников прямо пропорциональна степени централизации соседней аграрной цивилизации <...> Империи и квази-империи кочевых народов Евразии появились после окончания «осевого времени», в середине I тысячелетия до н. э., в эпоху мощных аграрных империй (династия Цинь в Китае, династия Маурьев в Индии, эллинистические государства Малой Азии и Римской империи в Европе) и в тех регионах <...>, где кочевники были вынуждены контактировать с высоко организованными аграрными городскими обществами⁴⁹.

Крадин и другие исследователи включают в список пар государств-варваров, которые возникли и распались одновременно, помимо хунну и династии Хань, Тюркский каганат и династию Тан, гуннов и римлян, «морской народ» и египтян, видимо, даже амореев и города-государства Месопотамии. Династии Юань и Маньчжуров не входят в этот список, потому что скорее поглотили оседлое царство, а не исчезли.

Весьма показательно, хотя прискорбно, что так много чернил было потрачено на описание варварских государств, а также империй, которые они разрушили. Как столицы государств доминируют в новостях, так они доминируют в исторических описаниях. Более беспристрастная версия истории запечатлела бы взаимоотношения сотен мелких государств с тысячами безгосударственных соседей, не говоря уже о хищнических и союзнических отношениях безгосударственных народов. Например, в описании Афин в годы Пелопонесских войн Фукидид обсуждает десятки горных и равнинных народов: с царями и без царей, союзников, данников и врагов Афин. Любая из этих пар, будь нам известна история их взаимоотношений, неиз-

меримо бы расширила наше понимание взаимоотношений государств с их безгосударственными соседями.

Золотой век?

Я убежден, что в истории был длительный период, измеряемый не столетиями, а тысячелетиями, начавшийся с появления первых государств и закончившийся лишь четыреста лет назад, который можно назвать «золотым веком» для варваров и безгосударственных народов в целом. На протяжении большей части этой эпохи не существовало политического огораживания, характерного для современных национальных государств. Постоянные пространственные перемещения, открытые границы и смешанные хозяйственные стратегии были отличительной чертой этой эпохи. Даже исключительные и обычно недолговечные империи, существовавшие в эту длинную эпоху (Римская, Хань, Мин, а в Новом Свете государства-сверстники майя и инков), не могли помешать широкомасштабным перемещениям населения по своей политической орбите. Сотни мелких государств возникали, недолго процветали и распадались на составные социальные элементы — деревни, кланы или группы. Жившие в тот период люди искусно меняли хозяйственные практики, как того требовали обстоятельства: отказывались от плуга ради леса, от леса — ради подсечно-огневого земледелия, а от него — ради скотоводства. Хотя рост населения способствовал интенсификации хозяйственных стратегий, хрупкость государств, их подверженность эпидемиям и огромная безгосударственная периферия не позволяют говорить о чем-то вроде государственной гегемонии по крайней мере до 1600 года. До тех пор значительная часть мирового населения никогда не видела (обычного) сбор-

щика налогов, а если и видела, то все равно могла сделаться фискально невидимой.

Нет необходимости настаивать на квазипроизвольной дате 1600 года — это примерное окончание великих евразийских варварских волн: морских набегов викингов с VIII по XI век, великого царства Тамерлана в конце XIV века, завоеваний Османа и его непосредственных наследников. Между этими волнами варвары разрушали, грабили и завоевывали сотни мелких и крупных государственных образований и вынуждали миллионы людей переселяться. Варварские волны были и великими рабовладельческими экспедициями: главным призом этих кампаний были не только драгоценные металлы, но и люди на продажу. После 1600 года набеги не столько прекратились, смешавшись с торговлей, сколько стали более фрагментированными. Эдвард Гиббон, сравнительно редкий голос, которому есть что сказать от лица язычников, задался вопросом, остались ли в Европе в конце XVIII века «варвары» (он говорил о берберийских пиратах в Македонии и высокогорных шотландцах, отмечал, что европейцы присоединились к арабам, прочесывая рабовладельческие порты африканского континента в поисках рабов). За пределами Европы и Средиземноморья набеги, торговля и рабовладение оставались основными видами деятельности горных народов в Малайском мире и в высокогорьях Юго-Восточной Азии. По мере того как росли государства и долговечные пороховые империи, возможности безгосударственных народов совершать набеги и контролировать небольшие государства сокращались со скоростью, которая зависела, в первую очередь, от региона и его географии.

Древнейшие государства, благодаря своим торговым возможностям, которые были дополнены набегами и защитным рэкетом, представляли собой качественно новое окружение для безгосударственных народов. Значительная часть мира вокруг

них обрела ценность: они могли в полной мере участвовать в новых торговых отношениях, не превращаясь в подданных государств. Случались периоды, когда отказ подданного государства от плуга в пользу скотоводства и собирательства на суше или на море представлял собой одновременно рациональный экономический расчет и стремление к свободе. В подобные моменты соотношение варваров и государственных подданных, видимо, менялось в пользу первых, потому что жизнь на периферии была более, а не менее привлекательной.

Жизнь «поздних варваров» судя по всему была относительно хороша. Их хозяйственные стратегии задействовали несколько пищевых сетей, а будучи рассеяны, они избегали риска исчезновения единственного источника пропитания. Скорее всего, они были здоровее и жили дольше, чем население государств, особенно женщины. Прибыльная торговля предоставила варварам больше свободного времени, тем самым еще увеличив разрыв между собирателями и земледельцами по соотношению отдыха и тяжелого труда. И, наконец, что крайне важно, варвары не подчинялись и не были одомашнены иерархическим социальным порядком оседлого земледелия и государства. Практически во всех отношениях варвары были свободнее, чем знаменитые земледельцы-йомены. Это неплохой итоговый баланс для класса варваров, который якобы был давно сметен волнами истории.

Однако в золотом веке варваров было два глубоко печальных обстоятельства, каждое из которых напрямую связано с экологически детерминированной политической фрагментацией их жизни. Несомненно, большинство товаров, которые варвары привозили в торгующие с ними государства, составляли представители безгосударственных народов, которых продавали в рабство в государственных центрах. Эта практика была столь широко распространена в материковой части Юго-Восточной

Азии, что возникла своего рода хищническая цепь, в которой лучше стратегически расположенные и более мощные группы варваров совершали набеги на своих более слабых и рассеянных соседей. Таким образом, варвары укрепляли ядро государств за счет своих собратьев-варваров.

Второй печальный аспект новых хозяйственных укладов на периферии, которые поддерживало государство, состоял в продаже ему варварами своих боевых навыков в качестве наемников. Трудно найти древнее государство, которое бы не вербовало безгосударственные народы — иногда оптом — в свои армии, чтобы ловить беглых рабов и подавлять восстания своего беспокойного населения. Наемники из числа варваров внесли не меньший вклад в строительство государств, чем в их грабеж. Систематически пополняя рабочую силу государства рабами, а также защищая и расширяя его своей военной службой, варвары добровольно вырыли себе могилу.

Примечания

Предисловие

¹ Scott, *Seeing Like a State*; Скотт, Блѡгими нѡмерениями го-судѡрствѡ. — Прим. пер.

² Scott, *The Art of Not Being Governed*; Скотт, Искусство быть неподвлѡстным. — Прим. пер.

³ Mann, *1491: New Revelations of the Americas Before Columbus*. — Прим. пер.

⁴ Kolbert, *The Sixth Extinction*; Колберт, Шестое вымирѡние. — Прим. пер.

⁵ Manning, *Against the Grain*. — Прим. пер.

Введение. Рѡзбитый в пух и прѡх нѡррѡтив, или Чего я не знѡл прежде

¹ Термин был впервые использован голландским климатологом Паулем Крутценом в 2001 году.

² Хронология составлена по итогам личных бесед с Дэвидом Венгроу.

³ Сложно не задаваться вопросом «как мы дошли до жизни такой?» Для меня это слишком амбициозный вопрос, чтобы браться за его решение. Очевидно одно — в значительной степени проблема создана нашими собственными руками и напрашивается на медицинскую аналогию. Считается, что более $\frac{2}{3}$ госпитализаций в промышленно развитых странах вызваны ятрогенными заболеваниями — состояниями, обусловленными предшествующим медицинским вмешательством и терапией. Наши экологические недуги сегодня также в значительной степени являются ятрогенными. В таком случае, видимо, первый шаг к их излечению — это реконструировать длительную глубинную медицинскую историю, которая поможет отследить истоки наших нынешних недугований.

⁴ В I тысячелетии до н.э. (позже интересующего меня периода), когда кочевое скотоводство начало сочетаться с разведением лошадей, стал возможен новый тип неоседлых степных империй, представленных, например, монголами, а позже в Новом Свете команчами. Об этих уникальных государственных формах см.: Härmäläinen, "What's in a Concept? The Kinetic Empire of the Comanches"; Mitchell, *Horse Nations*.

⁵ Единственное известное мне убедительное исследование этой темы представлено в книге об Австралии: Chatwin, *The Songlines*; Чатвин, *Тропы песен*. Рома, или цыгане, — современный пример такой непреклонной мобильности, что после Второй мировой войны известный норвежский дипломат Фритьоф Хансен предложил выдать им первые «европейские» паспорта.

⁶ Как правило, до революции в санитарии (канализация и чистая вода) в середине XIX века и изобретения вакцинации и антибиотиков городское население отличалось столь высоким уровнем смертности, что увеличивалось только благодаря крупномасштабной миграции из сельской местности.

⁷ Складывается впечатление, что подобные поля диких видов и/или культурных, но не одомашненных зерновых, а также периодические объединения людей для сбора урожая и его сохранения были достаточно распространены, чтобы *быть неправильно истолкованы* — будто бы оседлые сообщества выращивали полностью одомашненные зерновые культуры. Выверенная аргументация представлена в: Asouti, Fuller, "Emergence of Agriculture in Southwest Asia".

⁸ Вероятно, самый полный и детальный обзор нынешнего состояния знаний представлен в: Fuller et al., "Cultivation and Domestication Has Multiple Origins"; Asouti and Fuller, "Emergence of Agriculture in Southwest Asia".

⁹ Algaze, "Initial Social Complexity in Southwestern Asia".

¹⁰ Довольно много кочевых народов не имели письменности (часто заимствовали ее у оседлых народов), а если и имели, то обычно писали на недолговечных материалах (кора, листья бамбука и тростника) и не в государственных целях (сохранение заклинаний и любовная поэзия). Тяжелые глиняные таблички, обнаруженные на южных аллювиальных равнинах Месопотамии, — однозначно письменная технология оседлого образа жизни, поэтому их сохранилось так много.

¹¹ Carneiro, "A Theory of the Origin of the State".

¹² McAnany, Yoffee, *Questioning Collapse*.

¹³ См.: Barfield, *The Perilous Frontier*.

Гл. 6. 1

Приручение огня, растений, животных и... и

¹ Brain, *The Hunters or the Hunted? An Introduction to African Cave Taphonomy*, цит. по: Goudsblom, *Fire and Civilization*.

² Cronon, *Changes in the Land*.

³ Эта все еще оспариваемая теория приведена в: Ruddiman, "The Anthropogenic Greenhouse Era Began Thousands of Years Ago"; Nevle et al., "Ecological-Hydrological Effects of Reduced Biomass Burning in the Neo-Tropics After AD 1600".

⁴ Zeder, "The Broad Spectrum Revolution at 40". Хотя я делаю акцент на огне как способе изменения ландшафта, охоты и приготовления пищи, он также применялся для обжига деревянных инструментов, раскалывания камней, придания формы оружию и окуливания ульев задолго до неолитической революции. См.: Pyne, *World Fire*.

⁵ Jones, *Feast*, 107.

⁶ Wrangham, *Catching Fire*, 40–53.

⁷ Читатель может спросить, почему *Homo Sapiens* оказался более успешным захватчиком мира, чем *Homo Neanderthalensis*, который также использовал огонь и готовил пищу. Один ответ на этот вопрос, не сводящийся к более высокой рождаемости, дала Пэт Шипман. Она предположила, что решающее различие человека разумного и неандертальца состоит в использовании еще одного «орудия» — одомашненный волк сделал *Homo Sapiens* более успешным охотником, причем на крупную дичь, а не на падальщиков. Шипман приводит убедительный пример: «волки-собаки» были одомашнены — или прибились к *Homo Sapiens* — более 36 тысяч лет назад, когда два вида гоминидов жили в непосредственной близости; именно этот период, благодаря использованию *Homo Sapiens* собак на охоте, отмечен вымиранием или резким сокращением числа крупных животных, на которых оба вида охотились. В значительной степени аргументация Шипман основана на спорном утверждении о пространственно-временном пересечении двух подвидов человека и их борьбе за охотничьи угодья. Почему тогда *Homo Neanderthalensis* не одомашнил волка — для меня загадка. См.: Shipman, *The Invaders*.

⁸ Об огне и приготовлении пищи см.: Goudsblom, *Fire and Civilization*; Wrangham, *Catching Fire*.

⁹ Carlson, "What Caused the Younger Dryas Cold Event". Хотя датировки позднего дриаса и истока вод из озера

Агассис (к востоку от реки Миссисипи) не совпадают, возможно, что отчасти таяние ледников ответственно за похолодание.

¹⁰ Zeder, "The Origins of Agriculture".

¹¹ Pournelle, "Marshland of Cities". Последующие, но более кратко изложенные результаты ее изысканий представлены в: Pournelle, Darweesh and Hritz, "Resilient Landscapes"; Hritz and Pournelle, "Feeding History". Концепцию Пурнелл предвосхитили другие авторы, хотя с менее вескими доказательствами, напр.: Pollock, *Ancient Mesopotamia*, 65–66; Matthews, *The Archaeology of Mesopotamia*, 86. Детальный исторический и геологический анализ, а также пересмотр «оазисной теории цивилизации» Гордона Чайлда представлен в: Rose, "New Light on Human Prehistory".

¹² См., напр.: Pollock, *Ancient Mesopotamia*, 32–37.

¹³ Этот процесс прекрасно описан Аззамом Авашем: «Неслучайно сельское хозяйство впервые сложилось на окружающих болота лугах, характеризующихся естественно-возобновляемым плодородием. Что сделали шумеры, так это изобрели гениальную систему орошения, которую продолжали использовать их наследники — болотные арабы. В разгар наводнений они высевали семена на возвышенностях, и те давали всходы, как только вода отступала. Эти возвышенности поливались дважды в день благодаря приливам-отливам Персидского залива, который замедляет течение Тигра и Евфрата и создает «запасы» воды. Таким образом, семена поливаются автоматически, нет необходимости открывать каналы или качать воду. Когда рассада подрастает, вода отходит слишком далеко для орошения, поэтому рассаду пересаживают с возвышенностей на низменности/луга. Система орошения продолжает обеспечивать полив дважды в день до начала лета. К тому моменту, когда наводнения прекращаются, корни растений уже дотягиваются до грунтовых вод, поэтому нет необходимости в тяжелом труде орошения». Awash, "The Mesopotamian marshlands: A personal recollection", 640.

¹⁴ Ученые из Латинской Америки отмечают сходства этого типа смежных экологических зон и продовольственной безопасности с теорией «вертикального архипелага» (применительно к экологическим зонам стран Андского сообщества), которая стала известна благодаря Дж. В. Мурра. См., напр.: Rowe and Murra, "An Interview with John V. Murra".

¹⁵ Sherratt, "Reviving the Grand Narrative", 13.

¹⁶ Heather, *The Fall of the Roman Empire*, 111.

¹⁷ H. R. Hall, *A Season's Work at Ur, Al-Ubaid, Abu-Shahrain (Eridu) and Elsewhere...* цит. по: Pournelle, "Marshland of Cities", 129.

¹⁸ Проницательный анализ логики этого процесса представлен в: D'Souza, *Drowned and Dammed*.

¹⁹ Smith, "Low Level Food Production".

²⁰ Zeder, "The Origins of Agriculture," S230–S231.

²¹ Zeder, "After the Revolution", 99.

²² Endicott, "Introduction: Southeast Asia", 275. К. Эндикотт и Дж. Бенджамин называют этот поворот «респециализацией».

²³ Febvre, *A Geographical Introduction to History*, 241.

²⁴ Понятие встречается в: Hodder, *The Domestication of Europe*. Хотя я считаю введенный Ходдером термин «domus» (дом, усадьба) аналитически полезным, позже Э. Шерратт верно заметил, что «воля к оседлости» не может позиционироваться как причинная сила человеческой истории. См.: Sherratt, "Reviving the Grand Narrative", 9–10.

²⁵ Porter, *Mobile Pastoralism*, 351–393.

²⁶ Вопрос «хранения», включая «социальное хранение» и взаимность как способы справиться с изменчивым естественным окружением, рассматривается с разных точек зрения в: Halstead and O'Shea, *Bad Year Economics*.

²⁷ Тщательный анализ представлен в: Rowley-Conwy, Zvelibil, "Saving It for Later".

²⁸ Park, "Early Trends Toward Class Stratification".

²⁹ Я обнаружил, что, как и многие другие идеи, эта тоже была придумана не мной! См.: Manning, *Against the Grain*, 28.

Гл҃ва 2

Бл҃гоустройство мир҃: м҃ния одом҃шив҃ния

¹ Zeder, "Introduction", 8. Зедер утверждает, что обнаружены свидетельства того, что люди «активно возделывали землю и ухаживали за дикорастущей рожью и пшеницей-однозернянкой в Абу-Хурейре и в близлежащем Мурейбете в период позднего эппалеолита в 15 000–13 000 годы до н. э.». Документально подкрепленный и поучительный анализ перехода от охоты и собирательства к оседлому земледелию представлен в: Moore, Hillman and Legge, *Village on the Euphrates*.

² Moore, Hillman and Legge, *Village on the Euphrates*, 387. Авторы отмечают, что «доминирующие сегодня в сухом возделывании зерновых сорняки» — клевер, люцерна, дикие родственники пажитника, ячмень заячий, мелкосемянные травы, пырей ползучий и воробейник (семейство

бурачниковых) — обнаружены в больших количествах среди остатков древних семян на Ближнем Востоке, что считается верным признаком земледелия.

³ Чтобы не сложилось впечатления, будто подобные героические усилия предпринимал только *Homo Sapiens*, вспомним маленькую гагарку, питающуюся рыбой, которая заселила север Гренландии и своими отходами создала достаточно почвы, чтобы сформировать привлекательную среду обитания для мелких млекопитающих, чье присутствие, в свою очередь, привлекло крупных хищников, включая полярного медведя.

⁴ См.: Fowler, “Ecological/Cosmological Knowledge and Land Management Among Hunter-Gatherers”, 419–425.

⁵ Boserup, *The Conditions of Agricultural Growth*.

⁶ Замечательное и превосходно иллюстрированное исследование истоков сельского хозяйства с акцентом на роли торговли представлено в: Sherratt, “The Origins of Farming in South-West Asia”.

⁷ Я не имею в виду сорных беглецов типа свиней, которые прекрасно выживают за пределами домашней усадьбы: овес, рожь, вику, рыжик, морковь, репу и подсолнечник.

⁸ Diamond, *Guns, Germs, and Steel*, 172–174; Даймонд, *Пульсы, микробы и сталь*, 219–222.

⁹ Из четвероногих домашних животных свиньи и козы могут легко и паразитично успешно перескакивать из одомашненного состояния в «дикость».

¹⁰ Обзор исторического развития домохозяйства в европейском контексте представлен в: Hodder, *The Domestication of Europe*.

¹¹ Описание экспериментов Д. К. Беляева приведено в: Trut, “Early Canine Domestication”.

¹² Zeder, “Pathways to Animal Domestication”.

¹³ Zeder et al., “Documenting Domestication”; Zeder, “Pathways to Animal Domestication”.

¹⁴ Berry, “The Genetical Implications of Domestication in Animals”.

¹⁵ См.: Molleson, “The People of Abu Hureyra”; Moore, Hillman, Legge, *Village on the Euphrates*, 301–324.

¹⁶ Leach, “Human Domestication Reconsidered”.

¹⁷ Выдающийся ученый, предложивший теорию домашней усадьбы как основной социальной единицы аграрного общества, — Иен Ходдер. Центральная роль, которую он признает за домашней усадьбой в процессе одомашнивания в работе «Одомашнивание Европы» (Hodder, *The Domestication of Europe*), была предугадана Питером Уилсоном

в работе «Одомашнивание рода человеческого»: Wilson, *The Domestication of the Human Species*.

¹⁸ Leach, "Human Domestication Reconsidered", 359.

¹⁹ Два общепризнанных кандидата — это появление клеточно-серповидной особенности как способа защиты от малярии, которая обрела эпидемический характер вследствие антропогенных изменений ландшафта, и повышение переносимости лактозы, особенно у кочевых скотоводов. Более сомнительны теории формирования II, III и IV групп крови и объяснения, от каких эпидемических заболеваний они могут в той или иной степени защитить. См.: Boyden, *The Impact of Civilisation on the Biology of Man*.

²⁰ Pollan, *The Botany of Desire*, xi–xiv.

²¹ Evans-Pritchard, *The Nuer*, 36; Эванс-Причард, *Нуэры*, 41.

²² См.: Conklin, *Hanunoo Agriculture*; Lévi-Strauss, *La Pensée sauvage*; Леви-Строс, *Первобытное мышление*.

²³ Оуэн Латтимор, сравнивая монголов-скотоводов с ханьцами-земледельцами, делает более жесткие выводы, чем я, посредственный фермер, понимающий, как сложно решать эти задачи: «На самом деле монгол, с детства приученный к самостоятельности, к выполнению всех видов работ — обрабатывать кожу и войлок, управлять телегой и караваном, выживать без крова в любую погоду и прокладывать маршрут на большие расстояния, но, самое главное, принимать самостоятельные решения, — незамедлительно и в любых обстоятельствах имел преимущество в конкуренции с крестьянином-поселенцем, который жил в одной мазанке всю свою жизнь, не пытаясь что-либо изменить в рутинной последовательности посадки и сбора урожая, где решения за него принимали землевладелец и календарь». Lattimore, "On the Wickedness of Being Nomads", 422.

²⁴ Elias, *The Civilizing Process*; Элиас, *О процессе цивилизации*.

²⁵ Возможные эквиваленты на русском языке, также связанные с урожаем: «Как в поле свезешь, так и с поля увезешь»; «Невспаханный пласт урожая не даст»; «В срок не заборонишь — урожаем уронишь». — *Прим. пер.*

²⁶ Tocqueville, *Democracy in America*, 2: 1067; де Токвиль. *Демократия в Америке*, 407.

Глѡвѡ 3

Зоонозы: идеѡльный эпидемиологический шторм

¹ Moore, Hillman and Legge, *Village on the Euphrates*, 393. Это поразительно всеобъемлющее и важное исследование богатейшего места раскопок в Месопотамии.

² Burke and Pomeranz, *The Environment and World History*, 91, цитируется работа: Christensen, *The Decline of Iranshahr*. Кристенсен описывает более поздний исторический период, но он датирует истоки заболеваний неолитическим переходом (см. главу 7 настоящей книги).

³ Вполне вероятно, успехи в восстановлении генетического материала скоро обеспечат более убедительные доказательства этих предположений.

⁴ См., напр.: Porter, *Mobile Pastoralism*, 253–254; Radner, “Fressen und gefressen werden”; Radner, “The Assyrian King and His Scholars”; Farber, “How to Marry a Disease”.

⁵ Farber, “Health Care and Epidemics in Antiquity”. Археологические свидетельства были собраны преимущественно в городе Мари на реке Евфрат в Уруке начала II тысячелетия до н. э.

⁶ Nemet-Rejat, *Daily Life in Ancient Mesopotamia*, 80.

⁷ Nemet-Rejat, *Daily Life in Ancient Mesopotamia*, 146. Немет-Реджат добавляет: «Предзнаменование, что боги чумы маршируют со своими войсками, скорее всего, говорит об эпидемии тифа».

⁸ Groube, “The Impact of Diseases”; Burnet and White, *The Natural History of Infectious Disease*, chs 4–6; McNeill, *Plagues and People*.

⁹ McNeill, *Plagues and People*, 51.

¹⁰ Полиомиелит — пример эпидемического заболевания, обусловленного переизбытком гигиены. Например, в крупном городе глобального юга — Бомбее — подавляющее большинство детей младше пяти лет имеют антитела к нему, что говорит об их инфицировании полиомиелитом, который передается через помет животных и редко смертелен для детей. Однако для тех, кто не переболел полиомиелитом в детстве, заражение во взрослом возрасте может привести к очень тяжелым последствиям.

¹¹ Moore, Hillman and Legge, *Village on the Euphrates*, 369.

¹² Roosevelt, “Population, Health, and the Evolution of Subsistence”.

¹³ Nissen, Heine, *From Mesopotamia to Iraq*.

¹⁴ Dark and Gent, “Pests and Diseases of Prehistoric Crops”.

¹⁵ Dark and Gent, “Pests and Diseases of Prehistoric Crops”, 60.

¹⁶ См.: Lee, “Population Growth and the Beginnings of Sedentary Life”.

¹⁷ См.: Redman, *Human Impact on Ancient Environments*, 79, 169. Автор отмечает, что небольшое изменение возраста первого зачатия или сокращение интервала между зачатиями на три-четыре месяца со временем приводит

к огромным изменениям в темпах прироста населения. Условная группа в 100 человек, которая увеличивается со скоростью в 1,4%, т.е. удваивает свою численность каждые 50 лет, всего через 850 лет превратится в 13 миллионов.

¹⁸ В Европе только 20–28% ДНК древних земледельцев прослеживается до миграций из ближневосточных колыбелей земледелия. Это означает, что большинство древних земледельцев были потомками местных охотников-собираателей. См.: Morris, *Why the West Rules—for Now*, 112; Моррис, *Почему властвует Запад*, 119.

Глава 4

Агроэкология первых государств

¹ Эпиграфы: шумерский текст цитируется по: Paulette, “Grain, Storage, and State-Making,” 85; предисловие Д. Г. Лоуренса к «Великому инквизитору» Ф. М. Достоевского: Lawrence, “Introduction”.

² Pournelle, “Marshland of Cities,” 255.

³ Pournelle, “Physical Geography,” 28.

⁴ Pournelle, Algaze, “Travels in Edin,” 7–9.

⁵ Где бы она ни применялась, шумерская ирригация сегодня считается намного менее централизованной, чем казалось прежде, поскольку работы по строительству каналов носили кратковременный характер и легко организовывались местными сообществами. См.: Wilkinson, “Hydraulic Landscapes and Irrigation Systems”, 48. Видимо, то же самое можно сказать о Египте.

⁶ Ответ на вопрос, когда можно говорить о возникновении армии, не так прост. Из древней Месопотамии до нас дошли изображения битв, оружия, доспехов и, конечно, трофеев и пленников военных кампаний. Их описания подтверждают, что уже тогда существовала воинская повинность и широко распространенные попытки уклониться от нее. Однако первые четкие упоминания постоянной армии относятся к более позднему периоду — аккадской династии Саргон (2334–2279 годы до н. э.). См.: Nemet-Rejati, *Daily Life in Ancient Mesopotamia*, 231.

⁷ Nissen, *The Early History of the Ancient Near East*, 127. Убедительные археологические свидетельства в виде захоронений местной знати появились позже, примерно в 2700 году до н. э., а свидетельства наличия царей и постоянных армий — только в 2500-м. Поскольку было найдено всего несколько захоронений, датируемых до 2700 года,

можно привести поговорку «отсутствие доказательств не есть доказательство отсутствия».

⁸ Nissen and Heine, *From Mesopotamia to Iraq*, 42.

⁹ Postgate, "A Sumerian City", 83.

¹⁰ Nissen, *The Early History of the Ancient Near East*, 130.

¹¹ Nemet-Rejat, *Daily Life in Ancient Mesopotamia*, 100.

¹² Торговля начала развиваться позже, во II тысячелетии до н. э., поэтому стратегически важные точки на сухопутных и морских торговых путях (без сельской периферии) становились центрами государственного строительства. Намного позже, с началом оптовых морских перевозок, государственное строительство в выгодных торговых точках (в Венеции, Генуе и Амстердаме) создало морские государства, получавшие большую часть продовольствия по морским путям с отдаленных территорий.

¹³ Lattimore, "The Frontier in History", 475.

¹⁴ Медь и олово обрабатывались частично, потому что на аллювиальных равнинах было недостаточно высококачественного топлива для выплавки.

¹⁵ Очевидные исключения — естественно сложившиеся «узловые точки» на сухопутных торговых путях (горные проходы, броды и оазисы в пустыне). Малаккский пролив, важный географический узел государственного строительства в Юго-Восточной Азии, — классический пример и водного маршрута, и узловой точки контроля древнего морского торгового пути между Индией и Китаем.

¹⁶ Этот пример, который, как я отчетливо помню, я вычитал в первых параграфах книги по истории Британии в XIX веке, один из моих читателей назвал «городским мифом». Я не смог восстановить исходную цитату, но могу доказать свою правоту более убедительными способами. Относительно быстрый экипаж (до появления дорожного покрытия типа «макадам»!) в то время преодолевал в среднем 20 миль в день. Расстояние между Лондоном и Эдинбургом составляет около 400 миль, соответственно, путешествие заняло бы порядка 20 дней. Быстрый клипер в 1800 году мог пройти за день 460 миль. Расстояние между Саутгемптоном и Кейптауном — около 6 тысяч миль, и морское путешествие при попутном ветре заняло бы немногим более 13 дней. Медленному клиперу, идущему со средней скоростью в 300 миль в день, на это понадобилось бы 20 дней. Затраты на водные путешествия в доиндустриальной Европе один чиновник оценил в 1/20 затрат на сухопутные перемещения. Например, в XVI веке при перевозке угля по суше каждую милю груз терял 10%

стоимости, поэтому перевозки угля на расстояние больше 10 миль были невыгодны. Зерновые грузы обладали большей стоимостью в пересчете на единицу веса и объема, поэтому теряли в цене только 0,4% на каждую милю пути, т. е. должны были преодолеть более 250 миль, прежде чем стать убыточными. Безусловно, угроза грабежей (разбойники с большой дороги, бандиты и пираты) и, соответственно, затраты на наем вооруженных конвоев серьезно уменьшали эти абстрактные эконометрические результаты. См.: Kohn, *The Origins of Western Economic Success*, ch. 5, <http://sites.dartmouth.edu/mkohn/files/2017/03/01-02.pdf>.

¹⁷ Географические препятствия важны и по другой причине. Государство нуждается в большой численности населения (земледельцы, работники, солдаты и налогоплательщики), и ему помогает география — если людям некуда бежать в случае недовольства. Как показал Роберт Карнейро, в Месопотамии население было зажато (в его версии — «окружено»), можно сказать, поймано в ловушку, которую сформировали болота, море, засушливые районы и горы, т. е. у зерновых земледельцев не было легких способов бегства от государства. Карнейро полагает, что претенденты на статус создателей государства фактически брали население в плен, и ситуация была схожей как в Египте и древних государствах Желтой реки, окруженных пустынями, так и в бассейне Амазонки и восточных лесах Северной Америки. Хотя в истории достаточно примеров перехода от земледелия к скотоводству, подсечно-огневому земледелию, морскому образу жизни и даже охоте и собирательству, наличие географических и экологических сдерживающих факторов и, видимо, враждебного окружения помогало древнейшим государствам удерживать свое население на аллювиальных равнинах. В Месопотамии проблема состояла в том, что при желании земледельцы относительно легко превращались в скотоводов и перемещались севернее — на аллювиальные равнины вдоль Тигра и/или Евфрата. См.: Carneiro, “A Theory of the Origin of the State”.

¹⁸ Подчеркну еще раз: речь идет не о первых формах оседлости, а о первых долговечных поселениях, из которых позже выросли первые государства. Первые постоянные поселения на аллювиальных равнинах, как и повсеместно, не были земледельческими, а занимались собирательством и охотой на стыке экосистем, богатых ресурсами. Вероятно, первые в мире оседлые сообщества — прибрежные поселения культуры Дземон на северо-восто-

ке Японии в XII тысячелетии до н.э., которые возникли одновременно или даже раньше натуфийской культуры в Плодородном полумесяце. Как и в описанной Пурнелл экосистеме, представители культуры Дземон занимались собирательством в богатых ресурсами и легко доступных морских и лесных районах, как и коренные американцы на северо-западе Тихого океана.

¹⁹ Pournelle, "Marshland of Cities", 202.

²⁰ Такие культуры Анд, как амарант и киноа (из того же семейства «псевдозлаковых»), не стали основными налоговыми культурами, видимо потому, что их период созревания слишком растянут во времени (из личной беседы с Алдером Келеманом в сентябре 2015 года).

²¹ Febvre, *A Geographical Introduction to History*, part III, 171–200.

²² Схожая аргументация приведена в: Manning, *Against the Grain*, chs 1–2.

²³ Поскольку большинство питательных веществ орошаемый рис получает из воды, а не из почвы, устойчивое выращивание риса на протяжении длительного периода времени требует меньше паров и навоза, чем производство пшеницы или кукурузы.

²⁴ Я подтвердил гипотезу о разных политических последствиях выращивания клубневых и зерновых культур на обширном историческом материале в работе: Scott, *The Art of Not Being Governed*, 64–97, 178–219; Скотт, *Искусство быть неподвластным*, 104–149, 262–322. В книге я развожу «государственные» культуры (рис) и «ускользающие от государства» (маниока и картофель). Я полагаю, что государства зависят от зерновых на постоянных полях, и население, которое не хочет платить налоги и подчиняться государственному контролю, начинает переходить на клубневые культуры, подсечно-огневое земледелие, охоту и собирательство, чтобы оказаться вне пределов досягаемости государства. Недавно похожую, но не идентичную теорию предложили другие авторы: Mayshar et al., "Cereals, Appropriability, and Hierarchy". Они определили ключевое отличие (легкость отъема у населения) зерновых, клубневых и корнеплодов, но не заметили, что во многих регионах выбор культур носил политический характер: зарождавшиеся государства поощряли, а часто и заставляли население выращивать злаки. Хотя авторы справедливо связывают зерновые с государственностью и социальной иерархией, а корнеплоды — с безгосударственными эгалитарными обществами, они ошибочно трактуют хозяйственные прак-

тики как примордиалистскую данность, а не как продукт политических институтов и решений (а ведь достаточное количество воды и хорошие почвы допускают разные стратегии пропитания). Также авторы утверждают, видимо, отталкиваясь от институциональной экономической теории общественных благ, что создание государства — великодушное изобретение элит в интересах защиты зерновых запасов сообщества от «грабителей». Я придерживаюсь иной точки зрения: государство возникло как инструмент протекционистского рэкета победившей группы грабителей. Хотя я очень рад тому, что другие авторы обнаружили важную взаимосвязь между сортами возделываемых культур и государственным строительством, я настаиваю, рискуя подвергнуться критике за малодушие, что являюсь отцом этой теории, которую сформулировал на шесть лет раньше, о чем авторы, видимо, не осведомлены.

²⁵ McNeill, "Frederick the Great and the Propagation of Potatoes".

²⁶ Adams, "An Interdisciplinary Overview of a Mesopotamian City".

²⁷ Lewis, *The Early Chinese Empires*, 6.

²⁸ Heather, *The Fall of the Roman Empire*, 56; Хизер, *Падение Римской империи*, 37.

²⁹ Lindner, *Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia*, 65.

³⁰ Yoffee and Cowgill, *The Collapse of Ancient States*, 49. В личной беседе Сет Ричардсон отметил, что источник цитаты — поэтическое восхваление богов, поэтому она вряд ли показательна.

³¹ Porter, *Mobile Pastoralism*, 324. Слово «стена» несколько дезориентирует, потому что может обозначать и цепь населенных пунктов (укрепленных или нет), которые являются физической границей политического контроля и называются государственной границей или периметром.

³² Wang Haicheng, *Writing and the Ancient State*, 98.

³³ Вероятно, за несколько столетий до становления государственности в крупных городских учреждениях, предположительно в храмах, возникла протоклинопись для записи сделок и распределения благ (из личного разговора с Дэвидом Венгроу в мае 2015 года).

³⁴ Nissen, "The Emergence of Writing in the Ancient Near East". Ниссен добавляет: «Возникновение письменности, на мой взгляд, ни в коей мере не дает нам права провозглашать ее одним из величайших интеллектуальных достижений человечества. Ее влияние на интеллектуальную жизнь не было столь внезапным, чтобы оправдать разведе-

ние темных «доисторических» веков и яркой истории <...> К тому времени, когда возникла письменность, уже было сделано большинство шагов к более развитой, цивилизованной форме жизни. Письменность — скорее, побочный продукт курса на быстрое развитие сложной жизни в городах и государствах» (р. 360). См. также: Pollock, *Ancient Mesopotamia*, 168. Поллок утверждает, что клинопись не использовалась для записи храмовых гимнов и посвящений, мифов и пословиц до 2500 года до н. э.

³⁵ Crawford, *Ur*, 88.

³⁶ Algaze, "Initial Social Complexity in Southwestern Asia".

³⁷ Описание древней письменности Китая основано на: Wang Haicheng, *Writing and the Ancient State*; Lewis, *The Early Chinese Empires*.

³⁸ Lewis, *The Early Chinese Empires*, 274.

³⁹ Algaze, "Initial Social Complexity in Southwestern Asia", 220–222 — цитируется К. К. Ламберт-Карловски. См. также: Scott, *The Art of Not Being Governed*, 220–237; Скотт, *Искусство быть неподвластным*, 323–348.

Глѡбѡ 5

Контроль нѡселения: неволя и войны

¹ Steinkeller and Hudson, "Introduction: Labor in the Early States: An Early Mesopotamian Perspective".

² Sahlins, *Stone Age Economics*; Салинз, *Экономикѡ кѡменного века*.

³ Chayanov, *The Theory of Peasant Economy*, 1–28; Чаянов, *Крестьянское хозяйство. Избрѡнные труды*, 114–143. Практически та же логика лежит в основе часто наблюдаемой «кривой предложения труда обратного изгиба»: докапиталистические народы становятся наемными работниками для достижения конкретной цели (иногда ее называют «целевым доходом», например для оплаты свадебных расходов или покупки мула) и, вопреки стандартной микроэкономической логике, работают меньше за бѡльшую заработную плату, просто потому что достигают своей цели намного быстрее.

⁴ Boserup, *The Conditions of Agricultural Growth*, 73.

⁵ В аграрных обществах патриархальная семья — своего рода микромодель этой ситуации. Удержание труда — физического и воспроизводственного — женщин в семье, а также труда детей играет главную роль в успехе всего предприятия, особенно в успехе исполнительного директора семьи — ее главы!

⁶ Thucydides, *The Peloponnesian War*, 221.

⁷ Richardson, "Early Mesopotamia", 9, 20. Я полагаю, что слово «стадо» применялось не случайно: скрывавшиеся подданные сравнивались с «разбежавшимся стадом крупного рогатого скота» (р. 29). Даже войны между крупными государствами были призваны сократить рабочую силу врага как основу успешного управления государством (р. 21–22).

⁸ Santos-Granero, *Vital Enemies*.

⁹ Hochschild, *Bury the Chains*, 2.

¹⁰ Взаимосвязь государственного строительства с рабством и набегами работорговцев описана в моей книге: Scott, *The Art of Not Being Governed*, 85–94; Скотт, *Искусство быть неподвластным*, 133–145.

¹¹ Finley, "Was Greek Civilization Based on Slave Labour?"

¹² Finley, "Was Greek Civilization Based on Slave Labour?", 164.

¹³ Мои соображения, изложенные ниже, почерпнуты из работ: Yoffee, *Myths of the Archaic State*; Yoffee and Cowgill, *The Collapse of the Ancient States and Civilizations*; Adams, "An Interdisciplinary Overview of a Mesopotamian City"; Algaze, "Initial Social Complexity in Southwestern Asia"; McCarris-ton, "The Fiber Revolution".

¹⁴ Наиболее соответствующая моему прочтению точка зрения представлена в: Diakonoff, *Structure of Society and State in Early Dynastic Sumer*; Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер*.

¹⁵ Gelb, "Prisoners of War in Early Mesopotamia".

¹⁶ Тейт Полетт исследует процесс оценки, сбора и хранения в деталях, особенно в поселении Фара на аллювиальной равнине III тысячелетия: Paulette, "Grain, Storage, and State-Making in Mesopotamia".

¹⁷ Algaze, "The End of Prehistory and the Uruk Period", 81. Алгаз опирается на работу: Englund, "Texts from the Late Uruk Period", 236.

¹⁸ Algaze, "The End of History and the Uruk Period", 81.

¹⁹ Seri, *The House of Prisoners*, 259. Это период на два столетия позже правления Третьей династии Ура, и обстоятельства здесь исключительные, но я полагаю, что многие из описанных практик имеют «семейное сходство» с более ранними; оставшаяся часть параграфа опирается на данные из этой книги.

²⁰ Nissen, Heine, *From Mesopotamia to Iraq*, 31.

²¹ Gelb, "Prisoners of War in Early Mesopotamia", 90; более поздний, но соответствующий теме период: Tenney, *Life at the Bottom of Babylonian Society*, 114, 133.

²² Tenney, *Life at the Bottom of Babylonian Society*, 105, 107–118.

²³ Steinkeller, “The Employment of Labor on National Building Projects in the Ur III Period”. Следует отметить, что многие авторы предпочитают радужные изображения главных проектов монументального строительства и описывают их как периоды праздников, на протяжении которых рабочих хорошо кормили, поили и обеспечивали множеством развлечений, т. е. по аналогии с коллективными ритуалами уборки урожая, представленными в антропологической литературе.

²⁴ См., напр.: Menu, “Captifs de guerre et dépendance rurale dans l’Égypte du Nouvel Empire”; Lehner, “Labor and the Pyramids”; Goelet, “Problems of Authority, Compulsion, and Compensation”.

²⁵ Цит. по: Goelet, “Problems of Authority, Compulsion, and Compensation”, 570.

²⁶ Nemet-Rejat, *Daily Life in Ancient Mesopotamia*, 188.

²⁷ Забастовка произошла в эпоху правления Рамзеса III. Цит. по: Golia, “After Tahrir”.

²⁸ Приведенные ниже рассуждения опираются на работы: Lewis, *The Early Chinese Empires*; Keightley, *The Origins of Chinese Civilization*; Yates, “Slavery in Early China”.

²⁹ См., напр.: Yates, “Slavery in Early China”.

³⁰ Возможно, читатели обратили внимание, что массовые миграции в Северную Европу и Северную Америку, хотя и были преимущественно добровольными, преследовали примерно ту же цель с точки зрения продуктивной жизни в новой стране тех людей, что выросли и были обучены где-то еще.

³¹ Taylor, “Believing the Ancients”. Несогласие с этой позицией представлено в: Scheidel, “Quantifying the Sources of Slaves”.

³² Перевод И. Фрадкина.

³³ Битва была скорее стоянием, чем победоносным сражением, хотя столкновение сторон и кажется нам почти Армагеддоном.

³⁴ Thucydides, *The Peloponnesian War*, 173.

³⁵ Cameron, “Captives and Culture Change”.

³⁶ См.: Steinkeller, “The Employment of Labor on National Building Projects”; Richardson, “Building Larsa”; Dietler and Herbich, “Feasts and Labor Mobilization”. Ричардсон утверждает, что для строительства, скажем, городской стены требовалось намного меньше труда, чем считалось ранее. С другой стороны, невозможно определить повседневные условия труда, опираясь на самовосхваления официальных

записей, в которых описаны роскошные пиры для «народа» после завершения строительства храма. Социальное основание этого аргумента — относительная простота бегства от государств их недовольных подданных. Однако он упускает из виду меры, которые предпринимались для предотвращения бегства, а также простоту замены сбежавших с помощью покупки или военного захвата новых рабов.

³⁷ Algaze, "The Uruk Expansion".

³⁸ Oded, *Mass Deportations and Deportees*. Описания этой практики в Древней Месопотамии приведены в: Gelb, "Prisoners of War in Early Mesopotamia".

³⁹ Oded, *Mass Deportations and Deportees*, 20. Писцы сообщают о 4,5 млн перемещенных лиц за три столетия, но эта цифра явно завышена в угоду имперскому бахвальству.

⁴⁰ Nissen and Heine, *From Mesopotamia to Iraq*, 80.

⁴¹ Tocqueville, *Democracy in America*, 544; Токвиль, *Демократия в Америке*, 239. Токвиль добавляет: «В результате угнетения негры утратили почти все черты, свойственные человеку». Схожая аналогия между одомашниванием животных и людей представлена в замечательной книге: Netz, *Barbed Wire*, 15. Блестящий анализ аналогии между одомашненными животными и рабами на довоенном американском Юге представлен в: Jacoby, "Slaves by Nature".

Гл҃ва 6

Хрупкость первых государств: разрушение и демонтаж

¹ Adams, "Strategies of Maximization, Stability, and Resilience".

² Yoffee and Cowgill, *The Collapse of Ancient States and Civilizations*; McAnany and Yoffee, *Questioning Collapse*.

³ Broodbank, *The Making of the Middle Sea*, 356.

⁴ Дэвид Смолл утверждает, что для микенской Греции «падение/крушение» на самом деле означало «регресс» — распад на более мелкие и более стабильные кланово-родственные единицы, которые сохранились в первозданном виде и стали строительными блоками крупных политических образований: Small, "Surviving the Collapse".

⁵ Yoffee and Cowgill, *The Collapse of Ancient States and Civilizations*, 30, 60.

⁶ Nissen, *The Early History of the Ancient Near East*, 187.

⁷ Brinkman, "Settlement Surveys and Documentary Evidence".

⁸ Algaze, "The Uruk Expansion"; Wengrow, *What Makes Civilization*, 75–82.

⁹ История карантина описана в: Harrison, *Contagion*.

¹⁰ Morris, *Why the West Rules — for Now*, 217; Моррис, *Почему влѣствуетъ Западъ*, 222.

¹¹ Известна как чума Антонина: Cunliffe, *Europe Between the Oceans*, 393.

¹² Важные работы по этой теме: Radkau, *Nature and Power*; Радкау, *Природа и власть*; Meiggs, *Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World*; Hughes, *The Mediterranean*.

¹³ McMahon, “North Mesopotamia in the Third Millennium BC”. Описание состава лесов верхнего Евфрата приведено в: Moore, Hillman and Legge, *Village on the Euphrates*, 51–63.

¹⁴ Deacon, “Deforestation and Ownership”.

¹⁵ Mithen, *After the Ice*, 87.

¹⁶ Сравнительные данные по относительной утрате почв и стеканию атмосферных осадков в «голую почву», «засеянную просом», «луга» и «не подходящие под выпас скота чащи» приведены в: Redman, *Human Impact on Ancient Environments*, 101.

¹⁷ Mithen, *After the Ice*, 50.

¹⁸ McNeill, *Mountains of the Mediterranean World*, 73–75.

¹⁹ Artzy and Hillel, “A Defense of the Theory of Progressive Salinization”.

²⁰ Adams, “Strategies of Maximization, Stability, and Resilience”.

²¹ Nissen, Heine, *From Mesopotamia to Iraq*, 71.

²² Thucydides, *The Peloponnesian War*, 485; Фукидид, *История*, VII, 13. Фукидид также упоминает дезертирство разочарованных солдат, которые думали, что смогут заработать в военной кампании деньги, не участвуя в сражениях.

²³ Можно предположить, что десятилетием ранее афинская конфедерация была поставлена под угрозу отчаянными мерами. В 425 году до н.э. афиняне в три раза увеличили размеры дани в материальном и человеческом выражении, повысив тем самым вероятность дезертирства.

²⁴ Я обязан этим открытием Виктору Либерману: Lieberman, *Strange Parallels*, 1: 1–40.

²⁵ Знаменитая метафора моего бывшего коллеги Эда Линдблома.

²⁶ Yoffee and Cowgill, *The Collapse of Ancient States and Civilizations*, 260.

²⁷ Цит. по: Morris, *Why the West Rules — for Now*, 194; Моррис, *Почему влѣствуетъ Западъ*, 200.

²⁸ O’Connor, “Society and Individual in Early Egypt”.

²⁹ Broodbank, *The Making of the Middle Sea*, 277.

³⁰ Здесь я развиваю скептический подход, первоначально предложенный в: Yoffee and Cowgill, *The Collapse of Ancient States and Civilizations*; McAnany and Yoffee, *Questioning Collapse*.

³¹ Tainter, *The Collapse of Complex Societies*.

³² См.: Bowersock, "The Dissolution of the Roman Empire". Автор утверждает, что Римская империя распалась позже — после арабского вторжения.

³³ Cunliffe, *Europe Between the Oceans*, 364.

³⁴ Riehl, "Variability in Ancient Near Eastern Environmental and Agricultural Development".

³⁵ Adams, "Strategies of Maximization, Stability, and Resilience", 334.

³⁶ Adams, *The Land Behind Bagdad*, 55.

³⁷ Broodbank, *The Making of the Middle Sea*, 349.

³⁸ Richardson, "Early Mesopotamia", 16.

³⁹ «Воистину, земля вертится вокруг своей оси, как гончарное колесо. А грабитель обладает богатствами...»: Bell, "The Dark Ages in Ancient History", 75.

⁴⁰ McNeill, *Plagues and People*, 58–71. В личной беседе Дэвид Венгроу высказал убеждение, что торговые контакты и обмены препятствовали той степени изоляции, что могла породить эпидемии среди иммунологически «наивных» народов. Это, несомненно, верно для крупных поселений и торговых путей между ними, но вряд ли верно для безгосударственных народов, которые жили вдали от главных торговых путей в крохотных сообществах, т. е. большинство распространенных инфекционных заболеваний не могли стать для них эндемическими. Соответственно, версия Макнилла остается в силе и требует дальнейших исследований.

Гл. 7

Золотой век в Древней Руси

¹ Под налогообложением я имею в виду более или менее регулярные начисления на продукцию, труд и доходы подданных. В древних государствах «налоги» обычно имели натуральную форму (например, доля урожая земледельца) или форму трудовых отработок (барщина).

² Мой коллега Питер Пердью, эксперт по пограничным территориям и безгосударственным народам Китая, называет более позднюю дату — конец XVIII века, когда «практически все пограничные территории мира оказались заняты поселенцами и купцами, и глобальные торговцы извлекали ресурсы из всех основных континентов» (цитата из личной беседы).

³ В Месопотамии Постгейт различает «горные» набеги и «скотоводческие» набеги, считая второй тип более вероятным способом разрушения государства. См.: Postgate, *Early Mesopotamia*, 9.

⁴ Skaria, *Hybrid Histories*, 132.

⁵ Cunliffe, *Europe Between the Oceans*, 229.

⁶ Полезный обзор того, что мы знаем о «людях моря» и какие сведения о них спорны, представлен в: Gitin, Mazar and Stern, *Mediterranean Peoples in Transition*.

⁷ Cunliffe, *Europe Between the Oceans*, 331.

⁸ Bronson, "The Role of Barbarians in the Fall of States", 208.

⁹ Lattimore, "The Frontier in History", 486.

¹⁰ Bronson, "The Role of Barbarians in the Fall of States", 200.

¹¹ Porter, *Mobile Pastoralism*, 324. Как показала Портер, амореи были скорее ветвью месопотамского общества, чем «варварами». Безусловно, они были бунтовщиками и захватчиками, но ни в коем случае не «чужаками» (с. 61).

¹² Burns, *Rome and the Barbarians*, 150.

¹³ Цит. по первому тому книги: Coatsworth et al., *Global Connections*, 76.

¹⁴ Clastres, *La Société contre l'État*.

¹⁵ Beckwith, *Empires of the Silk Road*, 76.

¹⁶ Lattimore, "The Frontier in History", 476–481.

¹⁷ Lattimore, "The Frontier in History", 481.

¹⁸ Lattimore, "The Frontier in History", 481.

¹⁹ Beckwith, *Empires of the Silk Road*, 333.

²⁰ Спартак и его повстанцы стремились покинуть Италию, но их остановило предательство, а затем, окончательно, армия Суллы. История практик бегства от государства в высокогорьях Юго-Восточной Азии представлена в: Scott, *The Art of Not Being Governed*; Скотт, *Искусство быть неподвластным*.

²¹ Cunliffe, *Europe Between the Oceans*, 238.

²² Beckwith, *Empires of the Silk Road*, 333–334.

²³ Wengrow, *What Makes Civilization*, 99.

²⁴ По аналогии можно сказать, что крупные стадные животные, благодаря относительной «оседлости» и формированию крупных стад в определенные периоды года, были уязвимы для «набегов», т. е. «охоты», *Homo Sapiens* с собаками, пиками и луками, поэтому оказались первыми видами под угрозой исчезновения, как только численность охотников многократно возросла.

²⁵ Beckwith, *Empires of the Silk Road*, 321.

²⁶ Santos-Granero, *Vital Enemies*.

²⁷ Пердью напоминает, что особые отношения между мобильными налетчиками и оседлыми созданиями складываются также в животном мире и царстве насекомых. Они представляют собой различные, но всегда конкурентные стратегии выживания.

²⁸ Lattimore, "On the Wickedness of Being Nomads".

²⁹ Геродот, *История*, IV, 127.

³⁰ Astrom, "Continuity and Discontinuity: Indigenous and Foreign Elements in Cyprus Around 1200 BC", 83.

³¹ Sherratt, "'Sea Peoples' and the Economic Structure of the Late Second Millennium in the Eastern Mediterranean", 305.

³² Эта логика прекрасно описана в: Tilly, "War Making and State Making as Organized Crime".

³³ Irons, "Cultural Capital, Livestock Raiding".

³⁴ Barfield, "Tribe and State Relations", 169–170.

³⁵ Flannery, "Origins and Ecological Effect of Early Domestication".

³⁶ Broodbank, *The Making of the Middle Sea*, 358. Элегантное схематичное применение этой логики к небольшим традиционным речным государствам Малайского мира показано в: Bronson, "Exchange at the Upstream and Downstream Ends".

³⁷ Beckwith, *Empires of the Silk Road*, 328–329. См. также: Di Cosmo, *Ancient China and Its Enemies*.

³⁸ Fletcher, "The Mongols", 42.

³⁹ Cunliffe, *Europe Between the Oceans*, 378.

⁴⁰ Cunliffe, *Europe Between the Oceans*, ch. 7.

⁴¹ Tsing, *The Mushroom at the End of the World*; Цзин. *Груб* нѣ крѣю светѣ.

⁴² Beckwith, *Empires of the Silk Road*, 327–328.

⁴³ Artzy, "Routes, Trade, Boats and 'Nomads of the Sea'", 439–448.

⁴⁴ Lattimore, "The Frontier in History", 504.

⁴⁵ Флетчер различает «степных кочевников», которые редко взаимодействовали с оседлыми народами и аграрными государствами и для кого набеги были столь же важны, как торговля, и «пустынных кочевников», которые выстраивали повседневные торговые отношения с оседлыми сообществами и городами: Fletcher, "The Mongols", 41.

⁴⁶ Barfield, "The Shadow Empires".

⁴⁷ См., напр.: Ratchnevsky, *Genghis Khan* и Hämmäläinen, *Comanche Empire*.

⁴⁸ Ferguson and Whitehead, "The Violent Edge of Empire", 23

⁴⁹ Kradin, "Nomadic Empires in Evolutionary Perspective", 504. См. схожую точку зрения в: Barfield, "Tribe and State Relations".

Библиография

- Геродот, *История* / пер. и прим. Г. А. Стратановского, под общ. ред. С. Л. Утченко; ред. пер. Н. А. Мещерский. Ленинград: Наука, 1972.
- Гребер, Дэвид. *Долг: первые 5000 лет истории* / пер. с англ. А. Дунаева. Москва: Ad Marginem Press, 2015.
- Гринин, Леонид и др., ред. *Раннее государство, его альтернативы и мифологии: Сборник статей*. Волгоград: Учитель, 2006.
- Даймонд, Джаред М. *Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ* / пер. с англ. М. Колопотина. Москва: АСТ, 2010.
- Джекобс, Джейн. *Экономика городов* / пер. с англ. Д. А. Ананьева, Г. М. Васильевой; под общ. ред. О. Н. Лугового. Новосибирск: Культурное наследие, 2008.
- Дьяконов, И. М. *Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер*. Москва: Издательство восточной литературы, 1959.
- Колберт, Элизабет. *Шестое вымирание. Неестественная история*. Москва: АСТ, 2019.
- Леви-Строс, Клод. *Первобытное мышление* / пер., вступ. ст., примеч. А. Островского. Москва: ТЕРРА–Книжный клуб; Республика, 1999.
- Моррис, Иэн. *Почему существует Эльд... по крайней мере, пока еще: закономерности истории, и что они сообщают нам о будущем* / пер. с англ. В. Егорова. Москва: Карьера Пресс, 2016.
- Радкау, Йоахим. *Природы и власть. Всемирная история окружающей среды* / пер. с нем., сост. указ. Н. Ф. Штильмарк; вступ. слово Ю. Обертрайс. Москва: ВШЭ, 2014.
- Салинз, Маршалл. *Экономика каменного века* / пер. с англ. О. Ю. Артемовой, Ю. А. Огородновой, Л. И. Огородного; науч. ред. и прим. О. Ю. Артемовой; предисл. А. В. Коротаева. Москва: ОГИ, 1999.
- Скотт, Джеймс. *Ближние измерения государств. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. Москва: Университетская книга, 2005.

- Скотт, Джеймс. *Искусство быть неподвластным. Анрхическая история высокогорий Юго-Восточной Азии* / пер. с англ. И. В. Троцук. Москва: Новое издательство, 2017.
- Скрынникова, Татьяна Д. “Монгольское кочевое общество периода империи”. В Гринин и др., *Ринее госудрство*, 512–522.
- Токвиль де, Алексис. *Демокртия в Америке* / пер. с франц. В. П. Олейника, Е. П. Орловой, И. А. Малаховой, И. Э. Иванян, Б. Н. Ворожцова; предисл. Г. Дж. Ласки; комм. В. Т. Олейника. Москва: Прогресс, 1992.
- Фукидид. *История*. Ленинград: Наука, 1981.
- Фукуяма, Фрэнсис. *Усждение госудрственного порядка* / пер. с англ. К. М. Королева. Москва: АСТ, 2017.
- Хазанов, Анатолий М. “Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе”. В Гринин и др., *Ринее госудрство*, 468–489.
- Харари, Юваль Н. *Sapiens. Кртия история человечества* / пер. с англ. Л. Б. Сумм. Москва: Синдбад, 2019.
- Хизер, Питер. *Падение Римской империи* / пер. с англ. А. В. Короленкова, Е. А. Семеновй. Москва: АСТ, 2019.
- Цзин, Анна Лёвенхаупт. *Гриб н крью свет: о возможности жизни н руинх кпитализм*. Москва: Ad Marginem Press, 2017.
- Чатвин, Брюс. *Тропы песен*. Москва: Европейские издания, 2006.
- Чаянов, А. В. *Крстьянское хозяйство. Избранные труды*. Москва: Экономика, 1989.
- Эванс-Причард, Эдвард Э. *Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских нродов* / отв. ред. и авт. предисл. Л. Е. Куббель. Москва: Наука, 1985.
- Элиас, Норберт. *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*: пер. с нем.: в 2 т. Москва: Университетская книга, 2001.
- Adams, Robert McC. “Agriculture and Urban Life in Early Southwestern Iran.” *Science* 136, no. 3511 (1962): 109–122.
- . *The Land Behind Bagdad: A History of Settlement on the Diyala Plains*. Chicago: University of Chicago Press, 1965.
- . “Anthropological Perspectives on Ancient Trade.” *Current Anthropology* 15, no. 3 (1974): 141–160.
- . *Heartland of Cities: Surveys of Ancient Settlements and Land Use on the Central Floodplain of the Euphrates*. Chicago: University of Chicago Press, 1974.
- . “Strategies of Maximization, Stability, and Resilience in Mesopotamian Society, Settlement, and Agriculture.” *Proceedings of the American Philosophical Society* 122, no. 5 (1978): 329–335.

- . “The Limits of State Power on the Mesopotamian Plain.” *Cuneiform Digital Library Bulletin* 1 (2007).
- . “An Interdisciplinary Overview of a Mesopotamian City and Its Hinterland.” *Cuneiform Digital Library Journal* 1 (2008): 1–23.
- Algaze, Guillermo. “The Uruk Expansion: Cross Cultural Exchange in Early Mesopotamian Civilization.” *Current Anthropology* 30, no. 5 (1989): 571–608.
- . “Initial Social Complexity in Southwestern Asia: The Mesopotamian Advantage.” *Current Anthropology* 42, no. 2 (2001): 199–233.
- . “The End of Prehistory and the Uruk Period.” In Crawford, *The Sumerian World*, 68–94.
- Appuhn, Karl. “Inventing Nature: Forests, Forestry, and State Power in Renaissance Venice.” *Journal of Modern History* 72, no. 4 (2000): 861–889.
- Armstrong, George J., and Alan McArdle. “Population, Disease, and Evolution.” *Memoirs of the Society of American Archaeology*, no. 30 (1975), *Population Studies in Archaeology and Biological Anthropology: A Symposium*, 1–10.
- Armstrong, George J., et al. “The Origins of Agriculture: Population Growth During a Period of Declining Health.” *Population and Environment: A Journal of Interdisciplinary Studies* 13, no. 1 (1981): 9–22.
- Artzy, Michal. “Routes, Trade, Boats and ‘Nomads of the Sea.’” In Gitin et al., *Mediterranean Peoples in Transition*, 439–448.
- Artzy, Michal, and Daniel Hillel. “A Defense of the Theory of Progressive Salinization in Ancient Southern Mesopotamia.” *Geo-archaeology* 3, no. 3 (1988): 235–238.
- Asher-Greve, Julia M. “Women and Agency: A Survey from Late Uruk to the End of Ur III.” In Crawford, *The Sumerian World*, 345–358.
- Asouti, Eleni, and Dorian Q. Fuller. “A Contextual Approach to the Emergence of Agriculture in Southwest Asia: Reconstructing Early Neolithic Plant-food Production.” *Current Anthropology* 54, no. 3 (2013): 299–345.
- Astrom, Paul. “Continuity and Discontinuity: Indigenous and Foreign Elements in Cyprus Around 1200 BC,” in Gitin et al., *Mediterranean Peoples in Transition*, 80–86.
- Awash, Azam. “The Mesopotamian marshlands: A personal recollection,” in Harriet Crawford, ed., *The Sumerian World*, 639–642.
- Axtell, James. “The White Indians of Colonial America.” *William and Mary Quarterly* 3rd ser. 32 (1975): 55–88.
- Bairoch, Paul. *Cities and Economic Development: From the Dawn of History to the Present*. Trans. Christopher Braider. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

- Baker, Paul T., and William T. Sanders. "Demographic Studies in Anthropology." *Annual Review of Anthropology* 1 (1972): 151–178.
- Barfield, Thomas J. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Oxford: Blackwell, 1992.
- . "Tribe and State Relations: The Inner Asian Perspective." In Philip S. Khoury and Joseph Kostiner, eds., *Tribes and State Formation in the Middle East*, 153–182. Berkeley: University of California Press, 1990.
- . "The Shadow Empires: Imperial State Formation Along the Chinese Nomad Frontier." In Susan E. Alcock, Terrance N. D'Altroy, et al., eds. *Empires: Perspectives from Archaeology and History*, 11–41. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Beckwith, Christopher. *Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present*. Princeton: Princeton University Press, 2009.
- Bell, Barbara. "The Dark Ages in Ancient History: 1. The First Dark Age in Egypt." *American Journal of Archaeology* 75, no. 1 (1971): 1–26.
- Bellwood, Peter. *First Farmers: The Origins of Agricultural Societies*. Oxford: Blackwell, 2005.
- Bennet, John. "The Aegean Bronze Age." In Scheidel et al., *Cambridge Economic History*, 175–210.
- Berelov, Ilya. "Signs of Sedentism and Mobility in Agro-Pastoral Community During the Levantine Middle Bronze Age: Interpreting Site Function and Occupation Strategy at Zahradh-Dhra 1. *Journal of Anthropological Archaeology* 25 (2006): 117–143.
- Bernbeck, Reinhard. "Lasting Alliances and Emerging Competition: Economics Developments in Early Mesopotamia." *Journal of Anthropological Archaeology* 14 (1995): 1–25.
- Berry, R. J. "The Genetical Implications of Domestication in Animals," in Peter J. Ucko and G. W. Dimbleby, eds. *The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*, 207–217.
- Blanton, Richard, and Lane Fargher. *Collective Action in the Formation of Pre-Modern States*. New York: Springer, 2008.
- Blinman, Eric. "2000 Years of Cultural Adaptation to Climate Change in the Southwestern United States." *AMBO: A Journal of the Human Environment* 37, sp. 14 (2000): 489–497.
- Bocquet-Appel, Jean-Pierre. "Paleoanthropological Traces of a Neolithic Demographic Transition." *Current Anthropology* 43, no. 4 (2002): 637–650.
- . "The Agricultural Demographic Transition (ADT) During and After the Agricultural Inventions." *Current Anthropology* 52, no. S4 (2011): 497–510.

- Boone, James L. "Subsistence Strategies and Early Human Population History: An Evolutionary Perspective." *World Archaeology* 34, no. 1 (2002): 6–25.
- Boserup, Ester. *The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change Under Population Pressure*. Chicago: Aldine, 1965.
- Bowersock, Glen W., "The Dissolution of the Roman Empire", in Norman Yoffee and George L. Cowgill, *The Collapse of Ancient States and Civilizations*, 165–175. Tucson: University of Arizona Press, 1988.
- Boyden, S. V. *The Impact of Civilisation on the Biology of Man*. Toronto: University of Toronto Press, 1970.
- Brain, Charles Kimberlin. *The Hunters or the Hunted? An Introduction to African Cave Taphonomy*. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
- Braund, D. C., and G. R. Tsetskhladze. "The Export of Slaves from Colchis." *Classical Quarterly* new ser. 39, no. 1 (1988): 114–125.
- Brinkman, John Anthony. "Settlement Surveys and Documentary Evidence: Regional Variation and Secular Trends in Mesopotamian Demography." *Journal of Near Eastern Studies* 43, no. 3 (1984): 169–180.
- Brody, Hugh. *The Other Side of Eden: Hunters, Farmers, and the Shaping of the World*. Vancouver: Douglas and McIntyre, 2002.
- Bronson, Bennett. "Exchange at the Upstream and Downstream Ends: Notes Toward a Functional Model of the Coastal State in Southeast Asia." In Karl Hutterer, ed., *Economic Exchange and Social Interaction in Southeast Asia: Perspectives from Prehistory, History, and Ethnography*, 39–52. Ann Arbor: Center for South and Southeast Asian Studies, University of Michigan, 1977.
- . "The Role of Barbarians in the Fall of States." In Yoffee and Cowgill, *Collapse of Ancient States*, 196–218.
- Broodbank, Cyprian. *The Making of the Middle Sea: A History of the Mediterranean from the Beginning to the Emergence of the Classical World*. London: Thames and Hudson, 2013.
- Burke, Edmund, and Kenneth Pomeranz, eds. *The Environment and World History*. Berkeley: University of California Press, 2009.
- Burnet, Sir MacFarlane, and David O. White. *The Natural History of Infectious Disease*, 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Burns, Thomas S. *Rome and the Barbarians, 100 BC–AD 400*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2003.
- Cameron, Catherine M. "Captives and Culture Change." *Current Anthropology* 52, no. 2 (2011): 169–209.

- Cameron, Catherine M., and Steve A. Tomka. *Abandonment of Settlements and Regions: Ethnoarchaeological and Archaeological Approaches*. New Directions in Archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Carlson, Anders E. "What Caused the Younger Dryas Cold Event," *Geology* 38, no. 4 (2010): 383–384.
- Carmichael, G. "Infection, Hidden Hunger. and History." In "Hunger and History: The Impact of Changing Food Production and Consumption Patterns on Society," *Journal of Interdisciplinary History* 14, no. 2 (1983): 249–264.
- Carmona, Salvador, and Mahmoud Ezzamel. "Accounting and Forms of Accountability in Ancient Civilizations: Mesopotamia and Ancient Egypt." Working Paper, Annual Conference of the European Accounting Association, Goteborg, Sweden, 2005.
- Carneiro, R. "A Theory of the Origin of the State." *Science* 169 (1970): 733–739.
- Chakrabarty, Dipesh. "The Climate of History: Four Theses." *Critical Inquiry* 35 (2009): 197–222.
- Chang, Kwang-chih. "Ancient Trade as Economics or as Ecology." In Jeremy Sabloff and C. C. Lamberg-Karlovsky, eds., *Ancient Civilization and Trade*, 211–224. Albuquerque: School of American Research, University of New Mexico Press, 1975.
- Chapman, Robert. *Archaeology of Complexity*. London: Routledge, 2003.
- Chatwin, Bruce. *The Songlines*. London: Cape, 1987.
- Chayanov, A. V. *The Theory of Peasant Economy*. Ed. Daniel Thorner, Basile Kerblay, and R. E. F. Smith. Homewood, Ill.: Richard D. Irwin for the American Economic Association, 1966.
- Christensen, Peter. *The Decline of Iranshahr: Irrigation and Environments in the History of the Middle East, 500 BC to AD 1500*. Copenhagen: Museum Tusculanum, 1993.
- Christian, David. *Maps of Time: An Introduction to Big History*. Berkeley: University of California Press, 2004.
- Clarke, Joanne, ed. *Archaeological Perspectives on the Transmission and Transformation of Culture in the Eastern Mediterranean*. Levant Supplementary Series 2. Oxford: Oxbow, 2005.
- Clastres, Pierre. *La Société contre l'État*. Paris: Editions de Minuit, 1974.
- Coatsworth, John, Juan Cole, et al. *Global Connections: Politics, Exchange, and Social Life in World History*, vol. 1, *To 1500*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Cockburn, I. Aiden. "Infectious Diseases in Ancient Populations." *Current Anthropology* 12, no. 1 (1971): 45–62.
- Conklin, Harold C. *Hanunuo Agriculture: A Report on an Integral System of Shifting-Agriculture in the Philippines*. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 1957.

- Cowgill, George L. "On Causes and Consequences of Ancient and Modern Population Changes." *American Anthropologist* 77, no. 3 (1975): 505–525.
- Crawford, Harriet, ed. *The Sumerian World*. London: Routledge, 2013.
- . *Ur: The City of the Moon God*. London: Bloomsbury, 2015.
- Cronon, William. *Changes in the Land: Indians, Colonists, and the Ecology of New England*, rev. ed. New York: Hill and Wang, 2003.
- Crossley, Pamela Kyle, Helen Siu, and Donald Sutton, eds., *Empire at the Margins: Culture and Frontier in Early Modern China*. Berkeley: University of California Press, 2006.
- Crouch, Barry A. "Booty Capitalism and Capitalism's Booty: Slaves and Slavery in Ancient Rome and the American South." *Slavery and Abolition: A Journal of Slave and Post-Slave Studies* 6, no. 1 (1985): 3–24.
- Crumley, Carol L. "The Ecology of Conquest: Contrasting Agropastoral and Agricultural Societies' Adaptation to Climatic Change." In Carol L. Crumley, ed., *Historical Ecology: Cultural Knowledge and Changing Landscapes*, 183–201. School of American Research Advanced Seminar Series. Santa Fe, N. M.: School of American Research Press, 1994.
- Cunliffe, Barry. *Europe Between the Oceans: Themes and Variations: 9000 BC–AD 1000*. New Haven: Yale University Press, 2008.
- Dalfes, H. Nüzhet, George Kukla, and Harvey Weiss. *Third Millennium BC Climate Change and Old World Collapse*. NATO Advanced Science Institutes Series, Series I, Global Environmental Change 49 (2013).
- Dark, Petra, and Henry Gent. "Pests and Diseases of Prehistoric Crops: A Yield 'Honeymoon' for Early Grain Crops in Europe?" *Oxford Journal of Archaeology* 20, no. 1 (2001): 59–78.
- Darwin, John. *After Tamerlane: The Rise and Fall of Global Empires, 1400–2000*. London: Penguin, 2007.
- Deacon, Robert T. "Deforestation and Ownership: Evidence from Historical Accounts and Contemporary Data." *Land Economics* 75, no. 3 (1999): 341–359.
- Diakonoff, I. M. *Structure of Society and State in Early Dynastic Sumer*. Malibu, Calif.: Monographs of the Ancient Near East, 1, no. 3 (1974).
- Diamond, Jared. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. New York: Norton, 1997.
- Dickson, D. Bruce. "Circumscription by Anthropogenic Environmental Destruction: An Expansion of Carneiro's (1970) Theory of the Origin of the State." *American Antiquity* 52, no. 4 (1987): 709–716.
- Di Cosmo, Nicola. "State Formation and Periodization in Inner Asian History." *Journal of World History* 10, no. 1 (1999): 1–40.

- Di Cosmo, Nicola. *Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Dietler, Michael. "The Iron Age in the Western Mediterranean." In Scheidel et al., *Cambridge Economic History*, 242–276.
- Dietler, Michael, and Ingrid Herbich. "Feasts and Labor Mobilization: Dissecting a Fundamental Economic Practice." In M. Dietler and Brian Hayden, eds., *Feasts: Archaeological and Ethnographic Perspectives on Food, Politics, and Power*, 240–264. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 2001.
- Donaldson, Adam. "Peasant and Slave Rebellions in the Roman Republic." Ph.D. diss., University of Arizona, 2012.
- D'Souza, Rohan. *Drowned and Dammed: Colonial Capitalism and Flood Control in Eastern India*. New Delhi: Oxford University Press, 2006.
- Dyson-Hudson, Rada, and Eric Alden Smith. "Human Territoriality: An Ecological Reassessment." *American Anthropologist* new ser. 890, no. 1 (1973): 21–41.
- Eaton, S. Boyd, and Melvin Konner. "Paleolithic Nutrition." *New England Journal of Medicine* 312, no. 5 (1985): 283–290.
- Ebrey, Patricia Buckley. *The Cambridge Illustrated History of China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Elias, Norbert. *The Civilizing Process: Sociogenic and Psychogenic Investigations*, rev. ed. Oxford: Blackwell, 1994.
- Ellis, Maria de J. "Taxation in Ancient Mesopotamia: The History of the Term Miksu." *Journal of Cuneiform Studies* 26, no. 4 (1974): 211–250.
- Elvin, Mark. *Retreat of the Elephants: An Environmental History of China*. New Haven: Yale University Press, 2004.
- Endicott, Kirk. "Introduction: Southeast Asia." In Richard B. Lee and Richard Daly, eds., *The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers*, 275–283. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Englund, Robert. "Texts from the Late Uruk Period," in Josef Bauer, Robert K. Englund, and Manfred Krebern timer, eds., *Mesopotamien: Späturuk-Zeit und frühdynastische Zeit*, 13–233. Freiburg: Universitätsverlag, 1998.
- Eshed, Vered, et al. "Has the Transition to Agriculture Reshaped the Demographic Structure of Prehistoric Populations? New Evidence from the Levant." *American Journal of Physical Anthropology* 124 (2004): 315–329.
- Evans-Pritchard, E. E. *The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People*. Oxford: Clarendon, 1940.

- Evin, Allowen, et al. "The Long and Winding Road: Identifying Pig Domestication Through Molar Size and Shape." *Journal of Archaeological Science* 40 (2013): 735–742.
- Farber, Walter. "Health Care and Epidemics in Antiquity: The Example of Ancient Mesopotamia." Lecture, Oriental Institute, June 26, 2006, CHIASMOS, https://www.youtube.com/watch?v=Yw_4Cghic_w.
- . "How to Marry a Disease: Epidemics, Contagion, and a Magic Ritual Against the 'Hand of the Ghost'", in H. F. J. Horstman-shoff and M. Stol, eds., *Magic and Rationality in Ancient Near Eastern and Greco-Roman Medicine*, 117–132. Leiden: Brill, 2004.
- Febvre, Lucien. *A Geographical Introduction to History*. Trans. E. G. Mountford and J. H. Paxton. London: Routledge Kegan Paul, 1923.
- Feinman, Gary M., and Joyce Marcus. *Archaic States*. Santa Fe, N. M.: School of American Research, 1998.
- Fenner, Frank. "The Effects of Changing Social Organization on the Infectious Diseases of Man." In Boyden, *Impact of Civilization*, 48–68.
- Ferguson, R. Brian, and Neil L. Whitehead. "The Violent Edge of Empire." In R. Brian Ferguson and Neil L. Whitehead, eds., *War in the Tribal Zone: Expanding States and Indigenous Warfare*, 1–30. Santa Fe, N.M.: School of American Research, 1992.
- Fiennes, R. N. *Zoonoses and the Origins and Ecology of Human Disease*. London: Academic Press, 1978.
- Finley, M. I. "Was Greek Civilization Based on Slave Labour?" *Historia: Zeitschrift für alte geschichte* 8, no. 2 (1959): 145–164.
- Fiskesjo, Magnus. "The Barbarian Borderland and the Chinese Imagination: Travelers in Wa Country." *Inner Asia* 5, no. 1 (2002): 81–99.
- Flannery, Kent V. "Origins and Ecological Effect of Early Domestication in Iran and the Middle East." In Ucko and Dimbleby, *Domestication and Exploitation*, 73–100.
- Fletcher, Joseph. "The Mongols: Ecological and Social Perspectives." *Harvard Journal of Asiatic Studies* 46, no. 1 (1986): 11–50.
- Fowler, Catherine "Ecological/Cosmological Knowledge and Land Management Among Hunter-Gatherers," in Lee and Daly, *The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers*, 419–425.
- French, E. B., and K. A. Wardle, eds. *Problems in Greek Prehistory: Papers Presented at the Centenary Conference of the British School of Archaeology at Athens*. Manchester: Bristol Classical Press, 1986.
- Friedman, Jonathan. "Tribes, States, and Transformations: An Association for Social Anthropology Study." In Maurice Bloch, ed., *Marxist Analyses and Social Anthropology*, 161–200. New York: Wiley, 1975.

- Fukuyama, Francis. *The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011.
- Fuller, Dorian Q., et al. "Cultivation and Domestication Has Multiple Origins: Arguments Against the Core Area Hypothesis for the Origins of Agriculture in the Near East." *World Archaeology* 43, no. 4, special issue, Debates in World Archaeology (2011): 628–652.
- Gelb, J. J. "Prisoners of War in Early Mesopotamia." *Journal of Near Eastern Studies* 32, no. 12 (1973): 70–98.
- Gibson, McGuire, and Robert D. Briggs. "The Organization of Power: Aspects of Bureaucracy in the Ancient Near East." *Studies in Ancient Oriental Civilization*, no. 46. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1987.
- Gilbert, Allan S. "Modern Nomads and Prehistoric Pastoralists: The Limits of Analogy." *Journal of the Ancient Near Eastern Society* 7 (1975): 53–71.
- Gilman, A. "The Development of Social Stratification in Bronze Age Europe." *Current Anthropology* 22 (1981): 1–23.
- Gitin, Seymour, Amihai Mazar, and Ephraim Stern, eds. *Mediterranean Peoples in Transition: Thirteenth to Early Tenth Centuries BCE*. In Honor of Professor Trude Dothan. Jerusalem: Israel Exploration Society, 1998.
- Goelet, Ogden. "Problems of Authority, Compulsion, and Compensation in Ancient Egyptian Labor Practices." In Steinkeller and Hudson, *Labor in the Ancient World*, 523–582.
- Golia, Maria. "After Tahrir", *Times Literary Supplement*, February 12, 2016, p. 14.
- Goring-Morris, A. Nigel, and Anna Belfer-Cohen. "Neolithization Processes in the Levant: The Outer Envelope." *Current Anthropology* 52, no. S4, The Origins of Agriculture: New Data, New Ideas (2011): S195–S208.
- Goudsblom, Johan. *Fire and Civilization*. London: Penguin, 1992.
- Graeber, David. *Debt: The First 5,000 Years*. London: Melville House, 2011.
- Greger, Michael. "The Human/Animal Interface: Emergence and Resurgence of Zoonotic Infectious Diseases." *Critical Reviews in Microbiology* 33 (2007): 243–299.
- Grinin, Leonid E., et al., eds. *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: "Uchitel", 2004.
- Groenen, Martien A. M., et al. "Analysis of Pig Genome Provides Insight into Porcine Domestication and Evolution." *Nature* 491 (2012): 391–398.
- Groube, Les. "The Impact of Diseases upon the Emergence of Agriculture." In D. R. Harris, ed., *The Origins and Spread of Agriculture*

- and *Pastoralism in Eurasia*, 101–129. Washington, D. C.: Smithsonian Institution Press, 1996.
- Halstead, Paul, and John O'Shea, eds. *Bad Year Economics: Cultural Responses to Risk and Uncertainty*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Hämäläinen, Pekka. *Comanche Empire*. New Haven: Yale University Press, 2009.
- . "What's in a Concept? The Kinetic Empire of the Comanches," *History and Theory* 52, no. 1 (2013): 81–90.
- Harari, Yuval Noah. *Sapiens: A Brief History of Humankind*. London: Harvill Secker, 2011.
- Harlan, Jack R. *Crops and Man*, 2nd ed. Madison, Wis.: American Society of Agronomy, Crop Science Society of America, 1992.
- Harris, David R. *Settling Down and Breaking Ground: Rethinking the Neolithic Revolution*. Amsterdam: Kroon-Voordracht 12, 1990.
- Harris, David R., and Gordon C. Hillman, eds. *Foraging and Farming: The Evolution of Plant Exploitation*. London: Unwin Hyman, 1989.
- Harrison, Mark. *Contagion: How Commerce Has Spread Disease*. New Haven: Yale University Press, 2012.
- Headland, T. N., "Revisionism in Ecological Anthropology," *Current Anthropology* 38, no. 4 (1997): 43–66.
- Headland, T. N. and L. A. Reid. "Hunter-Gatherers and Their Neighbors from Prehistory to the Present," *Current Anthropology* 30, no. 1 (1989): 43–66.
- Heather, Peter. *The Fall of the Roman Empire: A New History of Rome and the Barbarians*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Hendrickson, Elizabeth, and Ingolf Thuesen, eds. *Upon This Foundation: The Ubaid Reconsidered*. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, Carsten Niebuhr Institute of Ancient Near Eastern Studies.
- Hillman, Gordon. "Traditional Husbandry and Processing of Archaic Cereals in Recent Time: The Operations, Products, and Equipment Which Might Feature in Sumerian Texts," *Bulletin of Sumerian Agriculture* 1 (1984): 114–172.
- Hochschild, Adam. *Bury the Chains: Prophets and Rebels in the Fight to Free an Empire's Slaves*. New York: Houghton Mifflin, 2015.
- Hodder, Ian. *The Domestication of Europe: Structure and Contingency in Neolithic Societies*. Oxford: Blackwell, 1990.
- Hole, Frank. "A Monumental Failure: The Collapse of Susa." In Robin A. Carter and Graham Philip, eds., *Beyond the Ubaid: Transformation and Integration of Late Prehistoric Societies of the Middle East*, 221–226. *Studies in Oriental Civilization*, no. 653. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 2010.
- Houston, Stephen. *The First Writing: Script Invention as History and Process*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

- Hritz, Carrie, and Jennifer Pournelle. "Feeding History: Deltaic Resiliene Inherited Practice and Millennia-scale Sustainability." In H. Thomas Foster II, David John Goldstein, and Lisa M. Paciulli, eds., *The Future in the Past: Historical Ecology Applied to Environmental Issues*, 59–85. Columbia: University of South Carolina Press, 2015.
- Hughes, J. Donald. *The Mediterranean: An Environmental History*. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2005.
- Ingold, T. "Foraging for Data, Camping with Theories: Hunter-Gatherers and Nomadic Pastoralists in Archaeology and Anthropology." *Antiquity* 66 (1992): 790–803.
- Irons, William G. "Livestock Raiding Among Pastoralists: An Adaptive Interpretation." In *Papers of the Michigan Academy of Science, Arts, and Letters* 383–414. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1965.
- . "Cultural Capital, Livestock Raiding, and the Military Advantage of Traditional Pastoralists." In Grinin et al., *The Early State*, 466–475.
- Jacobs, Jane. *The Economy of Cities*. New York: Vintage, 1969.
- Jacoby, Karl. "Slaves by Nature? Domestic Animals and Human Slaves." *Slavery and Abolition* 18, no. 1 (1994): 89–98.
- Jameson, Michael H. "Agriculture and Slavery in Classical Athens." *Classical Journal* 73, no. 2 (1977): 122–145.
- Jones, David S. "Virgin Soils Revisited." *William and Mary Quarterly* 3rd ser. 60, no. 4 (2003): 703–742.
- Jones, Martin. *Feast: Why Humans Share Food*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Kealhofer, Lisa. "Changing Perceptions of Risk: The Development of Agro-Ecosystems in Southeast Asia." *American Anthropologist* new ser. 104, no. 1 (2002): 178–194.
- Keightley, David N., ed. *The Origins of Chinese Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1983.
- Kennett, Douglas J., and James P. Kennett. "Early State-Formation in Southern Mesopotamia: Sea Levels, Shorelines, and Climate Change." *Journal of Island and Coastal Archaeology* 1 (2006): 67–99.
- Khazanov, Anatoly M. "Nomads of the Eurasian Steppes in Historical Retrospective." In Grinin et al., *The Early State*, 476–499.
- Kleinman, Arthur M., et al. "Introduction: Avian and Pandemic Influenza: A Bio-Social Approach." *Journal of Infectious Diseases* 197, supplement 1 (2008): S1–S3.
- Kohn, Meir. *The Origins of Western Economic Success: Commerce, Finance, and Government in Pre-industrial Europe*. January 2001, <https://sites.dartmouth.edu/mkohn/origins/>.

- Kolbert, Elizabeth. *The Sixth Extinction: An Unnatural History*. New York: Henry Holt and Company, 2014.
- Kovacs, Maureen Gallery, trans. *The Epic of Gilgamesh*. Stanford: Stanford University Press, 1985.
- Kradin, Nikolay N. "Nomadic Empires in Evolutionary Perspective." In Grinin et al., *The Early State*, 501–523.
- Larson, Gregor. "Ancient DNA, Pig Domestication, and the Spread of the Neolithic into Europe." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 104, no. 39 (2007): 15276–15281.
- . "Patterns of East Asian Pig Domestication, Migration, and Turnover Revealed by Modern and Ancient DNA." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 107, no. 17 (2010): 7686–7691.
- Larson, Gregor, and Dorian Q. Fuller. "The Evolution of Animal Domestication." *Annual Review of Ecology, Evolution, and Systematics* 45 (2014): 115–136.
- Lattimore, Owen. "The Frontier in History" and "On the Wickedness of Being Nomads." In *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958*, 469–491 and 415–426, respectively. London: Oxford University Press, 1962.
- Lawrence, David H. "Introduction," in Feodor M. Dostoevsky, *The Grand Inquisitor*. London: Elkin Matthews & Marrot, 1930.
- Leach, Helen M. "Human Domestication Reconsidered." *Current Anthropology* 44, no. 3 (2003): 349–368.
- Lee, Richard B. "Population Growth and the Beginnings of Sedentary Life Among the !Kung Bushmen." In Brian Spooner, ed., *Population Growth: Anthropological Implications*, 301–324. Cambridge: MIT Press, 1972. <http://www.popline.org/node/517639>.
- Lee, Richard B., and Richard Daly. *The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Lefebvre, Henri. *The Production of Space*. New York: Wiley-Blackwell, 1992.
- Lehner, Mark. "Labor and the Pyramids: The Hiet el-Ghurab 'Workers Town' at Giza." In Steinkeller and Hudson, *Labor in the Ancient World*, 396–522.
- Lévi-Strauss, Claude. *La Pensée sauvage*. Paris: Plon, 1962.
- Lewis, Mark Edward. *The Early Chinese Empires: Qin and Han*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2007.
- Lieberman, Victor. *Strange Parallels: Southeast Asia in Global Context, c. 800–1830*, vol. 1, *Integration on the Mainland*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; vol. 2, *Mainland Mirrors: Europe, Japan, China, Southeast Asia and the Islands*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

- Lindner, Rudi Paul. *Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia*. Indiana University Uralic and Altaic Series 144, Stephen Halkovic, ed. Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, Indiana University, 1983.
- Mann, Charles C. *1491: New Revelations of the Americas Before Columbus*. New York: Knopf, 2005.
- Manning, Richard. *Against the Grain: How Agriculture Has Hijacked Civilization*. New York: Northpoint, 2004.
- Marston, John M. "Archaeological Markers of Agricultural Risk Management." *Journal of Archaeological Anthropology* 30 (2011): 190–205.
- Matthews, Roger. *The Archaeology of Mesopotamia: Theories and Approaches*. Oxford: Routledge, 2003.
- Mayshar, Joram, Omer Moav, Zvika Neeman, and Luigi Pascali. "Cereals, Appropriability, and Hierarchy." CEPR Discussion Paper 10742 (2015). www.cepr.org/active/publications/discussion_papers/dp.php?dpno=10742.
- McAnany, Patricia, and Norman Yoffee, eds. *Questioning Collapse: Human Resilience, Ecological Vulnerability, and the Aftermath of Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- McCorriston, Joy. "The Fiber Revolution: Textile Extensification, Alienation, and Social Stratification in Ancient Mesopotamia." *Current Anthropology* 38, no. 4 (1997): 517–535.
- McKeown, Thomas. *The Origins of Human Disease*. Oxford: Blackwell, 1988.
- McLean, Rose B. "Cultural Exchange in Roman Society: Freed Slaves and Social Value." Ph.D. thesis, Princeton University, 2012.
- McMahon, Augusta. "North Mesopotamia in the Third Millennium BC." In Crawford, *The Sumerian World*, 462–475.
- McNeill, J. R. *Mountains of the Mediterranean World: An Environmental History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- . "The Anthropocene Debates: What, When, Who, and Why?" Paper Presented to the Program in Agrarian Studies Colloquium, Yale University, September 11, 2015.
- McNeill, W. H. *Plagues and People*. New York: Monticello Editions, History Book Club, 1976.
- . *The Human Condition: An Ideological and Historical View*. Princeton: Princeton University Press, 1980.
- . "Frederick the Great and the Propagation of Potatoes." In Byron Hollinshead and Theodore K. Rabb, eds., *I Wish I'd Have Been There: Twenty Historians Revisit Key Moments in History*, 176–189. New York: Vintage, 2007.
- Meek, R. *Social Science and the Ignoble Savage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

- Meiggs, Russell. *Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World*. Oxford: Oxford University Press, 1982.
- Menu, Bernadette. "Captifs de guerre et dépendance rurale dans l'Égypte du Nouvel Empire." In Bernadette Menu, ed., *La Dépendance rurale dans l'Antiquité égyptienne et proche-orientale*. Cairo: Institut Français d'archéologie orientale, 2004.
- Mitchell, Peter. *Horse Nations: The Worldwide Impact of the Horse on Indigenous Societies Post 1492*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Mithen, Steven. *After the Ice: A Global Human History, 20,000–5000 BC*. Cambridge: Harvard University Press, 2003.
- Moore, A. M. T., G. C. Hillman, and A. J. Legge. *Village on the Euphrates*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Morris, Ian. "Early Iron Age Greece." In Scheidel et al., *Cambridge Economic History*, 211–241.
- . *Why the West Rules—for Now: The Patterns of History and What They Reveal About the Future*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2010.
- Mumford, Jeremy Ravi. *Vertical Empire: The General Resettlement of the Andes*. Durham, N. C.: Duke University Press, 2012.
- Nemet-Rejat, Karen Rhea. *Daily Life in Ancient Mesopotamia*. Peabody, Mass.: Hendrickson, 2002.
- Netz, Reviel. *Barbed Wire: An Ecology of Modernity*. Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 2004.
- Nevle, R. J., Bird, D. K., Ruddiman, W. F., Dull, R., and Stinchcomb, G. E., "Ecological-Hydrological Effects of Reduced Biomass Burning in the Neotropics after A. D. 1500," *Geological Society of America; Abstracts with Programs*, 2011, vol. 43: 399.
- R. J. Nevle et al., "Ecological-Hydrological Effects of Reduced Biomass Burning in the Neo-Tropics After AD 1600," *Geological Society of America Meeting*, Minneapolis, October 11, 2011, abstract
- Nissen, Hans J. "The Emergence of Writing in the Ancient Near East." *Interdisciplinary Science Reviews* 10, no. 4 (1985): 349–361.
- . *The Early History of the Ancient Near East, 9000–2000 BC*. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Nissen, Hans J., Peter Damerow, and Robert S. Englund. *Ancient Bookkeeping: Early Writing and Techniques of Administration in the Ancient Near East*. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
- Nissen, Hans J., and Peter Heine. *From Mesopotamia to Iraq: A Concise History*. Trans. Hans J. Nissen. Chicago: University of Chicago Press, 2009.
- O'Connor, David. "Society and Individual in Early Egypt," in Janet Richards and Mary van Buren, eds. *Order, Legitimacy, and Wealth in Ancient States*, 21–35.

- O'Connor, Richard A. "Agricultural Change and Ethnic Succession in Southeast Asian States: A Case for Regional Anthropology." *Journal of Asian Studies* 54, no. 4 (1995): 968–996.
- Oded, Bustenay. *Mass Deportations and Deportees in the Neo-Assyrian Empire*. Weisbaden: Reichert, 1979.
- Ottoni, Claudio, et al. "Pig Domestication and Human-Mediated Dispersal in Western Eurasia Revealed Through Ancient DNA and Geometric Morphometrics." *Molecular Biology and Evolution* 30, no. 4 (2012): 824–832.
- Padgug, Robert A. "Problems in the Theory of Slavery and Slave Society." *Science and Society* 49, no. 1 (1976): 3–27.
- Panther-Brick, Catherina, Robert H. Layton, and Peter Rowley-Conwy, eds. *Hunter-Gatherers: An Interdisciplinary Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Park, Thomas. "Early Trends Toward Class Stratification: Chaos, Common Property, and Flood Recession Agriculture." *American Anthropologist* 94 (1992): 90–117.
- Paulette, Tate. "Grain, Storage, and State-Making in Mesopotamia, 3200–2000 BC." In Linda R. Manzanilla and Mitchel S. Rothman, eds., *Storage in Complex Societies: Administration, Organization, and Control*, 85–109. London: Routledge, 2016.
- Perdue, Peter C. *Exhausting the Earth: State and Peasant in Hunan, 1500–1850 AD*. Cambridge: Harvard University Press, 1987.
- . *China Marches West: The Ching Conquest of Central Eurasia*. Cambridge: Harvard University Press, 2005.
- Pinker, Steven. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. New York: Penguin, 2011.
- Pollan, Michael. *The Botany of Desire: A Plant's-Eye View of the World*. New York: Random House, 2001.
- Pollock, Susan. "Bureaucrats and Managers, Peasants and Pastoralists, Imperialists and Traders: Research on the Uruk and Jemdet Nasr Periods in Mesopotamia." *Journal of World Prehistory* 6, no. 3 (1992): 297–336.
- . *Ancient Mesopotamia: The Eden That Never Was*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Ponting, Clive. *A Green History of the World: The Environment and the Collapse of Great Civilizations*. New York: Penguin, 1993.
- Porter, Anne. *Mobile Pastoralism and the Formation of Near Eastern Civilization: Weaving Together Societies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Possehl, Gregory L. "The Mohenjo-Daro Floods: A Reply." *American Anthropologist* 69, no. 1 (1967): 32–40.
- Postgate, J. N. *Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History*. London: Routledge, 1992.

- . “A Sumerian City: Town and Country in the 3rd Millennium B.C.” *Scienza dell’Antichità Storia Archaeologia* 6–7 (1996): 409–435.
- Pournelle, Jennifer. “Marshland of Cities: Deltaic Landscapes and the Evolution of Early Mesopotamian Civilization.” Ph.D. thesis, University of California at San Diego, 2003.
- . “Physical Geography.” In Crawford, *The Sumerian World*, 13–32.
- Pournelle, Jennifer, and Guillermo Algaze. “Travels in Edin: Deltaic Resilience and Early Urbanism in Greater Mesopotamia.” In H. Crawford et al., eds., *Preludes to Urbanism: Studies in the Late Chalcolithic of Mesopotamia in Honour of Joan Oates*, 7–34. Oxford: Archaeopress, 2010.
- Pournelle, Jennifer, Nagham Darweesh, and Carrie Hritz. “Resilient Landscapes: Riparian Evolution in the Wetlands of Southern Iraq.” In Dan Lawrence, Mark Altaeweel, and Graham Philip, eds., *New Agendas in Remote Sensing and Landscape Archaeology in the Near East*. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, forthcoming.
- Price, Richard. *Maroon Societies: Rebel Slave Communities in the Americas*, 2nd ed. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1979.
- Pyne, Stephen. *World Fire: The Culture of Fire on Earth*. Seattle: University of Washington Press, 1977.
- Radkau, Joachim. *Nature and Power: A Global History of the Environment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Radner, Karen. “Fressen und gefressen werden: Heuschrecken als Katastrophe und Delikatesse im alten Vorderen Orient.” *Welt des Orients* 34 (2004): 7–22.
- . “The Assyrian King and His Scholars: The Syrio-Anatolian and Egyptian Schools,” W. Lukic and R. Mattila, eds., *Of Gods, Trees, Kings, and Scholars: Neo Assyrian and Related Studies in Honour of Simo Parpola*, *Studia Orientalia* 106, 221–233. Helsinki: Finnish Oriental Society, 2009.
- Ratchnevsky, Paul. *Genghis Khan: His Life and Legacy*. Trans. T. N. Haining. London: Wiley-Blackwell, 1993.
- Redman, Charles. *Human Impact on Ancient Environments*. Tucson: University of Arizona Press, 1999.
- Reid, Anthony. *Southeast Asia in the Age of Commerce*, vol. 1, *The Lands Below the Winds*. New Haven: Yale University Press, 1988.
- Renfrew, Colin, and John F. Cherry, eds. *Peer Polity Interaction and Socio-Political Change*. New Directions in Archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Richards, Janet, and Mary van Buren. *Order, Legitimacy, and Wealth in Ancient States*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

- Richardson, Seth, ed. *Rebellions and Peripheries in the Cuneiform World*. American Oriental Series 91. New Haven: American Oriental Society, 2010.
- . “Early Mesopotamia: The Presumptive State.” *Past and Present*, no. 215 (2012): 3–48.
- . “Building Larsa: Labor-Value, Scale, and Scope-of-Economy in Ancient Mesopotamia.” In Steinkeller and Hudson, *Labor in the Ancient World*, 237–328.
- Riehl, S. “Variability in Ancient Near Eastern Environmental and Agricultural Development.” *Journal of Arid Environments* 86 (2011): 1–9.
- Rigg, Jonathan. *The Gift of Water: Water Management, Cosmology, and the State in Southeast Asia*. London: School of Oriental and African Studies, 1992.
- Rindos, David. *The Origins of Agriculture: An Evolutionary Perspective*. San Diego: Academic Press, 1984.
- Roosevelt, Anna Curtenius. “Population, Health, and the Evolution of Subsistence: Conclusions from the Conference.” In M. N. Cohen and G. J. Armelagos, eds., *Paleopathology and the Origins of Agriculture*, 259–283. Orlando: Academic Press, 1984.
- Rose, Jeffrey I. “New Light on Human Prehistory in the Arabo-Persian Gulf Oasis.” *Current Anthropology* 51, no. 6 (2010): 849–883.
- Roth, Eric A. “A Note on the Demographic Concomitants of Sedentism.” *American Anthropologist* 87, no. 2 (1985): 380–382.
- Rowe, J. H., and John V. Murra. “An Interview with John V. Murra.” *Hispanic American Historical Review* 64, no. 4 (1984): 633–653.
- Rowley-Conwy, Peter, and Mark Zvelibil. “Saving It for Later: Storage by Prehistoric Hunter-Gatherers in Europe.” In Halstead and O’Shea, *Bad Year Economics*, 40–56.
- Ruddiman, William. “The Anthropogenic Greenhouse Era Began Thousands of Years Ago,” *Climatic Change* 16 (2003): 261–293.
- Runnels, Curtis, et al. “Warfare in Neolithic Thessaly: A Case Study.” *Hesperia* 78 (2009): 165–194.
- Sahlins, Marshall. *Stone Age Economics*. Chicago: Aldine, 1974.
- Saller, Richard P. “Household and Gender.” In Scheidel et al., *Cambridge Economic History*, 87–112.
- Sallers, Robert. “Ecology.” In Scheidel et al., *Cambridge Economic History*, 15–37.
- Santos-Granero, Fernando. *Vital Enemies: Slavery, Predation, and the Amerindian Political-Economy of Life*. Austin: University of Texas Press, 2009.
- Sawyer, Peter. “The Viking Perspective.” *Journal of Baltic Studies* 13, no. 3 (1982): 177–184.

- Scheidel, Walter. "Quantifying the Sources of Slaves in the Early Roman Empire." *Journal of Roman Studies* 87, no. 19 (1997): 156–169.
- . "Demography." In Scheidel et al., *Cambridge Economic History*, 38–86.
- Scheidel, Walter, Ian Morris, and Richard Saller, eds. *The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Schwartz, Glenn M., and John J. Nichols, eds. *After Collapse: The Regeneration of Complex Societies*. Tucson: University of Arizona Press, 2006.
- Scott, James C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press, 1998.
- . *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press, 2009.
- Seri, Andrea. *The House of Prisoners: Slaves and State in Uruk During the Revolt Against Samsu-iluna*. Boston: de Gruyter, 2013.
- Sherratt, Andrew. "Reviving the Grand Narrative: Archaeology and Long-term Change," *Journal of European Archaeology* (1995): 1–32.
- . *Economy and Society in Prehistoric Europe: Changing Perspectives*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1997.
- . "The Origins of Farming in South-West Asia." *Archaeological Atlas* 4.1 (2005), <http://www.archatlas.dept.shef.ac.uk/Origins-Farming/Farming.php>.
- Sherratt, Susan. "'Sea Peoples' and the Economic Structure of the Late Second Millennium in the Eastern Mediterranean," in Gitin et al., *Mediterranean Peoples in Transition*, 292–313.
- Shipman, Pat. *The Invaders: How Humans and Their Dogs Drove Neanderthals to Extinction*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2015.
- Skaria, Ajay. *Hybrid Histories: Forests, Frontiers, and Wildness in Western India*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Skrynnikova, Tatanya D. "Mongolian Nomadic Society of the Empire Period." In Grinin et al., *The Early State*, 525–535.
- Small, David. "Surviving the Collapse: The Oikos and Structural Continuity Between Late Bronze Age and Later Greece." In Gitin et al., *Mediterranean Peoples in Transition*, 283–291.
- Smith, Adam T. "Barbarians, Backwaters, and the Civilization Machine: Integration and Interruption Across Asia's Early Bronze Age Landscapes." Keynote Presentation at Asian Dynamics Conference, University of Copenhagen, October 22–24, 2014.
- Smith, Bruce D. *The Emergence of Agriculture*. New York: Scientific American Library, 1995.

- Smith, Bruce D. "Low Level Food Production." *Journal of Archaeological Research* 9, no. 1 (2001): 1–43.
- Smith, Monica L. "How Ancient Agriculturalists Managed Yield Fluctuations Through Crop Selection and Reliance on Wild Plants: An Example from Central India." *Economic Botany* 60, no. 1 (2006): 39–48.
- Starr, Harry. "Subsistence Models and Metaphors for the Transition to Agriculture in Northwestern Europe." *Michigan Discussions in Anthropology* 15, no. 1 (2005).
- Steinkeller, Piotr. "The Employment of Labor on National Building Projects in the Ur III Period", in Steinkeller and Hudson, *Labor in the Ancient World*, 137–236
- Steinkeller, Piotr and Michael Hudson. "Introduction: Labor in the Early States: An Early Mesopotamian Perspective," in Steinkeller and Hudson, eds. *Labor in the Ancient World*, 1–35.
- Steinkeller, Piotr, and Michael Hudson, eds. *Labor in the Ancient World*, vol. 5, International Scholars Conference on Ancient Near Eastern Economies. Dresden: LISLET Verlag, 2015.
- Tainter, Joseph A. *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- . "Archaeology of Overshoot and Collapse." *Annual Review of Anthropology* 35 (2006): 59–74.
- Taylor, Timothy. "Believing the Ancients: Quantitative and Qualitative Dimensions of Slavery and the Slave Trade in Later Premodern Eurasia." *World Archaeology* 33, no. 1 (2001): 27–43.
- Tenney, Jonathan S. *Life at the Bottom of Babylonian Society: Servile Laborers at Nippur in the 14th and 13th Centuries BC*. Leiden: Brill, 2011.
- Thucydides. *The Peloponnesian War*. Trans. Rex Warner. New York: Penguin, 1972.
- Tilly, Charles. "War Making and State Making as Organized Crime." In Peter Evans, Dietrich Rueschmeyer, and Theda Skocpol, eds., *Bringing the State Back In*, 169–191. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Tocqueville, Alexis de. *Democracy in America*, vol. 2. New York: Vintage, 1945.
- Trigger, Bruce G. *Understanding Early Civilizations: A Comparative Study*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Trut, Lyudmilla. "Early Canine Domestication: The Farm Fox Experiments." *Scientific American* 87, no. 2 (1999): 160–169.
- Tsing, Anna Lowenhaupt. *The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Princeton: Princeton University Press, 2015.

- Ucko, Peter J., and G. W. Dimbleby, eds. *The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*. Proceedings of a Meeting of the Research Seminar in Archaeology and Related Subjects held at the Institute of Archaeology, London University. Chicago: Aldine, 1969.
- Vansina, Jan. *How Societies Are Born: Governance in West Central Africa before 1600*. Charlottesville: University of Virginia Press, 2004.
- Walker, Phillip L. "The Causes of Porotic Hyperostosis and Cribra Orbitalia: A Reappraisal of the Iron-Deficiency-Anemia Hypothesis." *American Journal of Physical Anthropology* 139 (2009): 109–125.
- Wang Haicheng. *Writing and the Ancient State: Early China in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Weber, David. *Barbaros: Spaniards and Their Savages in the Age of Enlightenment*. New Haven: Yale University Press, 2005.
- Weiss, H., et. al. "The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization," *Science* 261 (1993): 995–1004.
- Wengrow, David. *The Archaeology of Early Egypt: Social Transformation in North-East Africa, 10,000 to 2,650 BC*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- . *What Makes Civilization: The Ancient Near East and the Future of the West*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Wilkinson, Toby C., Susan Sherratt, and John Bennet, eds. *Interweaving Worlds: Systemic Interactions in Eurasia, 7th to 1st Millennia BC*. Oxford: Oxbow, 2011.
- Wilkinson, Tony J. "Hydraulic Landscapes and Irrigation Systems of Sumer." In Crawford, *The Sumerian World*, 33–54.
- Wilson, Peter J. *The Domestication of the Human Species*. New Haven: Yale University Press, 1988.
- Woods, Christopher. *Visible Writing: The Invention of Writing in the Ancient Middle-East and Beyond*. Chicago: University of Chicago Press, 2010.
- Wrangham, Richard. *Catching Fire: How Cooking Made Us Human*. New York: Basic, 2009.
- Yates, Robin D. S. "Slavery in Early China: A Socio-Cultural Approach." *Journal of East Asian Archaeology* 5, nos. 1–2 (2001): 283–331.
- Yoffee, Norman. *Myths of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Yoffee, Norman, and George L. Cowgill, eds. *The Collapse of Ancient States and Civilizations*. Tucson: University of Arizona Press, 1988.
- Yoffee, Norman, and Brad Crowell, eds., *Excavating Asian History: Interdisciplinary Studies in History and Archaeology*. Tucson: University of Arizona Press, 2006.

- Yoffee, Norman, and Andrew Sherratt, eds. *Archaeological Theory: Who Sets the Agenda*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Zeder, Melinda A. *Feeding Cities' Specialized Animal Economy in the Ancient Middle East*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 1991.
- . "After the Revolution: Post Neolithic Subsistence in Northern Mesopotamia." *American Anthropologist* new ser. 96, no. 1 (1994): 97–126.
- . "The Origins of Agriculture in the Near East." *Current Anthropology* 52, no. S4 (2011): S221–S235.
- . "The Broad Spectrum Revolution at 40: Resource Diversity, Intensification, and an Alternative to Optimum Foraging Explanations." *Journal of Anthropological Archaeology* 321 (2012): 241–264.
- . "Pathways to Animal Domestication." In P. Gepts, T. R. Famula, R. L. Bettinger, et al., eds., *Biodiversity in Agriculture: Domestication, Evolution, and Sustainability*, 227–259. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Zeder, Melinda A., Eve Emshwiller, Bruce D. Smith, and Daniel Bradley. "Documenting Domestication: The Intersection of Genetics and Archaeology." *Trends in Genetics* 22, no. 3 (2016): 139–155.

Научное издание

ДЖЕЙМС СКОТТ

ПРОТИВ ЗЕРНА

Глубинная история
древнейших государств

Главный редактор В.В. Анашвили
Выпускающий редактор Е.В. Попова
Редактор О.В. Черкасова
Художник П.П. Лосев
Верстка Я.Д. Агеев

Подписано в печать 04.05.2020. Формат 60×90^{1/16}
Гарнитура Baskerville. Усл. печ. л. 20,5
Тираж 1000 экз. Изд. № 136.

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр — тел. (495) 433 2510, (495) 433 2502
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru
Интернет-магазин — www.delo.ranepa.ru

ISBN 978-5-85006-222-4

9 785850 062224

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО» РАНХиГС

Москва, проспект Вернадского, д. 82
Тел.: (495) 433-25-02
delo@ranepa.ru

Где купить

Интернет-магазин: www.delo.ranepa.ru

Спрашивайте в книжных магазинах

Москва

Академия, специализированные магазины деловой книги,
в РАНХиГС, Москва, просп. Вернадского, д. 82 (499) 270-29-78
Москв, Тверская ул., д. 8 (495) 629-64-83
Библио-Глобус, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (495) 781-19-00
Московский Дом книги, ул. Новый Арбат, д. 8 (495) 789-35-91
Молодая гвардия, ул. Большая Полянка, д. 28 (495) 780-33-70
Фаланстер, Малый Гнездниковский пер., д. 12/27, стр. 3
(вход в арке) (495) 629-88-21, (495) 504-47-95, falanster@mail.ru
Сеть «Читай-город» («Новый Книжный») (495) 937-85-81,
(499) 177-22-11
Циолковский, Пятницкий пер., д. 8 (495) 951-19-02
БукВышк, университетский книжный магазин (НИУ ВШЭ),
ул. Мясницкая, д. 20 (495) 628-29-60
Гнозис, Турчанинов пер., д. 4 (495) 255-77-57
Фаланстер и Винзводе, 4-й Сыромятнический пер., д. 1, стр. 6
(495) 926-30-42
Книжный клуб 36°6, ул. Бакунинская, д. 71, стр. 10
(495) 926-45-44
Аргумент, Ленинские горы, МГУ, д. 1, сектор «Б»
(495) 939-42-95
Нэку — всем, выставочный зал, Нахимовский проспект, д. 56
(499) 724-25-45
Дом педагогической книги, ул. Большая Дмитровка, д. 7/5, стр. 1
(495) 629-54-35
Дом книги и Соколе, Ленинградский просп., д. 78
(499) 155-38-82
Гоголь books, в «Гоголь-центре», ул. Казакова, д. 8
(925) 468-02-30
Ходяевич, ул. Покровка, д. 6 (965) 179-34-98
Гиперион, книжный клуб и магазин, Хохловский пер., д. 7–9
(916) 613-42-86

Доставка по всему миру

Доставку по всему миру осуществляет интернет-магазин OZON.ru